

ДЕНИС БУРМИСТРОВ

ИМПЕРИЯ МЛЕЧНОГО ПУТИ

КНИГА ВТОРАЯ

РЕЙТАР

Империя Млечного пути

Денис Бурмистров

**Империя Млечного
Пути. Книга 2. Рейтар**

«Денис Бурмистров»

2019

Бурмистров Д. Е.

Империя Млечного Пути. Книга 2. Рейтар / Д. Е. Бурмистров —
«Денис Бурмистров», 2019 — (Империя Млечного пути)

Юрий Гарин – бывший колонист-разведчик, а ныне – солдат частной военной корпорации. Лишившись родины, он приобрел новый дом, новых друзей, новый смысл к существованию. Но судьба вновь испытывает Юрия на прочность – назревает межгалактическая война между Империей Млечного пути и Содружеством Рхеи, тут и там появляются странные и страшные твари, пожирающие всех на своем пути, а из глубин космоса к обитаемым мирам тянет черные «щупальца» таинственная Язва. Сможет ли Юрий пройти путь рейтара – наемника на службе Империи? Сможет ли понять, что за существо поселилось на нижних палубах корвета «Полынь»? Встретит ли Элли, странную девушку, говорящую с бездной? Представляем вам вторую книгу писателя-фантаста Бурмистрова Дениса из цикла «Империя Млечного пути».

© Бурмистров Д. Е., 2019

© Денис Бурмистров, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Юрий Гарин	7
Глава 2. Женя	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Денис Бурмистров

Империя Млечного Пути. Книга 2. Рейтар

Пролог

- Ламби, у тебя картинка пропала.
- Что? Инга, повтори, я не расслышал.
- Картинка, говорю, пропала. Звук идет, изображения нет.
- Наверное, из-за бури. Ты говори громче, а то песок о шлем бьется, шелест постоянный.

И ветер завывает.

- Включи шумоподавление, тебя тоже плохо слышно.
- Помехи?
- Да, помехи.
- Точно из-за бури.
- Ты обошел скальную гряду?
- Почти... Черт!
- Что случилось?
- Камень... Споткнулся... Сейчас, поднимусь... Чертов скафандр!
- Ламби, ты кричишь как старикан.
- Не как старикан, а как отягощенный ответственностью начальник экспедиции... Да вот же зараза!

- Не сквернословь при подчиненной.
- Да этот скафандр, эта ракушка трилобита-переростка, до чего же громоздкий и неудобный. Из-за него терпеть не могу работать на планетах с агрессивной средой.
- Спокойно, Ламби, вдох-выдох. Осталось немного – найти разлом и поставить маяк.
- Ты давай меня поучи, мелкота со вторым рабочим выходом.
- Ты давай-ка не шуми там, ответственный начальник с семьдесят пятым выходом.
- С семьдесят шестым... Семьдесят шестая экспедиция на семьдесят шестую планету.

Черт, я реально стар!

- Вернешься – проверим.
- Заметано... Ладно, я вроде бы спустился к подножию. Картинка не появилась?
- Нет.
- Не страшно. Значит так, тут у нас действительно разлом в скальной породе, широкий, глубокий, удобный для работы. Видимость отвратительная, попробую поменять спектр... Да, определено, хорошее место, есть где закрепить буру. Анализатор выдает низкую сейсмоактивность, и ветер тут заметно слабее.
- С Вандиса пиво, он мне проспорил. Анализатор будешь вниз опускать?
- Незачем, и так видно, что порода имеется. Если только минералы поискать... Нет, не буду зря тратить собственность экспедиции. Маяк поставлю и хватит.
- Хорошо. Возвращайся быстрее, с кухни чем-то вкусненьким пахнет.
- У-у, молчи! Я с полудня ничего не ел... Все, установил. Возвращаюсь.
- Что? Повтори, помехи.
- ...
- Ламби, я тебя не слышу.
- Эм... Здесь человек.
- Что?
- Человек.

- Какой человек? Кто-то из наших?
- Не вижу... Инга, он без скафандра.
- Ламби, с тобой все в порядке? За бортом пятьсот по Цельсию и кислотные осадки.
- Он стоит, смотрит на меня.
- Ламби! Проверь уровень кислорода. Это галлюцинации. Проверь кислород и срочно возвращайся в ровер.
- ...
- Ламби!
- Здесь еще один, он сбоку от меня... Господи, что у него с головой? Не могу разглядеть детали... Черт, еще один!
- Ламби, твою мать! Бегом в вездеход!
- Инга, они идут ко мне! Это не люди, люди так не ходят. У них нет лиц, Инга!
- Ламби! Ламби!
- ...
- Ламби!
- Сигнал потерян. Проверьте возможные неполадки на линии.

Глава 1. Юрий Гарин

Рота солдат Войск планетарной обороны выстроилась в две шеренги вдоль центрального коридора, торопливо побросав тубусы с мебельным конструктором к стене. За их спинами копошились безликие роботы-репликанты, собирающие из легких модулей одежные шкафчики и кровати.

– Напоминаю! – перед строем прохаживался штаб-сержант, худой и нахмуренный. – Вы – лицо Имперской обороны! Рядом с базой расположена крупная гражданская колония и именно по вам будут судить обо всех вооруженных силах в целом. Потому за соблюдением чистоты и опрятности буду следить лично я...

– Они вообще видели местных? – с сомнением спросил Глебович.

– Я думаю, нет, – покачал головой Боб, наблюдая за военными из-под руки.

– ... Если хоть раз увижу масляные пятна на форме, лишу увольнительных, – штаб-сержант остановился, вытянул шею, высматривая кого-то во второй шеренге, рывкнул. – Ясно, Робинсон?

– Так точно!

– Всем ясно?

– Так точно! – хором ответил строй.

– И не вздумайте брать пример с рейтаров! – тощий перст штаб-сержанта резко ткнул в сторону расположения бойцов корпорации «Сфорца». – Не перенимайте дурных привычек!

Дюжина глаз скосилась вслед за жестом командира и теперь с любопытством разглядывала отдыхающих в своих спальниках контракторов.

Глебович демонстративно выпятил растрепанную бороду. Возмущенно заворочался Рэнт, намереваясь что-то разъяснить военным, но Одегард остановил его.

Гарин наблюдал за происходящем из-под полога полуоткрытых век, растянувшись на своем жестком ложе. О прибытии роты планетарников его предупредили еще утром, правда не сообщили, что армейцы расположатся настолько близко. Что ж, вполне в духе местного командования.

Удостоверившись, что никто из подчиненных не собирается лезть в драку, Юрий закрыл глаза и попытался продолжить прерванный сон.

Военные снова что-то гаркнули. Глебович громко и с выражением послал их куда подальше.

Юрий вздохнул и перевернулся на бок, накидывая на себя купол шумоподавления.

Уже почти четыре месяца они – выжившие абордажники с «Полыни» – служили в одном из «грунтовых» подразделений корпорации «Сфорца», которое на период военных действий подчинялось корпусу Войск планетарной обороны системы Лагрус-Омега.

И уже полгода с того самого боя, в котором потеря руки стала для Гарина самой меньшей из потерь.

Юрий мысленно обратился к своей правой руке. Модулятор заботливо высветил в сознании диагностические параметры биоимплантанта, присоединенного к плечу. Гарин поочередно подергал искусственными пальцами.

Хороший протез. Далеко не самый современный, но хороший – рука совсем как настоящая. Будь Гарин рангом повыше, прослужи на момент получения увечья подольше, и корпорация оплатила бы ему модель подороже. Однако, Юрий в душе был только рад своему базовому имплантанту, его пугала перспектива получить вместо обычной руки хитроумный мультитул. Да и модулятор не потянул бы работу с высокоскоростными нейронными сетями, все же он не настоящая инба. Как его сегодня зовут? Киран? Пиран?

– Кейван, – явил ответ модулятор. – Хранитель кладов.

– Это был не вопрос. Дай поспать.

Модулятор замолк.

Ида, целых полгода с той мясорубки у «Глизе-33», когда пристыковавшийся к технической станции корвет «Полынь» попал в пиратскую ловушку, погубившую почти весь экипаж звездолета.

Только вот пираты не ожидали, что горстка выживших сорвиголов не только окажет яростное сопротивление, но и, оскалившись, сами пойдут в атаку.

И вырывал свой корабль из лап стыковочных фиксаторов невозмутимый капитан Кимура.

И сжигал свой мозг в ложементах управления пилот Си Ифмари, работая один за всех погибших товарищей.

И дорого продавали свои шкуры «блохи» – контракторы абордажной группы, сцепившиеся в открытом космосе с превосходящими силами противника.

Тот бой отзывался в памяти Юрия сплавом из ощущений и эмоций, которые никак не складывались в общую картину, оставаясь кривыми осколками разбитого витража.

Удушливый жар внутри боевого костюма, писк сходящих с ума аварийных систем, клубы едкого дыма от горящей обшивки.

Грохот изрыгающего пламя ракетомета, давящий на уши гул излучателя, гулкие удары вражеских снарядов о броню, скрежет и лязг сцепившихся в схватке «големов».

Крики боли и ужаса в эфире, яркие вспышки от взрывов, кипящая в крови ярость.

Звонкий щелчок стальной клешни, отрывающей Гарину руку.

Юрий поморщился.

После той мясорубки живыми смогли уйти лишь трое «блех» – он, Боб Хьюз и Рэй Одегард, несколько офицеров из командования корвета, в том числе капитан Кимура, да пара десятков матросов и мичманов. Прочие остались летать ледяными фигурами среди обломков космической станции, став свидетелями того, как из-за сияющего Горизонта вдруг полезло, просочилось, пролилось...

Юрий не знал, как описать то, что успел увидеть. Он не знал слова, обозначающего стремительное превращение целой звездной системы в клубящуюся, бурлящую структуру невероятных размеров.

Еще он не знал, как назвать ту тварь, что перебралось к ним с мертвого корабля «Каукет». Черное нечто, живущее на технических палубах звездолета и с легкостью убившее несколько человек.

И, судя по всему, спасшее ему жизнь, закрыв заклинившую дверь шлюза.

Интересно, обнаружат ли это существо при ремонте «Полыни»? Капитан не мог не упомянуть о нем в рапорте.

Об этом можно было только гадать – корвет «Полынь» с тех самых пор находился на ремонтной станции корпорации, и связи с бывшими сослуживцами у Юрия не было. После начала войны с Объединением Рхеи все частные военные компании получили статус рейтаров и перешли во временное подчинение командованию Имперских вооруженных сил. Потому оставалось неизвестно, вернется ли вообще корабль в строй и призовут ли вновь на его борт старый состав абордажной группы.

– Входящий вызов, приоритетный, – ожил модулятор.

Так и не заснувший Гарин тяжело вздохнул, разблокировал канал связи.

– Лидерам оперативных групп прибыть к трем часам в брифинг-зал. Распоряжение майора Гарнаги.

Без напоминания модулятор показал время – два сорок ночи.

– Ты куда? – Одегард заметил, что Юрий тяжело поднялся, разминая шею.

– Гарнага вызывает, – повернул голову Гарин.

– Неймется ему, – неодобрительно покачал рыжей шевелюрой чернокожий контрактор. – Чего хочет?

– Не знаю.

Гарин окинул взглядом остальных подчиненных, которые спали, или делали вид, что спят, обулся и снял с крючка форменную куртку с бегущим воином-копейщиком на рукаве – эмблемой корпорации «Сфорца».

– Будет опять требовать прочесывать болото – пристрели его, – пробубнил себе под нос Хьюз, лежащий у стены.

Солдаты, помогающие синтам обустроить казарму, предусмотрительно уступали дорогу тяжело шагающему рейтару. Совсем еще молодые, только после школы профкорректировки, подготовленные к войне добровольцы. С тех пор, как Объединение Рхеи объявило войну Империи, в стране наблюдался патриотический подъем и тысячи парней и девушек заполнили вербовочные пункты Метрополии и колоний. Им вливали через инбу военную специализацию и новоиспеченные солдаты с сильными теоретическими знаниями, но полным отсутствием опыта горели в боевых звездолетах, задыхались в десантных капсулах и ложились в землю чужих планет.

Практически тем же отвечал Рхей. С той лишь разницей, что их солдаты были, фактически, бессмертными.

Под нужды опорной базы военные приспособили старую климатическую станцию под боком у крупной рудодобывающей колонии. С орбиты периодически сбрасывали готовые модули, которые оперативно присоединяли к имеющимся постройкам и, по идее, через месяц старенькая Х-образная станция должна превратиться в неприступный форпост с казармами, средствами планетарной обороны и связи. Пока же приходилось терпеть мелкие неудобства в виде нехватки мест, постоянного строительного шума, перебоев в энергоснабжении и перепадах гравитации.

Под мигание ламп Гарин миновал холодный коридор между модулями, прошел мимо вахтенного солдата в боевом комплекте и шлеме с отстегнутой маской, толкнул тяжелую дверь.

Командный корпус, в котором располагались центр связи, оперативный штаб, комната контроля и архив никогда не пустовал. Даже сейчас, в столь поздний час, тут было довольнолюдно. Перед слепыми мониторами полулежали в креслах-ложементах дежурные офицеры, анализируя постоянно обновляющуюся информацию со всего контролируемого сектора. Гражданские специалисты из местных ворочали тяжелый вентиляционный короб, рядом штаб-сержант из группы обеспечения ковырялся в раскрытом энергощите.

Юрий прошел мимо них мрачной тенью, поправляя на ходу куртку. Перед дверью оперативного штаба чуть притормозил, ожидая, пока створки торопливо разъедутся в стороны.

– Заставляете себя ждать, господин Гарин, – донеслось вместо приветствия. – Проходите быстрее.

Шеф-командующий базой «Ракуда» майор Лео Гарнага коротким жестом указал Юрию место за овальным столом с включенной объемной картой сектора.

– Как долго вы в должности? – холодно прищурившись, спросил майор, пока Гарин занимал свое место.

– Три месяца.

– Я бы на вашем месте исполнял все приказы начальства бегом. Иначе эти три месяца могут стать вашим главным достижением в роли командира группы.

Гарин промолчал, не желая вдаваться в дискуссию. Он и так знал, что ему скажет шеф-командующий.

Майор Гарнага, потомственный военный, собранный и выращенный в пробирке лучшими генетиками Империи, воспитанный в строгих уставных традициях и прошедший долгий путь от набора хромосом до командующего базой, откровенно недолюбливал сотрудников част-

ных военных компаний. Он при любом удобном случае демонстрировал свое презрение, не забывая заявлять, насколько был бы рад маленькому взводу пехотинцев-новобранцев вместо «непрофессиональных и морально неустойчивых» рейтаров, частных контракторов на службе Империи.

На самом деле, причин жаловаться на своих временных подчиненных у майора не было – группа Гарина практически не вылезала из рейдов, действуя результативно и эффективно. Впрочем, возможно именно это и выводило из себя Гарнагу, считающего, что его армейской элитарности брошен некий вызов. Как бы там ни было, Юрий не собирался переубеждать Гарнагу, предпочитая просто хорошо делать свою работу.

Отрадно, что далеко не все офицеры разделяли точку зрения шефа-командующего.

– Успел поспать? – тихо спросил Юрия сидящий рядом Ли Кэнджун, командир отряда оперативного реагирования.

С невысоким жилистым капитаном Гарин расстался чуть больше четырех часов назад – рейтары часто работали с парнями Кэнджуна, благо задачи перед ними ставились практически одинаковые. Друзьями пока стать не успели, но вполне обрели обоюдную симпатию, какую могут обрести сражающиеся бок о бок люди.

На вопрос капитана Юрий лишь скорчил неоднозначную гримасу. Кэнджуна, должно быть, тоже вырвали из койки, но модифицированный организм профессионального солдата легко справлялся с многодневной усталостью. В свою очередь Гарин был обычным человеком и нуждался в хорошем сне, теплой пище и сорока минутах одиночества в день. Вместо этого Юрий спал за двое суток чуть больше трех часов и, естественно, вымотался. Но какой смысл это обсуждать?

Последним в зале появился Виктор Иклеба, капитан мобильного взвода. Командир боевых болотоходов как обычно был не в духе, что-то ворчал в серебристую щетину, вытирая почерневшие от активной смазки руки о потертый комбинезон. Протопал к ближайшему стулу и плюхнулся в него, коротко кивнув присутствующим.

Ни за опоздание, ни за внешний вид Гарнага ничего «мобильному» капитану не высказал. Что, собственно,нисколько не удивило Юрия.

Шеф-командующий отстранился от стола, словно хотел разом охватить взглядом собравшихся, поднял подбородок, прочистил горло.

– Господа, – с несколько театральной интонацией произнес Гарнага. – Два часа назад поступило сообщение с дальнего опорного пункта – во время патрулирования наши «каракатицы» наткнулись на отряд рхейских диверсантов.

Над столом вспыхнула полупрозрачная видеозапись ночного боя, снятая камерой одного из роботов подавления – вспышки выстрелов, выхватывающие из темноты корявые стволы деревьев, похожие на косые трассеры струи дождя, мечущиеся среди кустистых кочек фигуры с оружием.

Иклеба вполголоса выругался, отмахнувшись мясистой ладонью. Гарин с ним мысленно согласился – понять что-либо на записи было невозможно.

– В результате боестолкновения обе стороны понесли потери, – продолжил майор. – Операторы отозвали «каракатиц» для обороны опорного пункта, но противник не предпринял попыток атаковать башню терраформирования, ретировался вглубь болот. Полчаса назад поступило сообщение от орбитальных «глаз», что немаркированная группа вооруженных лиц зашла в поселение Рамо. Есть все основания предполагать, что это те самые диверсанты.

– Господин майор, что им понадобилось у «пиявок»? – поинтересовался Кэнджун.

– Возможно, сектанты их покрывают, – принялся предполагать Гарнага. – Возможно, они думают, что у них на «хвосте» каракатицы и решили взять гражданских в заложники. В любом случае, мы – ближайшие к поселению, должны отреагировать.

– С «пиявками» пытались связаться? – проскрипел Иклеба.

– У них нет технических средств связи, – ответил Гарин. – Религия не позволяет.
– А, ну да, – поморщился капитан. – Духи грязи.
– Топи, – вновь поправил его Юрий. – Топь, которая болотная.
– Без разницы, – Иклеба дернул щекой.
– Попрошу не превращать совещание в балаган, – повысил голос Гарнага, сверля взглядом Гарина. – Если нечего сказать по делу, молчите.

Юрий выдержал взгляд, холодно улыбнувшись. Майор многозначительно усмехнулся и обратился к своим собратьям-военным.

– Капитан Кэнджун, выходите с группой незамедлительно. В ваше распоряжение поступают рейтары во главе с господином Гариным. Нечего им на базе прохлаждаться, пока армия работает, – майор не удержался от презрительного смеха. – Капитан Иклеба, обеспечьте нужное количество техники для доставления группы на место.

– Двух болотников хватит, – кивнул Виктору Кэнджун.

– Вопросы есть? – Гарнага обвел всех взглядом. – Вопросов нет. Приступайте к выполнению задачи.

* * *

Бронированный болотоход шел усыпляюще мягко, чуть покачиваясь с борта на борт. Большие, шарообразные колеса без труда переваливались через кочки и кусты, разбрасывая в стороны большие комья тяжелой грязи. Сквозь открытый люк в кабине водителя-механика виднелся края обзорного монитора с унылым пейзажем.

Единственная обитаемая планета системы Лика Ракуда представляла собой одно сплошное болото, из которого, словно гребни окаменевших исполинов, торчали острые скалы. Время от времени из черных вод подымались уродливые вулканы, выплескивали ленивую багровую лаву и медленно оседали обратно. С небес постоянно лил дождь, словно пытаясь затопить это олицетворение безысходности, а редким просветам в тучах радовались лишь выползающие на поверхность черви-переростки, да похожие на змей рыбы.

Работать в таких условиях было крайне тяжело. Причем, не сколько физически, сколько морально – здесь даже самые жизнерадостные люди вскоре превращались в нелюдимых и раздражительных молчунов. Особенно это касалось персонала терраформирующих башен, вынужденных коротать долгие месяцы в компании двух-трех опостылевших коллег. Многие ломались и улетали. Кто-то сходил с ума. Кто-то даже кончал с собой.

Другой стороной этой медали были «пиявки» – ушедшие в добровольное изгнание маргиналы, живущие маленькими коммунами вдалеке от крупных поселков. В этих коммунах проповедовали странные мистические культы, расцветающие буйным цветом среди наркотического дыма и галлюциногенных слизней-паразитов.

Поселение Рамо относилось к одной из таких обителей «душ топи».

Модулятор взбудрил мозг легким разрядом, вытаскивая Гарина из вязкой, словно болото Ракуды, трясины беспокойной дремы.

– Точка готовности, – приветливо сообщил Кейван. – Хотите услышать о пагубных последствиях длительного нахождения без сна?

– Отстань, – беззвучно ответил Юрий, шевеля губами.

Он с трудом открыл кажущиеся высохшими глаза, протер их жесткими костяшками живой руки. Наклонился вперед, припадая к плоскому носу встроеной в боевой костюм «поилки» и сделал несколько глотков цитрусового энергетика.

Стало немного легче, хотя на зубах теперь скрипело.

– Цель в пределах видимости, – бросил через дверь механик-водитель.

– Парни, подъем, – скомандовал Юрий. – Пора поработать.

Контракторы заворочались в креплениях десантных кресел, не желая прерывать короткий, но сладкий сон. Единственными, кто практически сразу перешел от ватной расслабленности к бодрой деловитости, были Рэй Одегард, отягощенный обязанностями помощника командира, да урсулит Одучи, который всегда просыпался, словно и не спал вовсе. Похожий на поджарого медведя дистант несколько раз сжал и разжал лохматые кулаки с черными бугристыми ладонями, что-то протяжно пробурчал в свисающие с морды усы, повернулся и ткнул сидящего рядом контрактора. От подобного удара любой другой взвыл бы от боли, но массивный Рэнт лишь хрюкнул и вытаращил непонимающие глаза, а через миг уже зычно гоготал, обмениваясь с лохматым дистантом дружескими тычками.

Повстречай Юрий их раньше, в своей прошлой жизни, то непременно посчитал бы, что столкнулся с чудовищами. Покрытый плотной бурой шерстью Одучи представлял расу с окраины Млечного пути, названную урсулитами за отдаленную схожесть с давно вымершими земными хищниками. Естественно, никакими медведями дистанты с холодной планеты Урсуплея не являлись, но название прижилось. Урсулиты сильно отставали в развитии от своих собратьев по галактике, потому довольно быстро поняли перспективы от сотрудничества и с удовольствием стали вторым после системы Аджай протекторатом Империи. Впрочем, Юрий никогда не слышал о выдающихся медведеподобных ученых, зато солдат-урсулитов встречал повсеместно. Причем, хороших солдат.

Что до Рэнта Ярвиса, то он был обычным человеком, уроженцем одной из промышленных колоний в Облаке Ориона. Впрочем, человеческого в громадном сыне имперского сталевара было не больше, чем в «разумных» торпедах – кроме лица и некоторых других частей тела, Рэнт был почти полностью аугментирован грубыми, но действенными имплантатами. Таких, как он, называли аугами и, если честно, Гарин до конца не доверял этим людям-машинам. У него на то были веские основания – все прошлые знакомства с аугами закончились для Юрия печально.

Однако, к Рэнту Гарин все же проникся некоторой симпатией. Здоровяк был бесхитростен и добродушен. Он быстро подружился с Одучи, найдя в прямолинейном и смешливом урсулите родственную душу, и они оба представляли в команде Гарина хороший боевой тандем, ловко управляясь с тяжелыми рельсовыми пулеметами.

На их фоне худой и вечно взъерошенный как мокрый воробей Тихомир Глебович выглядел почти незаметно. Никогда не улыбающийся, угрюмый и никому не доверяющий специалист по взрывчатке был родом из обширного Славянского сектора и единственный из всех контракторов разговаривал по-русски. Впрочем, делал он это не часто, предпочитая словам жесты и многозначительные взгляды из-под кустистых бровей, а товарищескому времяпровождению уединенное конструирование всяких странных электронных безделушек.

Рядом с Гариным закашлял Боб Хьюз, плохо переносящий сухой фильтрованный воздух вездехода. Коренной импорец, опальный полицейский из Метрополии, в силу причин, о которых не любил говорить, попавший в «Сфорца». С крупными чертами лица, с отяжелевшей от возраста фигурой и усталой дымкой в глазах, Боб был самым старым среди товарищей по оружию. Гарин не без основания считал, что произошедшее у станции «Глизе-33» подломило бывшего законника – Хьюз все чаще впадал в раздражительную хандру, все чаще заводил разговоры о том, насколько ему все надоело.

Последним членом группы Гарина был Рэй, он же Рэйквон Одегард, еще один абордажник с «Полыни». Потомственный викинг, сын норвежских переселенцев, чернокожий рыжеволосый здоровяк и, пожалуй, единственный настоящий друг и помощник Юрия.

Остальные друзья остались в другой жизни Гарина. Той жизни больше нет, и вряд ли уже будет.

Юрий приказал модулятору развернуть обзорную «вуаль» и заскользил глазами по транслируемой с внешних камер картинке.

Болотоходы остановились в небольшой роще куцых, уродливых деревьев, похожих на воткнутые в бугристую грязь снопы шипастых хлыстов. Среди растопыренных корней виднелись кольчатые спины гигантских слепых червей, вылезших под дождь – верный признак того, что неподалеку есть островок твердой почвы. На нем, на толстой подушке из армированного пенобетона, расположился поселок Рамо.

Гарин переключился в аналитический режим, картинка расцвела маркерами, графиками и рекомендациями.

- Входящий вызов, – оповестил модулятор.
- Включай, – разрешил Гарин и тут же произнес, – Кэн, ты тоже их видишь?
- Вижу, – откликнулся Кэнджун. – Они не сильно преуспели в маскировке.
- Они и не пытались, – отметил Юрий.

Сенсоры отмечали впереди засаду, нехитрую и бестолковую, с парой бойцов и одним тяжелым плазмометом. Она представляла опасность лишь для подслеповатых и неповоротливых тягачей местных жителей, но никак не для штурмового отряда регулярной имперской армии.

- Фальшивка? – предположил Кэнджун.

– Потрепали их хорошо, – поделился мнением Гарин. – Они понимают, что в прямом бою проиграют. Единственный шанс убратся живыми – заманить нас в ловушку, быстро уничтожить и дать деру.

- Думаешь?
- Я бы так сделал.
- Я бы тоже, – согласился командир отряда оперативного реагирования.
- А заложники? – вмешался молчащий до того Виктор Иклеба.

Юрий пожал плечами.

- Ненадежный аргумент. Тем более, что никто с предложением обмена к нам не спешит. Иклеба согласно хмыкнул.

– Значит, нам приготовили фланговый огонь, – вернулся в разговор Кэнджун. – Хотят взять в клещи. Я послал «скаутов», они будут сканировать и передавать картинку прямо на боевые панели. По сообщениям, у диверсионной группы были легкие автоматические пулеметные установки и «детонаторы».

Юрий поморщился – роботы-камикадзе размером с кулак, выпущенные в темные воды, могли преподнести неприятные сюрпризы.

- Обойдем? – предположил командир болотоходов.
- Здесь единственная дорога в поселок, – в голосе Кэнджуна слышалось разочарование этим фактом. – Западнее – метановая топь. С востока скальная гряда, не залезем.
- Надо жарить, мужики, – уверенно произнес Гарин.
- Надо жарить, – подтвердил Кэнджун. – Но неглубоко, чтобы не повредить строения поселка.

– Жарить – так жарить, – легко согласился Иклеба. – Сейчас или когда на позиции выйдете?

– Когда выйдем, – принял решение Кэнджун, фактически руководящий полевой частью операции. – Юрий?

- Мы уже вылезаем, – откликнулся Гарин и свернул «вуаль».

На него уже ожидающе смотрели, грея в руках оружие.

- К машине, – скомандовал Юрий. – Сейчас будет красиво.

Иклеба «жарил» от души, со всем имперским размахом. Армейские болотоходы обладали довольно внушительным арсеналом и теперь высыпавшие наружу бойцы с восхищением

наблюдали, как на фоне ало-сизых плазменных разрывов и длинных трассеров реактивных снарядов куцый подлесок перемалывался в однородную грязь и разлетался во все стороны.

Оставалось надеяться, что подобная артподготовка уничтожит большую часть «детонаторов» и загонит оставшихся в живых диверсантов обратно в поселок. Впрочем, по информации с зависшего над головами «скаута», сигнатуры живых целей по курсу движения отсутствовали.

Гарин положил на стигб руки «свистуна» – простой и надежный автомат УМАС-3, состоящий на вооружении контракторов «Сфорца», нашел глазами притаившуюся в стороне группу Кэнджуна. Если бы те не отмечались светлыми силуэтами, то разглядеть их, одетых в скафандры-хамелеоны, было бы крайне затруднительно. Что бы ни говорили флотские, пренебрежительно называющие войска планетарной обороны «грунтовыми», а для рутинной работы на поверхностях имперская пехота была приспособлена куда как лучше самых лихих десантников. Если последние с гиканьем и свирепыми воплями обрушивались на головы врагов с орбиты, чтобы занять нужный плацдарм или героически погибнуть, то «грунтовые» воевали медленно, но методично, словно завладевший добычей удав. Собственно, а куда спешить, если планеты все равно круглые и бежать врагам особенно некуда?

По сравнению с бойцами Кэнджуна, рейтары группы Гарина были экипированы куда как скромнее – тяжелые боевые костюмы из тех времен, когда толщина брони еще что-то значила, оружие, лишенное интеллекта и систем анализа целей, обычная связь, а не шифрованные ментальные каналы. Впрочем, контракторам категории S на другое рассчитывать и не приходилось – они были самым дешевым пушечным мясом корпорации.

Особенно такие, как Юрий – без гражданства, без врожденной нейронной сети, без генетических улучшений и положительных аугментаций. Человек, потерявший дом, и пытающийся не потеряться в новом мире.

Бывший разведчик с исчезнувшего в глубинах космоса корабля поколений миссии «Ковчег». Ныне – рейтар на службе Императора Млечного Пути.

И одни лишь отцы-духовники знали, что его ждало в будущем.

Орудийные установки болотоходов смолкли, выплюнув напоследок россыпь гранат с дымовой завесой. Остатки леса заволокло сизой мерцающей пеленой.

– Слався Нгаи, – буднично возвестил в наушниках Иклеба. – Так сказать, чем богаты.

– И на том спасибо, – откликнулся Гарин.

– Продвигаемся вперед до следующей контрольной точки, – скомандовал Кэнджун. – Дистанция сто.

– Вперед, – махнул своим Гарин. – Огонь без команды.

И они пошли, словно ледоколы, проламывая бронированными телами запекающуюся от плазменного залпа грязевую корку на поверхности болота. Обходя стороной разбитые, но все еще нервно дергающиеся «детонаторы», добрались до места, где пряталась незадачливая засада. Здесь Иклеба «порезвился» особенно рьяно, поэтому разобрать что-либо в месиве из грязи, обломков железа и кровавых тряпок было совершенно невозможно.

– Внимание, – появился в эфире Кэнджун. – Обнаружили еще одну наблюдательную точку с планшетом управления турелями. Оператор отсутствует.

– Оператора, должно быть несколько разбросало, – заметил Боб.

– Приняли к сведению, – ответил командиру пехотинцев Гарин. – Идем до линии периметра?

– Так точно, – утвердил Кэнджун и отключился.

Оператор обнаружился спустя несколько минут, когда закованные в броню бойцы вышли из дымовой завесы прямо к периметру поселка. Извилистый след убегающего человека четко выделялся в маслянистой воде, вел к зарослям острой и высокой травы, над которыми торчал серый купол барака с узкими, тяжелыми ставнями окнами. Отчего-то приоткрытыми...

– Ложись! – рявкнул Гарин и контракторы плюхнулись в грязь прежде, чем их срезала длинная очередь тяжелого пулемета, установленного в глубине здания. Крупные бронебойные пули с гулом прошелестели над головами, закручивая в спирали сизый дым завесы. Ухнула в ответ базака Рэнта, вместе с ним открыла огонь группа Кэнджуна, разворотив вражескую амбразуру бронебойными. Запоздало подключился со своим рельсовым пулеметом Одучи, посылая длинные плевки электромагнитных снарядов.

Хотя местные постройки и отличались хорошим запасом прочности, все же не были сконструированы для военных целей. Поэтому после такого жесткого ответа на необдуманные выстрелы барак лишился одной стены и части крыши, выпустив наружу полупрозрачное облако внутренней атмосферы. В траву скатился мертвый стрелок с отсутствующей правой частью тела.

– Переговоры! – прохрипел незнакомый голос по открытому каналу.

– К черту переговоры, – воинственно хохотнул по внутренней связи Рэнт. – Я только вошел во вкус.

– А я не успел! – вставил Одучи, чью реплику озвучил встроенный в гортань урсулита переводчик.

– Прекратить стрельбу! – скомандовал Кэнджун. – Закрепиться на позициях.

Гарин бросил на карту группы схему развертывания и контракторы расползлись широкой цепью, стараясь не выделяться на фоне воды. В этом плане пехотинцам Кэнджуна было проще, их и так вряд ли видели.

Над головой, среди ливня, коротко мигнуло – это «скауты» ушли за поселок, наблюдать, чтобы диверсанты не попытались незаметно выбраться с другой стороны. Хотя, им через топи не пробраться.

– Виктор, – позвал Гарин. – Что там база? Делаем переговоры?

– На базе Чеснока с орбиты встречают, – отозвался из своей «коробочки» Иклеба. – Кто бы еще знал чего нашему тяжелопогонному куратору всралось именно сейчас с инспекцией нагрянуть. Так что, пока никто никаких решений принимать не будет – все ковры расстилают.

– Значит, действуем по ситуации, – подытожил Кэнджун.

– Так ситуация вот она, – усмехнулся Юрий. – Нужно действовать.

– Предложения?

Гарин буквально ощутил, как командир пехотинцев посмотрел в его сторону.

– Развалить поселок к чертям да и дело с концом, – бросил Иклеба. – Все равно на этих «пиявок» всем плевать. Сопутствующие жертвы.

– Нас не затем послали, – не согласился Ли.

– Нужно идти на переговоры, – твердо сказал Юрий. – Мы сейчас хозяева ситуации, у нас получится диктовать свои условия.

– Зачем идти? Сейчас усилители включим и по громкой связи прикажем выходить наружу, – хмыкнул Иклеба. – Но я все же предложил бы дать моим бомбардирам поразвлекаться.

– Не знал, что ты такой кровожадный, Виктор, – чувствовалось, что Кэнджун улыбается.

– Я не кровожадный. Я просто хочу вытянуть ноги и хотя бы дней десять поспать.

Все понимающе засмеялись.

– Они не выйдут, – наконец сказал Юрий. – Они испуганы, загнаны в угол. Им внутри спокойнее, особенно, в окружении заложников. Так что, кому-то нужно пойти внутрь и все решить на месте.

– У кого-то есть опыт переговоров? – скептически откликнулся Иклеба. – У меня точно нет.

– У меня отсутствует соответствующий модуль в инбе, – нехотя признался Ли. – Как-то ни к чему было. У моих парней, думаю, тоже.

Юрий хмыкнул – граждане империи на удивление неуверенно себя чувствовали без «костылей» в виде закачанных в индивидуальную базу данных – инбу – знаний, когда дело касалось чего-то незнакомого.

– Я пойду, – сказал Гарин. – Я знаю, как с ними говорить.

С ним не стали спорить – Иклеба все равно не вылез бы из своего командирского боло-тохода, а Кэнджун посчитал, что решение в сложившейся ситуации разумное.

И только Рэй все воспринял со свойственной проницательностью, когда Юрий перешел в общий канал и сообщил о решении.

– Опять голову в пасть суешь? – недовольно вздохнул Одегард, повернувшись к снимающему амуницию Гарину. – Снова смерти ищешь?

Юрий молча отстегнул от груди крепление автомата, стараясь не смотреть в непрозрачное забрало шлема товарища.

– Командир, пойти с тобой? – предложил Рэнт и его поддержал возгласом Одучи.

– Оставайтесь на местах, – велел Юрий, наконец, освободившись от тяжелой «упряжи» и оставшись в одном бронескафандре и с пистолетом на боку. – Я скоро.

– Может, у Боба есть опыт в переговорах? – не сдавался Рэй. – Все же, бывший полицейский.

– Я все переговоры вел только после хорошего «шила» в мозг задержанного, – хмыкнул Хьюз с другого конца тропинки. – Как бы, не та ситуация.

Юрий поднялся в полный рост, включил на плече аварийный маячок в режим постоянного мерцания и пошел в поселок. Позади длинно выругался Рэй.

Гарин шагал размеренно и спокойно, не спуская взгляда с вырастающих впереди построек. Если он неправильно просчитал ситуацию, то вместо переговорщика представляет собой замечательную цель. Диверсантам не составит труда разворотить ему голову точным выстрелом или срезать короткой очередью. Даже если защита скафандра и погасит большую часть урона, то с каждым шагом все меньше шансов на то, что группа сможет вытащить из-под огня своего контуженного командира.

Но страха не было. Как не было и остроты момента. Юрий просто шел вперед, рассматривая сквозь забрало шлема входной шлюз в поселок и слушая собственное дыхание.

Возможно, виной всему усталость. Или, возможно, прав Одегард, когда говорил про голову и пасть. Вот только задумываться об этом не следовало. Задумываться об этом значило признать проблему. Обрисовать контуры и вытащить на свет. А Юрий не готов к этому. Ему пока так лучше, не зная, что именно творится в голове.

Потому что единственное, заставляющее его просыпаться по утрам, это робкое ощущение того, что еще жива надежда. И страшно копнуть, обнаружить ее давно истлевшим мифом.

Страшно, что он все это время принимал свет надежды за блеск клыков отчаяния.

Но все это, как говорил Глебович, лирика. Гарину была чужда беспричинная рефлексия, он никогда себя не жалел и другим не позволял. Да, у него внутри все было непросто, да, порой растущее давление стравливалось ночными кошмарами, которые с трудом подавляли успокаивающие импульсы модулятора. Но это не было поводом идти у проблем на поводу. Особенно тогда, когда нужно делать свою работу.

Например, как сейчас.

По правую руку остался расстрелянный барак. Среди обломков что-то искрило под тяжелыми каплями ливня, дымился задранный в небо ствол пулемета. Одиноко висела на обломке стены бледная голокартинка с видами далекой солнечной планеты.

Юрий поднялся на опущенный пандус ворот, обстучал о серый бетон грязные подошвы. Над шлюзом нехотя зажегся силовой козырек, отсекающий надоедливый дождь, створки медленно поехали в стороны.

Поселки на Ракуде строились по примеру термитников, все дома здесь соединялись в единую систему ходов и коридоров, превращаясь в замкнутую экосистему. В каждом из поселков были свои порядки, но незыблемым правилом было поддержание порядка, потому что едкая атмосфера планеты всеми силами старалась пробраться внутрь.

Перешагнув высокий порог, Юрий наступил в маслянистую лужу, вытекающую из-под сваленных в кучу банок с техническими маркировками. Над головой тоненько сипел грубо перетянутый монтажным скотчем гидравлический шланг. Начинаясь сразу за шлюзом санитарный коридор не работал, между распылителями на стенах змеились черные узоры плесени.

– Иди вперед, – скомандовал из невидимых динамиков голос.

На полу засветилась путеводная линия, кажущаяся прерывистой из-за грязи и мусора.

Судя по показаниям, воздух внутри поселка вполне пригоден для дыхания, хотя и не рекомендован для длительного употребления. Что, ж длительного пребывания Юрий не планировал.

Диверсантов было двенадцать, не считая лежащего у стены мужчину с окровавленными бинтами на груди. Судя по всему, мертвого. Сами диверсанты больше походили на ополченцев, чем на регулярное подразделение – на всех разная амуниция, один и вовсе в стандартном для местных жителей защитном костюме, прозванным «лягушачьей кожей». Оружие серьезное, но какое-то бестолковое – неподходящая под местную погоду оптика, слишком тяжелые обвесы, больше подходящие для позиционной войны. Лишь у одного, в подогнанном боевом скафандре с «правильным» камуфляжем, хорошая штурмовая винтовка с профессиональным устройством интеллектуального наведения. Да и выглядел он серьезнее своих товарищей. И держался чуть впереди.

Главарь?

Заложники находились тут же, словно овцы в загоне из сдвинутых скамеек. Больше двух десятков, мужчины и женщины. Типичные «пиявки» в своих обтягивающих «мокрых» костюмах, поблескивающих под светом ламп. Бледные лица, скрюченные позы, яркие пятна на висках и шеех, куда они до кровавых ран втирали наркотическую слизь. Судя по равнодушным и отстраненным взглядам, далеко не все понимали, что с ними произошло. Впрочем, их особенно и не охраняли.

Внимание Юрия вернулось к диверсантам. Те заметно нервничали, но старательно это скрывали за показной бравадой, за наглыми ухмылками и расслабленными позами. Они хотели казаться настолько уверенными в себе, что даже не держали контрактора на мушке. А зачем, если они сейчас контролируют ситуацию?

Гарин никогда не вел подобных переговоров, но очень хорошо знал как вести себя с хищниками. В нем еще не успел окончательно исчезнуть разведчик, способный выживать в самых кошмарных местах Изнанки.

Диверсанты походили на хищников. На стаю, сбившуюся в своем логове вокруг вторгшегося чужака. Драться в одиночку со стаей практически невозможно. Но есть один способ, который если и не заставит хищников отступить, то уж точно немного осадит.

– Сними шлем, – грубо скомандовал главарь, многозначительно дергая дулом автомата.

Гарин стремительно выхватил пистолет и выстрелил от бедра.

Нужно убить вожака.

Выстрел тяжелого армейского пистолета прозвучал оглушительно. Диверсанты от неожиданности дернулись, вскинули оружие, пытаясь трясущимися руками прицелиться в застывшего в центре зала контрактора. Но Юрий уже бросил пистолет на пол, поднял руки вверх. Медленно огляделся, поводя тупорылой маской шлема из стороны в сторону.

В любой другой ситуации он бы никогда не поступил так, как поступил. Но здесь он четко понял ситуацию. И сейчас удовлетворенно наблюдал, как мелкие хищники, еще недавно

готовые разорвать любого, оставшись без лидера, растерялись и испуганно смотрели друг на друга, выискивая того, кто скажет, что делать дальше.

Гарин не дал им такой возможности, заговорил первым:

– Будете слушать меня – останетесь в живых. Я – ваш единственный шанс спастись.

– У тебя осталось девять патронов в пистолете, – подал кто-то голос, храбрясь.

– Остальных я буду просто руками рвать, – с максимальной уверенностью ответил

Юрий. – А не получится, так мои ребята вас на атомы развеют. Вместе с этими наркоманами.

Он кивнул в сторону заложников.

– Вы ведь не солдаты, я вижу, – продолжил Гарин. – Просто люди, которых наняли делать некую работу. И, скорее всего, просто бросили на произвол судьбы. Так?

Он видел, как между горе-диверсантами разворачивалось тяжелое ментальное сражение. Как они переглядывались, как их пальцы нервно заиграли на оружии, как внутри каждого желание жить боролось с недоверием к упакованному в броню и такому бесцеремонному имперцу.

Конечно, никакие они не солдаты. Бандиты, преступники, просто жадные до денег местные – кто угодно, но не рхейские диверсанты. Рхейцы, как известно, в плен не сдаются. Это, скорее всего, обычные наемники, одноразовые исполнители, призванные запугивать и дестабилизировать, а, по возможности, наносить ущерб немногочисленному гарнизону. Разменная монета, которую не жалко и потерять.

Самым забавным было то, что они, судя по всему, начали это понимать только сейчас.

– Что ты предлагаешь? – выступил вперед один из диверсантов с длинными, обвислыми усами.

– Ничего нового – сдаться. Это не позорно, это разумно.

– И какие у нас гарантии?

– Ваши гарантии – ваши поступки, – ответил Гарин. – Империя не казнит тех, кто добровольно сложил оружие.

Его оппонент задумчиво дернул губой.

Пусть Гарин и блефовал, но был недалеко от истины – эти неудачники не успели причинить значительный вред инфраструктуре колонии, а, значит, не попали в ранг особо опасных или военных преступников. Ну, постреляли дроидов и чего? Ерунда, почти хулиганство. Только главное внедрить эту мысль в их полные страхов и сомнений головы.

Потому что, на самом деле, их ждет расстрел. Как-никак, военное положение в стране.

– Хорошо, – наконец даже с каким-то облегчением выдохнул усатый, устанавливая свое оружие на предохранитель. – Но у нас есть условие...

– Внимание, ворота! – раздался над головой хриплый голос робота.

По залу пробежал нехороший шорох. Диверсанты, миг назад почти сложившие оружие, разом напряглись и недобро уставились на Гарина.

Юрий недовольно сжал губы, включил внутреннюю связь.

– Какого хрена?

– Вы отстранены от переговоров, – раздался резкий голос Гарнаги. – Я принимаю ответственность на себя.

Гарину пришлось приложить усилия, чтобы не выругаться вслух.

– Впусти, – процедил кому-то усатый, длинно сплюнув в сторону Юрия.

Если Гарина сейчас расстреляют, словно мишень в тире, это будет выглядеть закономерно.

По полу и стенам запрыгали разноцветные блики, диверсанты испуганно присели за мебель, ощерившись оружием. Гарин лишь терпеливо вздохнул.

В зал медленно вплыл робот активного подавления, больше известный как «карака-тица». Огромная торпеда из композитных материалов со сложенными восьмерками «щупаль-

цами»-манипуляторами, по которым пробежали зеленые и оранжевые огоньки. Вооружения видно не было, да оно было и не нужно – робот сейчас выполнял другую функцию.

– С вами говорит шеф-командующий базой «Ракуда» майор войск планетарной обороны Гарнага, – раздался из внешних динамиков «каракатицы» голос майора, важный и почти что торжественный. – Я уполномочен вести переговоры от лица высшего гарнизонного командования.

Диверсанты были удивлены и озадачены.

Гарин на полном серьезе размышлял, сможет ли он быстро заткнуть «каракатицу».

– Во избежание потерь среди гражданских, – продолжил вещать Гарнага, – Мной принято решение предоставить вам «зеленый» коридор из поселка.

Юрий не выдержал, развернулся всем корпусом к роботу, сдержанно произнес в микрофон шлема.

– Господин майор, они уже собирались сложить оружие и сдаться...

Но его попросту заткнули, словно непослушного щенка. Кто-то из операторов-связистов заглушил сигнал Гарина, выдав в ответ дежурный сигнал «Внимание на командира!».

– Если вы оставите гражданских здесь, живыми и невредимыми, – гремел майор из динамиков. – То я гарантирую вам неприкосновенность. Вам не будут чинить препятствия и преследовать. Слово офицера!

– Какой же ты придурок, – только и смог выдать из себя Юрий, отходя в сторону и освобождая выход.

Ему было плевать, слышат ли его другие или нет.

Спуск с орбиты генерала Чеснокова превратил базу в напряженно гудящий улей, поэтому возвращение штурмовых групп прошло практически незаметно. Пехотинцев Кэнджуна тут же погнали готовиться к смотру, по рейтарам особых распоряжений не поступило. Дежурный офицер, начищенный и подтянутый, буркнул: «По распорядку» и продолжил вглядываться в дальний конец коридора, откуда могла появиться высокая комиссия. Гарин махнул своим, чтобы выгружались, потопал в сторону казармы, на ходу отстегивая шлем. Его догнал Рэй, сровнялся и пошел рядом.

– Надо было завалить их на выходе, – убежденно сказал он Юрию. – Вон, у Одучи как раз лапа дергалась.

– Дергалась, – подтвердил сзади урсулит, похлопывая по пулемету. – И чесалась.

– Ушли и ушли, – ворчливо вставил Боб. – Вам не плевать?

– Мне не плевать, – возразил норвежец. – Я туда не на прогулку ездил, а с врагами своей страны сражаться.

Хьюз саркастически усмехнулся, но промолчал.

Контракторы, лязгая броней и источая горьковатый запах дезинфицирующих средств, миновали шлюзовые двери и вошли в свое расположение. За время их отсутствия блок почти полностью преобразился, превратившись в настоящую армейскую казарму с прямым фронтом кроватей, серой стандартизированной мебелью и обезличенными солдатами, блуждающими тут и там. Когда появились рейтары, гомон в расположении смолк, даже перестали стучать тренажеры в импровизированном спортзале. Солдаты взглядами, в которых смешались страх и зависть, провожали закованных в боевые костюмы рейтаров, уделяя особенное внимание огромным Одучи и Рэнту.

Урсулит гордо приосанился. Что-то насмешливое промычал Хьюз.

Гарину было не до щенячьих восторгов молодых парней, ему хотелось одного – упасть в койку и исчезнуть.

Армейцы отгородили свою часть бокса металлизированными шторами, отчего спальные места контракторов оказались в полумраке и еще больше стали напоминать лежбища бездомных.

«Надо будет порядок навести», – подумал Юрий, открывая оружейную комнату. – «Перед соседями неудобно».

Предчувствующий близость отдыха организм начал сдаваться, каждое движение приходилось контролировать, преодолевая ватную вязкость. Гарин дольше, чем обычно, вылезал из скафандра, не сразу нашел сенсор управление силовыми петлями. Магниты вздернули костюм вверх по стене, расправляя и растягивая. В открывшуюся у пола нишу Юрий убрал шлем и перчатки.

– Чего Чесноку не сидится на своей орбите? – проскрипел себе под нос Боб, прицепляя к скафандру сервисный гофр. – Я бы на его месте жопу из рекреационной зоны не вытаскивал. У них же есть там рекреаторы?

– Даю руку на отсечение, что Гарнага перед Чесноком выделялся, – сказал Одегард. – Чего бы он еще туда полез?

– Смотрите, я тут главный, – скривившись, изобразил шефа-командующего Боб. – У меня все под контролем и даже заложников я освобождаю лично. А хотите, лобызну вас в задницу?

– Наконец спать, – прошептал под нос Глебович.

И испуганно вжал голову в плечи, когда над головой истошно заорал ревун общей тревоги.

– Внимание! Нападение на базу! – заботливо прокомментировал модулятор в голове.

– Твою мать! – воскликнул Рэнт.

– К оружию, – выдохнул Юрий хрипло, болезненно прикрывая глаза.

– Учебная? – с надеждой предположил Одучи.

Он, в отличие от людей, не успел снять броню, вытащил из шкафчика убранный пулемет.

– Это все из-за этой проверки! – в сердцах воскликнул Боб. – Грёбанный Чеснок! Никуда я не пойду!

– К оружию, – тверже повторил Гарин, поднимая на Хьюза покрасневшие глаза. – На выход!

Группа измотана почти до предела, Юрий это понимал. Он и сам на грани, но это не повод давать слабину. Потому что когда давление нарастает, для катастрофы хватит и одной трещины.

Контракторы, матерясь и намеренно грохоча амуницией, облачились в броню и вывалили в кубрик. Гарин вышел вперед, нахлобучил шлем, включая тактический экран. Махнул рукой:

– За мной!

До установленных боевым расчетом позиций рейтары добежали даже с опережением графика, рассредоточились по периметру полукруглой стены ангара. Над головой с металлическим шелестом пролетело звено «каракатиц», скрывшись в темноте. С запозданием пришла оперативная картинка со спутника – множество тепловых сигнатур в районе ворот.

– Хм, – озадаченно хмыкнул Одегард. – Ты тоже это видишь?

Юрий видел «это» – враги, из-за которых базу подняли по тревоге, не использовали штурмовых построений, не пытались окружить или атаковать малыми группами. Они просто толпились на въездной платформе перед пропускным пунктом, хоть и вооруженные, но разрешенным гражданским оружием.

– Местные, – раздраженно сказал Боб, выглядывая из-за своего бруствера. – Какого хера им надо?

– Давайте расстреляем их и пойдем спать, – кровожадно предложил Рэнт.

– Откусим им лица! – поддержал Одучи.

– Долбанем из излучателя, чтобы обгадились...

– Отставить, – Юрий прервал начавшийся обмен остротами.

Время шло. Ситуация нисколько не прояснилась, коммуникатор выдавал «Ждать дальнейших указаний», поэтому Гарин решил вызвать Кэнджуна – его пехотинцы должны прикрывать штабной корпус.

Кэнджун ответил сразу:

– У нас здесь гражданские из поселков Харуба и Либерталь. Требуют командование.

– Что-то случилось?

– Диверсанты, которые покинули Рамо, напали на конвой и захватили три хове́ра. Погибло несколько гражданских.

Гарин выругался сквозь зубы.

– Как планируют решать проблему?

– С ними говорит генерал, обещает наказать виновных, – ответил Ли. – На поиски и уничтожение диверсантов с орбиты брошены дополнительные роботизированные отряды.

Как далеко смогут уйти эти бестолковые бандиты на краденных хове́рах, прежде чем их разнесут «каракатицы»? На самом деле уже не интересно. А вот кого именно будет наказывать генерал...

– Уходят, – сообщил по внутреннему каналу Рэй. – Отбой тревоги.

Местные действительно уходили, садились в свои куцые вездеходы и разъезжались по поселкам. Несмотря на неприятный инцидент, никто из них не хотел портить отношения с военными.

Оцепление держали на позициях еще полчаса и разрешили сняться лишь после того, как стреловидный катер унес генерала Чеснокова обратно на орбиту. Возвратившиеся в казарму рейтары переодевались в молчании, лишь ворчал себе под нос Хьюз, да порывкивал Одучи, ударившийся лапой о край металлического шкафа.

Из расположения «грунтовых» раздались голоса, кто-то кого-то раздраженно отчитывал. К своему неудовольствию, Гарин узнал надрывные нотки Гарнаги.

– ...Меня не интересуют отговорки, шеф-сержант, – вещал шеф-командующий. – К вечеру завтрашнего дня системы ПРО должны быть развернуты на дальнем рубеже. Враг не будет ждать пока ваши солдаты акклиматизируются, и войдут в рабочий ритм... А это что за свинарник?

– Спальные места рейтаров, шеф-командующий, – отчеканил штаб-сержант.

Гарин посчитал необходимым выйти из оружейной и, растолкав угрюмо стоящих конструкторов, подойти к расположению.

– Не удивлен, – встретил его холодный тон Гарнаги.

Должно быть, майору хорошо досталось от генерала, выглядел он злым как никогда. Налитые кровью глаза командующего окружали синеватые тени, под бледной кожей играли острые желваки.

– Что за вид, рей-сержант? – прошипел он, презрительно осматривая рабочий комбинезон Гарина.

– Не успел переодеться, шеф-командующий, – со всем возможным спокойствием ответил Юрий.

– Что значит «не успел»? Не смей произносить при мне такие слова!

Гарин молчал. Он уже в достаточной мере успел усвоить особенности общения между начальником и подчиненным в вооруженных силах Империи.

Гарнага отодвинул в сторону сопровождающего его шеф-сержанта, который днем распекал солдат в расположении, указал на «лежбище» конструкторов.

– Что это за блошинный рассадник, рей-сержант?

До сегодняшнего дня подобных вопросов у майора не возникало. Как и не возникало мыслей о том, почему поступившие в его распоряжение рейтары до сих пор не обеспечены

нормальными спальными местами и прочим необходимым. Зато не было никаких противоречий с тем, чтобы использовать приданные силы по любому доступному поводу, отчего график работы контракторов не поддавался никакой разумной систематизации.

Этот вопрос, как и необходимость Гарина оправдываться были частью игры, незамысловатой и старой. Очевидно, что майору досталось от Чеснокова, теперь майор хотел излить на кого-нибудь свою обиду и злость, искал повод и жертву.

Только вот Юрий жертвой быть не привык. И в игры играть не собирался – слишком устал. Поэтому он просто стоял, заложив руки за спину, и наблюдал за тем, как Гарнага сам себя раззадоривает.

– Вы должны понимать, должны вбить в свои головы, что для вас честь стоять в одном ряду с солдатами Императора, – майор с легкостью запрыгнул на любимого «конька». – Вы должны из кожи вон лезть, чтобы соответствовать высоким требованиям Войск планетарной обороны. Но вы даже не стараетесь!

Гарнага пнул спальный мешок Одучи, отчего урсулит угрожающе зарычал, с омерзением перешагнул через импровизированную подушку Боба. Оказался прямо перед Юрием и вперил в него полный плохо сдерживаемого гнева взгляд.

– Вы – никчемный руководитель, рей-сержант Гарин, – выплюнул командующий. – Я буду ходатайствовать о том, чтобы ваши хозяева сделали соответствующие выводы. Я недоволен ни вашей работой, ни вашим отношением к службе. Слышите, господин Гарин? Отвечайте, когда я спрашиваю!

– Слышу, господин шеф-командующий, – Юрий позволил себе кривую полуулыбку.

Глаза майора вспыхнули, брови сбились над переносицей:

– Вы вообще должны быть благодарны за то, что я не стал сообщать о ваших «подвигах» в поселке Рамо командованию. Из-за ваших непрофессиональных действий диверсанты оказались на свободе, один на один с гражданским конвоем...

Юрий ударил коротко и резко. Гарнага ойкнул, схватился за живот, закачался на подкопившихся ногах, тщетно пытаясь поймать ртом воздух. Рэй торопливо заслонил собой шеф-сержанта, как раз отвлекшегося на вернувшихся из караула солдат.

Гарин ухватил командующего за воротник, притянул к себе и тихо сказал:

– Не смей вешать на моих людей свое дерьмо. Раз ты еще в погонах, то думаю, что ты не сказал генералу кто на самом деле наломал дров, верно? А то у меня твоя речь в поселке от начала до конца записана.

Майор что-то возмущенно засипел, однако Юрий встряхнул его и Гарнага заткнулся.

– Просто. Не мешай. Работать, – раздельно сказал Гарин и отстранился.

Командующий, с расширенными от ярости ноздрями, выпрямился. С ненавистью посмотрел на Юрия, развернулся на пятках и деревянным шагом пошел прочь, даже не удосужившись поправить задранный воротник.

– Ох, чую, припомнит он нам, – проводил взглядом майора Боб.

– А что было? – Рэй состроил невинное лицо. – Я лишь видел, как шеф-командующему стало плохо, а рей-сержант его поддержал. У меня и инба ничего не записала, давно барахлит.

– Я смотрел в окно, – выдал Ярвис.

– Я тоже туда смотрел, – поддакнул Одучи.

– По мощам и елей, – подытожил Глебович.

Юрий покосился на подчиненного, но Тихомир уже отвернулся, копаясь в карманах куртки.

Опускаясь на старенький матрас с побледневшим бактерицидным покрытием и клеймом Имперских вооруженных сил в изголовье, привычно настраиваясь на казарменный гул как на снотворное, Гарин попытался мысленно вернуться домой, в свою маленькую комнату на дрейфующем среди звезд ковчеге.

У него ничего не получилось. Воспоминания выползали из темноты памяти старыми двумерными декорациями, серыми и драными. Холодными. Чужими.

Юрий зажмурился, сжав зубы, зарылся лицом в пахнущую пылью подушку и лежал так, пока тяжелый сон не забрал его с собой.

Несмотря на опасения Хьюза, ни на следующий день, ни через неделю никаких карательных мер в отношении контракторов не последовало. Если, конечно, не считать таковыми приказы орбитального генерала Чеснокова, который для профилактики личного состава ввел на наземных базах состояние «боевой бодрости». Теперь «грунтовые» перемещались исключительно бегом, демонстрируя подобающие серьезность и суровость, а на вопросы отвечали исключительно злобой, но аккуратной руганью, отплеываясь и отмахиваясь.

Не остались без дел и рейтары. Поскольку диверсантов из Рамо догнали и уничтожили в пузырящихся трясинах роботы-охотники, а поиском новых наймитов рхейцев были заняты более высокотехнологичные армейские отряды, контракторам осталась будничная рутина по охране базы, сопровождению конвоев поселенцев и обеспечению безопасности специалистов фирмы, обслуживающей атмосферные генераторы. Работу осложняла окончательно испортившаяся погода, предвещающая скорый приход гигантского циклона, поэтому зачастую вместо боевого охранения рейтары занимались вытаскиванием всевозможной техники из грязи.

За все это время Юрий видел шеф-командующего лишь пару раз, да и то мельком. Майор почти не покидал штабного бокса, отдавая приказы через виртуальные сообщения или с другими офицерами. Одегард считал это хорошим знаком, но Юрий был убежден, что майор просто затаился – Гарнага не походил на того, кто забывает обиды.

Зато внезапно наладились взаимоотношения с соседями по казарме. В один из дней Юрий заставил контракторов навести порядок в расположении группы. Пока Глебович боролся с приземистым роботом-уборщиком, норовившим укатиться прочь, а Одучи и Ярвис, вооруженные чистящим спреем, ушли чистить спальные мешки и матрасы, к Юрию подошел военный в чине штаб-сержанта.

– Рэй-сержант Гарин, – не то удостоверился, не то спросил армеец.

– Штаб-сержант Клубков, – в том же тоне ответил Юрий.

Штаб-сержант Клубков, худой и невозмутимый, был заместителем командира роты дальней связи, именно он наставлял солдат в первый день пребывания на Ракуде. Несмотря на то, что между рядовым составом и контракторами сложились в целом дружелюбные отношения – рейтары периодически охраняли полевые выходы связистов, руководство армейцев держалось с людьми Гарина отстраненно.

– Имеется три модуля парных кроватей, – отчеканил Клубков, глядя Юрию в глаза. – И сухой душ.

Гарин удивленно хмыкнул, не зная, что ответить.

– Пришлю солдат, скажешь куда ставить, – подвел итог недолгого разговора штаб-сержант, развернулся на каблуках и пошел прочь.

– Спасибо, – пробормотал себе под нос Гарин.

Не успел Клубков скрыться в другой части казармы, а в сторону контракторов уже спешили два рабочих робота, навьюченные мебельными гофрами, за которыми, приветливо улыбаясь, вышагивало трое солдат.

В качестве ответного жеста Юрий отправил к «грунтовым» Глебовича – у тех сломался вирт-бокс и теперь вместо развлекательных передач транслировал в головы отдыхающих солдат унылые помехи. Глебович справился блестяще, даже немного перестарался – снял командирский блокиратор с порноархива, чем вызвал настоящий ажиотаж среди солдат. Нахмуренный Клубков не заставил себя долго ждать, поэтому пришлось расталкивать успевшего заснуть на новенькой кровати Тихомира, и отправлять его все исправлять.

Вечером того же дня, проводив Хьюза и Ярвиса на ночное дежурство, Юрий уединился в тихой прохладе оружейной комнаты. Вытащил из пирамиды свой «УМАС», разложил его на широком столе и принялся за чистку оружия.

Он неторопливо перебирал детали, вытирая их тряпкой с наносмазкой, оценивал на свет чистоту трубок и ствола, осторожно размыкал цепи электронного мозга автомата. Юрия расслабляло это привычное, почти медитативное действие, успокаивало, только здесь он мог размышлять еще о чем-то, кроме работы.

В последнее время оставаться наедине с самим собой становилось все сложнее – прошлое настойчиво лезло во все мысли. И хотелось того или нет, прошлому приходилось уделять внимание.

Интересно, он совсем не помнит момента, когда перестал ощущать себя частью другого мира. Мира, в котором не верили в другие миры, в котором свой маленький клочок пространства считали единственным существующим, называя «Землей».

Не знающих, что они всего-навсего потомки колонистов, запертые на умирающем звездолете.

На ковчеге дети рождались под определенные функции, заменяя выбывших членов экипажа, и функцией Гарина была разведка. Разведчик на звездолете, где большая часть палуб покрыта мраком и населена смертоносными существами, это больше чем просто специалист по добыче информации. Разведчики «Земли» уходили в темное зловоние Изнанки за жизненно необходимыми медикаментами, фильтрами, запчастями, прокладывали новые маршруты среди ядовитых отсеков и затопленных радиоактивной водой уровней. Но главной задачей разведки был поиск пульта управления кораблем, без которого невозможно завершить главную миссию – спасти человечество.

Когда-то Гарин был одним из лучших разведчиков. Поиск командирской рубки был для него смыслом существования, заложенным со вкусом «материнской» питательной смеси. Он, как и все живущие на «Земле» был рожден для подвига. В этом не было пафоса, не было хвастовства. И Юрий очень гордился тем, что делает. Тем, что должен был сделать.

С каким же иступлением Юрий жил в те дни! Насколько опьяняюще сладкой было осознание значимости!

Как все обстояло на самом деле, он узнал много позже, оказавшись в мире Империи Млечного пути.

Действительно, больше трех сотен лет назад по земле шагала «эпоха Ящера», которой предшествовала глобальная техногенная катастрофа. Рушились экономики, распадались государства, вспыхивали новые военные конфликты. Человечество, не погибшее от бомб и не зачахшее от новой пандемии, панически искало способы выживания. Тогда-то и появился проект «Ковчег», призванный спасти генофонд землян, а заодно найти пригодные для переселения планеты. В 2162 году с орбиты было запущено три огромных корабля поколений, разлетевшиеся в разные стороны Вселенной. Они действительно были последней надеждой человечества, отчаянной попыткой вырваться из смертельного коллапса.

Спустя восемь лет после старта ковчегов на Землю вернулся один из четырех экспериментальных звездолетов миссии «Эмпирей», посланных ранее для исследования глубокого космоса. Похожий на мятый огарок корабль пилотировал единственный выживший участник экспедиции – профессор Суратов. Его жена и дочь в виде изуродованных останков покоились в баулах на внешней обшивке. В навигационных картах Суратова обнаружились точные данные планеты земного типа, позже названной Террой, а сам ученый-исследователь приобрел способность силой мысли создавать межпространственные порталы – Арки.

Все это походило на сказки. Гарин был до мозга костей материалистом, он даже отцов-духовников поминал больше по привычке, поэтому не верил в чудеса и волшебство. Но факт

оставался фактом – никто кроме Суратова не умел делать Арки. И природа этого явления до сих пор оставалась неизвестной.

Человечество было спасено. Началась активная экспансия к другим мирам. Произошел первый контакт с представителями иных миров. Создалась Империя, во главе которой поставили Суратова.

А «Пилигримы» все удалялись и удалялись прочь, неся на себе утратившее актуальность бремя.

Естественно, ни Гарин, ни другие обитатели корабля об этом не знали. Все жили своим чередом, встревоженные темпом разрушения звездолета. Собираясь в очередной поход в Изнанку, Юрий вновь планировал прорваться к капитанской рубке, прокладывая маршрут между заполненными ядовитыми газами отсеками и затопленными радиоактивной водой уровнями. Однако, в тот раз все пошло не по плану.

Был опасный спуск в лишенные света нижние палубы. Была гибель друзей и бегство от мютов, попытка спрятаться в заброшенном медицинском блоке и ужас, когда его, запертого в санитарном модуле, вышвырнуло в черную пустоту космоса.

Юрий хлопком вогнал последнюю деталь автомата на место, поставил «свистуна» на приклад, окинул оценивающим взглядом. Вздохнул, уложил оружие на стол и вновь принялся его разбирать.

Удивительно, как он тогда вообще остался жив. И большая удача, что его вышвырнуло не в одиночестве.

Вместе с Элли.

Гарин хорошо помнил момент, когда он, внезапно оказавшись с обратной стороны свой «Земли», судорожно цепляющийся за ручку запертого входного люка, вдруг увидел, как медленно отплывает в сторону крышка загадочного саркофага и девушка, которую он считал мертвой, вдруг открыла глаза.

Элли. Испуганная, лишенная памяти, безоговорочно доверившаяся ему девчонка. Страдающая пугающими припадками, шепчущая странные слова по ночам. Получившая имя в честь героини одной старинной бумажной книги, найденной среди медицинского мусора.

Как она смотрела на него своими большими чистыми глазами! Должно быть, влюбилась, милая наивность. Он же относился к Элли как к младшей сестренке, которую нужно оберегать и защищать невзирая ни на что.

Что Гарин и сделал после того, как аджайские повстанцы-радианты атаковали гражданскую колонию на планете Канкри-55. Бегство с планеты было хаотичным и трагическим, под огнем атакующих катеров и под обломками рушащихся зданий. Юрия тогда спасло чудо в виде маленького медицинского модулятора, раз за разом запускающего сердце задыхающегося человека. В итоге все, кто знал Гарина, посчитали его погибшим, а Юрий не стал никого разубеждать. Посчитал, что так будет лучше для Элли – он принял решение во что бы то ни стало найти свою дрейфующую среди звезд Родину, но не хотел тащить Элли по этим дорогам бесплодных надежд.

Забыла ли она его? Не важно. Лишь бы у нее все сложилось хорошо. С каждым днем Гарин убеждался в правильности своего поступка – на пути поиска ковчега было вдоволь и разрушенных надежд, и обманутых ожиданий.

Он скучал по Элли, отдавая себе отчет в том, что с каждым днем девушка все больше превращалась в теплый, светлый, но эфемерный образ, живущий лишь в его голове. Боялся того дня, когда и этот образ рассеется, оставив его один на один со зверем, поселившимся в темной пещере грудной клетки. Тот зверь угрожающе рычал и все чаще скалился.

Зверя звали гнев.

Юрий сильнее, чем нужно вогнал пустой магазин в рукоять автомата, вскинул оружие к плечу и взял на мушку висящий в дальнем конце комнаты комбинезон. Сымитировал выстрел, слушая, как шелестит спусковой механизм.

Гнев рос в Гарине давно, сначала незаметно, потом не скрываясь. Лишь один раз Юрий дал ему волю, когда чуть не погиб от рук банды Примы. Тогда он переломал много костей, изменил много судеб. Ни о чем не жалел, но запомнил насколько может быть неуправляемым. Это пугало.

Он был рожден для вполне конкретного подвига. Но оказалось, что в подвиге нет нужды. Он пообещал защищать свой народ, но даже не знал где его народ теперь находится. Он должен вернуться домой и рассказать правду, но у него ни черта не выходит!

А вокруг болото и груз служебной ответственности давит к поверхности сильнее гравитации. На «Полыни» были хоть какие-то шансы встретить ковчег, звездолет корпорации бороздил космические просторы в том же секторе. А как быть здесь, среди грязи и вечного дождя?

Может, дезертировать? Захватить катер? Попытаться пробиться через орбитальную оборону?

Глупо. Бессмысленно.

Юрий прикрыл глаза и глубоко вдохнул.

Когда ты рожден для подвига, очень тяжело просто жить.

– Хандришь?

В дверном проеме возник Одегард.

– Что-то случилось? – спросил Гарин, с трудом выныривая из своих размышлений.

Покосился на лежащий на столе модулятор – пропущенных сигналов вызова не было.

– Ничего не случилось, – Рэй не стал дожидаться предложения войти, протиснулся в комнату. – Увидел свет в оружейке, решил проверить. Чего такой угрюмый? Случилось чего?

– Все в порядке, – Юрий натянул кривую улыбку. – Просто задумался.

Он встал, убрал «УМАС» в шкаф.

– Задумался, – эхом повторил норвежец. – Ясенько... Что-то про своих узнал?

Одегард был в курсе душевных терзаний Юрия, тот еще на «Полыни» рассказал ему кто такой и зачем пошел в контракторы.

– Откуда бы я узнал, – угрюмо ответил Гарин. – Все новости про войну.

– Мало ли, – пожал плечами Рэй. – Может опять экспедицию готовят.

Юрий хмыкнул. С тех самых пор, как его вытащили из медицинского бокса, он пытался вернуться обратно на ковчег. Искал помощь везде, где мог. Но много ли кто захочет искать затерянный в космосе звездолет, когда их каждый год пропадает десятками? Единственный раз Гарину повезло, когда знакомый аджай записал его рассказ и отправил в одну из академий Метрополии. Какой-то научный авантюрист решил было организовать спасательную экспедицию, но началась война и все отодвинулось на неопределенный срок.

– Тебя Клубков искал, – сменил тему норвежец. – Спрашивал, когда еще раз можно будет Тихомира одолжить.

– «Одолжить», – передразнил Гарин. – Он что, перчатки от скафандра? Зачем он ему?

– Да все для того же, в чем наш Глебович лучше всех – починить непочиняемое или разобрать неразбираемое.

Это была правда – молчаливый контрактор обладал просто феноменальными способностями по части техники. Несмотря на то, что инба у Глебовича была даже слабее, чем внешний модулятор Гарина, Тихомир одинаково хорошо ремонтировал и микроскопические айкью-чипы для инбы, и гигантские «крылья» солнечных батарей. Собственно, эта любовь к электронике и довела его до «Сфорца» – Глебович работал в подпольной техничке, что-то незаконно перепаивал, в итоге схлопотал уголовное предупреждение. Нормальной работы не нашел, подался в контракторы.

– Я тут обратил внимание, эти солдатики по каждой ерунде пилюли глотают, – кивнул в сторону находящейся за стеной казармы чернокожий контрактор. – Блок связи поставить – пилюля. Синта замотивировать – пилюля. Будто своих знаний в голове совсем нет.

– Дело в опыте, – пояснил ему Юрий. – Знания без практики мертвый груз, тем более из этих экспресс-пилюль или баз данных. Сам же знаешь, в том же боевом костюме мало знать, за что какие кнопки отвечают. Нужно еще прочувствовать силу рывка двигателей, инерцию после прыжка, настроить шлем под себя. Понюхать вакуум, как сказал бы мичман Биттон.

Одегард хохотнул.

– Вспомнил тоже! Он же тот еще жук, который вряд ли в костюм вообще залезал.

Юрий тоже улыбнулся, вспоминая толстого, обвешанного медалями хвастливого мичмана с «Полыни».

Интересно, живой ли?

– Да, опыт – дело большое, – отсмеявшись, протянул Рэй. – Так и я о чем, Юра. Покрутились мы среди этих «грунтовых», поосмотрелись. И знаешь что? Это ни разу не профессиональные военные. У них дорогушие синтетические импланты, высокоскоростные инбы и прочие навороты, но нет ни специфических генетических изменений, ни характерных аугментаций. У одного так вообще декоративная подсветка кожи.

Рэй принялся тыкать себе в лицо, на руки, показывая, где и что именно светится. Продолжил, доверительно подавшись вперед:

– Я так думаю, дружище, что наши соседи-связисты, либо резервисты, либо студенты-добровольцы. И это, если честно, мне совсем не нравится.

– Почему?

– Потому, что раз уж таких стали на фронт привозить, то дела наши не столь радужные.

– От нас до фронта три прыжка через Арки, – возразил Юрий, в глубине души понимая, что в словах друга есть резон. – Сколько это тысяч световых?

– Когда идет война, фронт везде, – покачал головой Рэй. – Да, согласен, у нас тут далеко не передовая, но все же... Уж не знаю, как там у вас, откуда ты пришел, но здесь для войн есть специальные люди – военные, генетически выращенные, аугментированные и особым образом обученные. Но эти связисты, ну совсем какие-то недотепы...

– Рэй, но ты ведь тоже воевал, – вспомнил Юрий.

– То совсем другое дело! – воскликнул Одегард. – Я был в отряде самообороны, мы отбивались от террор-групп Европейского Халифата. В Скандинавском секторе до сих пор у каждого дома оружие имеется.

Рэй замолчал, переводя дух. Прочистил горло, кашлянув в кулак, продолжил:

– Или вот мы. Ты же не хочешь сказать, что в шкуре «блохи» стал профессиональным военным?

– Нет, не стал.

– Правильно. Такие, как мы, прошлый век. А в случае с тобой так и вовсе лютая древность.

Рэй улыбнулся, показывая, что не хотел обидеть товарища. Гарин согласно кивнул.

– Ведь современный солдат это кто? – продолжил рассуждать Одегард. – Не тот, кто быстро бежит и метко стреляет. Это тот, у которого генетический код собран в соответствии с требуемыми стандартами, вместо мышц биопротезы, а в голове такая инба, что за ней мозга не видно. Не то что...

Норвежец пренебрежительно указал на модулятор Гарина. Юрий, словно защищая свою собственность, накрыл серебристый лепесток ладонью.

– К нам как-то прилетали в колонию спецы из разведки, – Рэй запустил пятерню в бороду, почесался. – Мы сначала решили, что они вовсе не люди, а какие-то навороченные синты, до того странно выглядели. Головы такие угловатые, глаз нет, руки многосуставчатые...

Одегард жестами продемонстрировал как именно выглядели жуткие разведчики, многозначительно выпучивая глаза. Потом выдохнул, сдулся, посмотрел на Юрия. Произнес поучительно:

– Так что вот поверь, наши соседи-связисты на этом фоне выглядят именно как гражданские, нацепившие форму.

Гарин не стал спорить. Рэй, как всегда, немного преувеличивал – далеко не все военные походили на ходячие машины смерти. Возможно десант, может быть специалисты узкого профиля, кто-то из пилотов или штурманов, пожелавших усилить свои способности, но что во флоте, что среди «грунтовых» преобладали вполне обычно выглядящие люди и дистанты.

– Нужно попросить Кэнджуна чтобы привлекал нас к занятиям, – задумчиво проговорил Юрий. – А то закисли совсем.

– Что? – удивился Рэй. – Да я не к тому!

– А я к тому. Если ты прав и на фронте все сложно, то новый опыт нам не повредит. А если не прав и связисты – всего лишь программа повышения квалификации резервистов, то все равно мы должны повышать свой уровень подготовки. А то закисли совсем.

Одегард молча смотрел на командира, пытаясь понять, шутит тот или нет. Прищурился, спросил с подозрением:

– Тебе про резервистов кто сказал?

– Иклеба.

– А чего молчал? Я тут распинаюсь...

– Ты так увлеченно рассуждал, было жаль перебивать.

Рэй беззлобно выругался, махнув рукой. Спросил, глядя исподлобья:

– Про Боба тоже знаешь?

Гарин нахмурился, покачал головой.

– У него через месяц контракт заканчивается, – пояснил Одегард.

– Это я знаю.

– Он продлевать не хочет.

– Почему?

– Что-то личное. Ты бы поговорил с ним.

– Поговорю, – утвердительно кивнул Гарин. – Само собой.

Посмотрел на проекцию часов на запястье. Пора отдыхать – через несколько часов полевой выход.

– И еще, – уже на выходе обернулся Рэй. – Тихомир сказал, что на коммуникатор дальней связи пришла загрузочная метка с маркером «Сфорца». Так что скоро жди информационного пакета из конторы. Интересно, чего это они вдруг о нас вспомнили?

* * *

Майор Гарнага представлял себя на капитанском мостике сверхтяжелого линкора, направляющим непобедимый флот в атаку на обреченную звездную систему. Источающая агрессию армада разворачивалась в боевые порядки на фоне играющей протуберанцами звезды, кинжальным огнем встречая бессмысленную вражескую контратаку. После массивной артподготовки на позицию выползала огромная мортирная платформа, которая по велению руки майора выдвигала похожие на черные трубы генераторы антиматерии, тремя залпами разваливала тщетно обороняющуюся планету.

Гарнага вздрогнул, с сожалением отгоняя наваждение. Моргнул, убирая всплывший отчет хоззвода об итогах проверки складского оборудования. Встал из неудобного пластикового кресла, раздвинул проекционное окно и уставился на черно-бурый ландшафт по ту сторону защитного периметра. Ландшафт навевал уныние. Гарнага раздраженно скривил губы и

переключился на вид с верхней точки базы, откуда открывался вид на дальнюю часть базы. Там, в свете прожекторов, несколько суетливых оранжевых мультиботов монтировали новый жилой модуль.

Майор с самого детства мечтал стать офицером флота. Но глупая ошибка в генетической сборке привела к неспособности длительного пребывания в невесомости, что поставило крест на карьере будущего флотоводца.

В голове заиграла тихая мелодичная мелодия, тыльная сторона ладони ощутила легкий зуд. Судя по вспорхнувшей перед глазами пиктограмме, вызов шел из штабного корпуса.

– Гарнага, – сухо откликнулся майор.

Над столом возникло объемное изображение подтянутого военного.

– Дежурный по штабу офицер второго класса Фальк, – доложил армеец. – Шеф-командующий, получено два информационных пакета – с маркером «Сфорца» и с маркером «Имперский флот, особое».

– Перешли их мне, – не дожидаясь ответа, майор смахнул образ офицера и раскрыл список входящих сообщений. Взглядом открыл флотский пакет.

«Капитан крейсера поддержки «Грох», капитан 3 ранга Асатрян. Всем гарнизонам на маршруте следования заявителя необходимо представить свободный личный состав пехотных или штурмовых подразделений для усиления десантного контингента крейсера «Грох». Приоритет заявки – особый».

Гарнага развернул вокруг сообщения ворох гиперссылок, вызвал маршрутный лист крейсера – тот следовал в приграничную звездную систему с длинным цифровым кодом, известную также как Лилия Восемь. По сводкам система проходила как «система с высокой вероятностью инцидента». Но раз из группировки выдернули целый крейсер, который по дороге собирает всех, кого сможет, то ситуация на Лилии Восемь переросла слово «инцидент» и превратилась в «боевые действия».

Майор на всякий случай просмотрел структуру системы. Ничего примечательного – угасающая звезда, пара газовых гигантов, одна единственная колонизированная планета с наземным космодромом. Пара пограничных станций.

Но это все – территория Империи. И если туда вторглась Рхейя, то армия будет драться и за звезду, и за газовые пузыри, и за планету с архаичным космодромом. Проблема была в том, что лишних людей у Гарнаги не было. Ему нужно в кратчайшие сроки возвести укрепленный пункт дальней связи и раскидать по окрестностям объекты планетарной обороны.

Майор вывесил флотский запрос на границу зрения, отложив решение на потом. Открыл сообщение частной военной компании.

«ЧВК «Сфорца», дирекция кадров. В рамках ротации личного состава группа контракторов, согласно прилагаемому списку, поступают в распоряжение капитана корвета «Польнь» рей-капитана 2 ранга Кимуры. Замена действующей группы прибудет с ближайшим транспортным конвоем».

Гарнага пробежался глазами по фамилиям в списке. Из всего рейтарского отряда в нем присутствовало трое – Гарин, Хьюз и Одегард.

Майор вспомнил лицо Юрия, нависающее над ним словно каменная маска, обидную стальную хватку, поднявшую его, шеф-командующего базы, словно безвольного котенка. И голос, в котором угрозы было больше, чем в словах.

Гарнага по-настоящему ненавидел этого паршивца, этого отброса класса S. Гарин был пугающе неуправляем, слишком непредсказуемым и опасным. За внешней спокойностью командира рейтаров прятались острые зубы раскрытого капкана.

Майор не собирался прощать Гарину своего унижения. Даже задумывался о том, как именно отомстить ему и его людям, но пока ничего подходящего не подворачивалось. Поэтому возможность убрать ублюдочных рейтаров с глаз долой пришлось как никогда вовремя.

– Дежурный, – громко сказал шеф-командующий, разглядывая лица контракторов.
– Дежурный по штабу офицер второго класса Фальк, – немедленно откликнулся штабной корпус.
– Я сейчас перекину запрос и персоналии. Немедленно приступайте к подготовке соответствующих документов.
Он сам не заметил, что улыбается.

* * *

– Рейтары? – угрюмо переспросил всклокоченный офицер-кирасир в стареньком, но опрятном рабочем комбинезоне. – Рейтары класса S?
Юрий терпеливо кивнул. За его спиной устало вздохнул Хьюз.
Офицер тяжело вздохнул, листая личные дела контакторов. Поднял усталый взгляд, оценивающе осмотрел столпившихся перед ним контракторов. Вынес вердикт:
– Мда.
Нервным жестом убрал висящие в воздухе анкеты.
– Что ж... Добро пожаловать на «Грох». Следуйте за мной.
Гарин взвалил на спину продолговатый баул с вещами, на котором болтался шлем от скафандра, подхватил продолговатый оружейный чемоданчик и потопал за удаляющимся кирасиром. Его примеру последовали другие рейтары.

Трансфер с Ракуды на крейсер прошел для контракторов неожиданно и сумбурно. Гарина вызвали в штабной корпус, где шеф-командующий Гарнага пренебрежительным тоном зачитал флотский запрос, выдав в конце короткое и хлесткое, словно пощечина: «Выполнять». Краткие сборы, понимающий кивок шеф-сержанта Клубкова, твердое рукопожатие Кэнджуна, ободряющее похлопывание по плечу Иклебы. Через несколько часов из дождливых облаков вывалился широкий десантный челнок, мигая посадочными огнями спланировал на посадочную площадку. Рейтары, навьюченные нехитрым скарбом, бросили последний взгляд на планету вечных болот, поднялись на борт и уже через пару часов разглядывали в узкие иллюминаторы приближающуюся машину крейсера «Грох».

Как выразился Боб: «Это был довольно быстрый нахер».

Но Гарин в душе приветствовал смену дислокации. Даже поблагодарил отцов-духовников, которые словно услышали его недавние размышления. Теперь с любопытством разглядывал новое место службы.

Раньше Юрию уже приходилось бывать на боевых имперских звездолетах, причем, как раз на крейсере, когда его с другими колонистами эвакуировали с Канкри-55. Из того посещения запомнилось немного, он все время провалился в реанимационном боксе. Теперь же он мог сказать определенно – внутренности «Гроха» очень напоминали его дом, «Пилигрим-2». Не масштабами, ковчег все же был несоизмеримо больше, а логикой внутреннего пространства, минимализмом и практичностью. Это сходство оставляло двойственное ощущение – с одной стороны, Юрию было уютно в узких коридорах и высоких ангарах, с другой его одолевал навязчивый страх поджидающих за углом мьютгов.

Впрочем, на конструктивных решениях неизвестных кораблестроителей сходство крейсера с ковчегом и заканчивалось. В отличие от малонаселенных палуб «Пилигрима-2», на «Грохе» царил настоящее столпотворение, в воздухе витал многоголосый гул, перекрываемый лязгом и грохотом работающих машин. Куда бы ни направлялся крейсер, на нем основательно готовились к чему-то грандиозному.

В десантном ангаре, подныривая под застывшие челноки, сновали техники в оранжевых куртках. Возле вздымающихся под потолок грузовых ячеек словно муравьи, мельтешили синты-рабочие и автоматические погрузчики, складывая, передвигая и перетаскивая большие

пластиковые пеналы с запчастями, металлические гофры с оборудованием и оружейные ящики с разноцветной маркировкой. Здесь же, на небольшом свободном пятачке, несколько матросов разложили на полу какое-то длинноствольное орудие с перфорированным кожухом и возились в раскрытом механизме. Сразу за ангаром, начинались фермы десантных капсул, от одного вида которых Ярвис воскликнул что-то нецензурное и вжал голову в свои широкие плечи.

– Мы летим на Лилию Восемь, – бросил через плечо сопровождающий контракторов офицер. – Будем вышибать рхейцев из системы.

– Что-то десантников много, – вполголоса заметил Боб. – Зачем? Там, вроде бы, все планеты наши.

– Там одна обитаемая планета, – услышал Хьюза офицер. – И она уже не наша. Подробную информацию получите позже.

На том замолчал, прибавив шаг.

Юрий никогда раньше не видел десантников вживую, только в развлекательных фильмах. И их на борту «Гроха» действительно было много, крепких и рослых как на подбор мужчин и женщин, пышущих здоровьем и самоуверенностью. Причем так много, что командованию крейсера пришлось размещать часть десантников не в жилых кубриках, а прямо в техническом ангаре, между боевой техникой. Под стальными сводами разносился многоголосый гомон, смех, отрывистые команды и шелест движения сотен тел. Десантники, разбившись на группки, боролись и перекидывали виртуальный мяч, перебирали на полу обмундирование и соревновались в скоростной разборке и сборке оружия, смотрели через инбу фильмы или просто лежали на спальных бустах, тренируя наноботами мышцы. На проходящих мимо контракторов либо вовсе не обращали внимание, либо удостаивали их насмешливыми взглядами, полными осознания собственного превосходства. Это были далеко не те солдаты-связисты, считающие рейтаров богами войны, десантники сами были богоборцами, выращенными и выученными побеждать. Даже офицер, сопровождающий группу Гарина, прибавил шаг.

Однако, рейтары тоже знали себе цену.

– Одучи, – намеренно громко сказал Боб. – Вон тот, губастый, в тебя, похоже, влюбился. Береги свой лохматый зад.

Урсулит растянул пасть в зловещей улыбке, холодно поблескивая желтыми глазами. Рыкнул и из коммуникатора донеслось:

– Одучи гадил в еду его сестры.

Хьюз обидно засмеялся, его поддержал захохотавший Рэнт.

– Не думаю, что ребята в курсе ваших обычаев, Одучи, – мимолетом заметил Гарин.

– Его сестре от этого не вкуснее, – отозвался урсулит, что породило новый взрыв смеха.

Нехитрые и грубые шутки, нарочитая раскрепощенность и показное доминирование – непреложные спутники солдат во все века. И чем ближе бой, тем грубее шутки, тем разговоры громче, это позволяет заглушить страх. Мало кому хочется умирать в одиночестве и тишине.

На «Грохе», за всей бравадой и весельем, явственно ощущался сырой запах могилы. Это заметил не только Гарин.

– Сдается мне, – сказал Одегард. – Мы попали не в самую лучшую историю.

Гарин лишь еле слышно «угукнул», не желая развивать тему. Всему свое время, пока ничего не понятно.

Они дошли до конца палубы, где из пола в потолок уходили гудящие столбы вентиляции, а пол вибрировал от работающих генераторов искусственной гравитации. Это была техническая зона палубы, обычно нежилая, но офицер остановился, указал на огороженный силовыми стенками угол.

– Расположитесь здесь. Других мест нет.

Контракторы с неудовольствием осмотрелись.

– А чего не в сортире? – раздраженно похлопал ногой по подсыхающей лужице Хьюз.

Кирасир холодно посмотрел на рейтара, так же холодно ответил:

– Потому что галльон переполнен твоими остротами, матрос. Повторяю – других мест нет.

Он повернулся к Гарину:

– Рэй-сержант, напомните подчиненному о порядке уставных отношений.

И добавил уже мягче:

– Здесь все в равных условиях, такова ситуация. Изучите информационный пакет, его уже переслали на ваши устройства. По всем вопросам обращайтесь к вахтенному офицеру. Ко мне есть вопросы?

Он выразительно покосился на Хьюза.

Вопросов было столько, что все предпочли промолчать.

Кирасир кивнул Юрию, устало поморщился и убыл восвояси. Все взоры обратились к Гарину.

– Обустройстваемся, – приказал Гарин. – Рэнт, Тихомир, соберите оружейную пирамиду. Одучи, Боб, займитесь спальными бустерами. Рэй, найди вахтенного, узнай, где можно вывесить скафандры, иначе опять трубки залипнут. Ну и так, спроси где тут что. Я пока в радиорубку.

– Одучи хочет довольствие, – напомнил урсулит, вытряхивая из сумки вещи.

– Само собой, – кивнул Юрий.

Следующие два часа Гарин провел в блужданиях по крейсеру. Первым делом посетил радиорубку, хотя и не сразу ее нашел. При входе его просканировали, сверили сигнал «свой-чужой» с временной тату, нанесенной на шею всем контракторам по прибытии на крейсер. Лишь после этого допустили к общественному терминалу, с которого Юрий отправил в рейтарский центр «Сфорца» информационный пакет о прибытии на новое место дислокации, прикрепив идентификатор «Гроха». С отправкой сообщения пришлось повозиться – терминал был настроен на нейроконтакт, а ручной интерфейс отличался от того, что Гарин видел раньше. В конце концов, Юрию удалось сформировать пакет и благополучно «выстрелить» им в эфир.

После радиорубки Юрий наведлся к интенданту. Невысокий капитан-лейтенант, чем-то похожий на интенданта «Польни» Ксинга, сначала никак не мог взять в толк, кто такой Гарин и откуда на его голову свалилось еще шесть человек, нуждающихся в довольствии. Дважды сверившись с обновленным списком личного состава, соорудил кислую мину и принялся вносить контракторов в базу складов, ворча и причитая. Из его реплик стало ясно, что рейтары не первые, пополнившие штат крейсера, что народ уже девать некуда, по головам ходят, а «Грох», так то, не резиновый. Естественно, в случае чего крайним сделают интенданта, а тут вообще хрен за чем уследишь, запасы тают на глазах, пополнять негде, но, слава Императору, лететь осталось недолго.

В какой-то момент Юрий заметил, что интендант вместо усиленного выписывает его бойцам обычный рацион. На замечание офицер ответил раздраженно, ткнув пальцем в комментарии к штатному расписанию, в котором группа Гарина числилась как «обслуживающая». На возражение, что рейтары имеют оперативно-боевую квалификацию, кирасир развел руками и посоветовал разбираться с командиром сводных сил быстрого реагирования полковником Шишкевичем.

Несколько обескураженный, Гарин попробовал найти полковника, но дальше вахты офицерской палубы его не пустили, пояснив, что «главный десантник корабля» убыл с обходом. Решив зайти позже, Юрий вернулся обратно на жилую палубу.

То, что он увидел с порога, заставило нахмуриться и ускорить шаг.

Возле их секции сгрудился десяток десантников, они возбужденно размахивали руками и что-то выкрикивали. Над ними возвышался разъяренный Одучи с торчащей на холке шерстью и прижатыми ушами, на его спине кляксой темнело влажное пятно. За урсулитом виднелись Рэй и Ярвис, их лица не предвещали ничего хорошего.

– Ты вовремя, – словно из-под земли появился Боб и зашагал рядом. – Растолкуй этим придуркам...

– Что случилось?

– Наши с десантурой сцепились.

– Чего не поделили?

– Те в Одучи бутылку бросили. Сначала кричали «огарки» и «мазута», хотели чтобы мы их пустые оружейные ящики унесли. Мы их послали. Ну и вот...

Урсулит угрожающе дернулся, толпа азартно заголосила. Что-то гортанно выкрикнул Одегард.

Гарин бесцеремонно оттолкнул ближайшего матроса, вклинился в толпу и протиснулся к середине.

Внутри импровизированного круга, друг напротив друга, стояли Одучи и молодой бритоголовый парень в тренировочном костюме. Десантник был невысокого роста даже по людским меркам, а в сравнении со звероподобным контрактиком, так и вовсе выглядел псом медведя. Крепко сбитым, отлично сложенным и полным энергии бойцовским псом.

Десантник не отрываясь смотрел в глаза урсулита, и нагло ухмылялся. Рейтар скалился ему в лицо, демонстрируя изношенные желтые клыки. До драки оставалась пара вздохов.

– Одучи, отставить! – громче, чем нужно, скомандовал Гарин.

Он рисковал репутацией, в таком состоянии урсулит мог запросто проигнорировать приказ. Но рейтар покосился на командира, проклокотал что-то на своем языке и чуть отступил назад. К нему тут же подлетел Рэнт, успокаивающе похлопывая друга по плечам.

– Чего ты заднюю включил? – насмешливо бросил отступившему Одучи десантник, – Я с тобой еще не закончил, «огарок»!

Толпа радостно заулюлюкала, предвкушая продолжение представления.

Прежде, чем Одучи и Рэнт отреагировали, между ними и парнем стеной встал Юрий.

– В чем проблема, солдат? – холодным тоном спросил он.

Десантник бросил быстрый взгляд на нагрудный знак рэй-сержанта, но лишь пренебрежительно протянул:

– У меня нет проблем, рейтар. Проблемы есть у obsługi, которая не хочет работать.

У парня были неестественно зеленые глаза с черными вкраплениями мелких биоимплантов возле зрачков. В этих глазах не было страха или сомнения, лишь вызов и самоуверенность. Этот молодой десантник действительно считал, что сможет положить на лопатки любого из контракторов.

На миг Юрию стало даже любопытно, сможет ли он одолеть этого задиру. За время своей недолгой карьеры в качестве бойца на подпольных боях он успел помериться силами с разными противниками, в том числе и с частично аугметированными. И все же то были большей частью любители или вышедшие в тираж спортсмены. А тут – настоящий десантник, элита Имперского флота, выращенный для войны и созданный убивать.

Юрий сладко сжал кулак правой руки, отчего мягко вжикнули моторчики протеза, но сказал почти ласково:

– Солдат, вернитесь в свое расположение и займитесь делом...

– Хорошо сидеть в тылу, когда враг у ворот? – грубо перебили его из толпы.

– Сколько берешь за родину, урод? – бросили сзади.

– Помогайте синтам чистить сортиры!

За спиной всхрапнул Одучи, двинувшийся на обидчиков. За ним тенью наступал Ярвис. По другую сторону от Гарина черной тенью возник Рэй.

Зеленоглазый десантник был очень быстр. Одним движением, стремительным, смазанным в пространстве, он оказался перед урсулитом. Прежде, чем Юрий успел что-либо пред-

принять, армеец жестко ударил Одучи в грудь и перехватил лапу для болевого приема. Под его кожей на шее и запястьях проступила мелкая сеть армированных нитей.

Только сейчас Гарин угнался за десантником, вцепившись тому левой рукой в кадык.

– Смирно! – гаркнул чей-то властный голос.

Десяток каблуков практически синхронно ударились друг о друга, все присутствующие вытянулись в строевой стойке. Воцарилась гробовая тишина.

– Что здесь происходит?

На лестнице стояло три офицера в десантных цветах и с нашивками высшего командования. Команды подавал майор с коротким ежиком седых волос. За его спиной стояли полковник и капитан с раскрытым адъютантским планшетом. На груди полковника блестел значок Старой Гвардии и, судя по всему, это и был искомый Гариным командир сводных сил Шишкевич.

– Я задал вопрос, сержант, – майор спустился по ступенькам, и толпа расступалась перед ним, словно камыш перед лодкой.

В какой-то момент Юрий подумал, что майор обращается к нему, но к офицеру уже подбежал и вытянулся зеленоглазый десантник.

– Личный состав занимается согласно распорядку! Техническая комплектность проверена и подготовлена! Оружейная комплектность проверена и подогнана...

Сержант тараторил как по заученному. Майор слушал небрежно, изучая взглядом конструкторов.

– Достаточно, – перебил он подчиненного. – Рэй-сержант! Ваше мнение.

Юрий вытягиваться в струну не стал, благо майор не был ему непосредственным начальником, но доложил по уставу.

– Командир рейтарской группы рэй-сержант Гарин, – представился он. – Группа в штатном порядке занимается обустройством жилой зоны.

Майор прищурился, сказал с хитрецей:

– Мои глаза повидали многое, рэй-сержант, и я склонен им доверять. Они подсказывают мне, что имел место конфликт. Так?

– Господин майор! – торопливо вмешался сержант-десантник. – Разрешите?

– Не разрешаю!

– Никак нет, господин майор, – ответил на поставленный вопрос Гарин. – Никакого конфликта. Господин десантник проводил с моими подчиненными мастер-класс по рукопашному бою.

И добавил:

– По моей просьбе, господин майор.

Возмущенно хрюкнул Одучи, тихо захихикал Боб. Юрий краем глаза заметил, как усмехнулся полковник Шишкевич.

Майор поднял брови:

– Вот как? Да, возможно именно это и видели мои глаза, – он повернул голову к сержанту.

Спросил, резко и громко:

– Так точно, сержант?

– Так точно, господин майор! – выкрикнул десантник.

– Раз так, то я не имею права наказать вас за неуставные взаимоотношения, по причине их отсутствия, – уже спокойный, даже издевательским тоном произнес майор. – Однако я не могу оставить без внимания отсутствие на занятиях по рукопашному бою защитной экипировки и медицинского синта. И, поскольку рейтары не мои подчиненные, то наказание понесут только военнослужащие имперского десанта.

Офицер огляделся через плечо.

– Второго и третьего взвода, насколько я вижу. Каждому по наряду вне очереди. Сержантскому составу – отчитаться о выполнении. Ура?

– Ура! – грянули десантники.

– Вольно. Разойдись, – махнул рукой майор, возвращаясь к лестнице.

– Вольно! Разойдись! – заорали зеленоглазый и еще кто-то рядом.

Матросы, словно тараканы, разбежались кто куда.

– Юра! – Рэй многозначительно тыкал в сторону удаляющихся офицеров.

– Знаю, – отмахнулся Гарин.

Он легко вбежал по ступеням, догнал развеселившихся военных.

– Господин полковник! – обратился Юрий к Шишкевичу. – Разрешите обратиться.

Офицеры встали, обернулись.

– Обращайтесь, – голос у полковника оказался хриплым и трескучим.

Юрий заметил, что зачастую военные не убирали следы ранений, чем разительно отличались от большинства гражданских. Не был исключением и «главный десантник крейсера», у него через все лицо тянулся тонкий извилистый шрам, перерубающий свернутый на сторону нос, а в левой глазнице поблескивал искусственный глаз с диафрагмой вместо зрачка. А если принять во внимание значок Старой Гвардии, то сразу становилось понятно, что полковник успел повоевать в те горячие времена, когда сам Император вел их в бой.

– Господин полковник, рэй-сержант...

– Я вижу кто вы. Ближе к делу.

– Мою группу приписали к техническому персоналу. Но у нас боевая специализация, вооружение и обмундирование.

– А также класс S, – напомнил капитан, судя по праву голоса, адъютант Шишкевича.

– Я не могу использовать вас в качестве штурмовых единиц, – ответил полковник, подняв голову. – Концепция сражения уже расписана, она основана на скорости, мобильности и агрессивности. Вы с вашими парнями попросту не поспеете за атакующими волнами. Я вижу, у вас есть боевой опыт, вы неплохо показали себя в бою в Полости Глизе, но у нас нет на борту «големов» устаревших моделей. С современными боевыми костюмами вы несовместимы.

Гарин откашлялся, словно хотел возразить, но спорить было не о чем – полковник прав. Без «големов» контракторы бесполезны в орбитальных боях, станут балластом для десанта.

– Но я уважаю ваше рвение, – Шишкевич по-своему расценил выражение лица Юрия. – Думаю, есть вам достойное применение. Будете обеспечивать безопасность одного из санитарных пунктов во время горячей фазы.

Он вытянул руку и похлопал Гарина по плечу:

– Не благодарите, рейтар.

К товарищам Юрий возвращался в смешанных чувствах. С одной стороны, хорошо, что их не бросали в откровенную мясорубку, с другой – немного покорило пренебрежительное отношение со стороны военного командования. И, вроде, должен уже привыкнуть, поработав с Гарнагой, но все равно неприятно.

Контракторы угрюмо занимались благоустройством расположения, лишь Боб время от времени вспыхивал и громогласно возмущался, не стесняясь в выражениях. Гарин посоветовал Хьюзу остыть, собрал вокруг себя товарищей и кратко рассказал, чем придется заниматься. Одучи и Ярвис ожидаемо издали недовольные стоны, понимая кивнул Рэй, Глебович принял новость с привычным равнодушием. Лишь лицо Боба облегчено посветлело, что не мог не заметить Юрий. Он так и не успел переговорить с Хьюзом по поводу его увольнения.

– Если нужно будет вытаскивать этих, – Ярвис махнул рукой в сторону условных десантников. – То я не буду.

Урсулит согласно рыкнул.

– Будете, – уверил их Юрий.

– Придурки из пробирок, – скривился Боб. – Чего они вообще к нам полезли?

– Разрешите? – раздался тихий спокойный голос.

Рейтары обернулись.

У импровизированного порога стоял невысокий аджай в оливковом с красными вставками комбинезоне и нашивкой санитарной службы. На смуглом лице дистанта еле угадывался характерный для его вида пигментный рисунок, похожий на вытянутую кляксу, в глубине черных глаз плавали россыпи серебристых песчинок.

– Лейтенант Си Илат, – нараспев представился аджай. – Второй санитарный взвод.

Си Илат неувовимо напоминал всех представителей расы аджай, с которыми Юрий был знаком. Единственными отличиями были рисунок родимого пятна и возраст – лейтенант был значительно старше и штурмана «Полыни» Си Ифмари, и корабельного доктора Тэ Иревиа, и пилота-кирасира Нораха.

– Рэй-сержант Гарин, – вышел вперед Юрий. – Я так понимаю, с вами будем работать?

– Так точно, – вкрадчиво кивнул Си Илат. – Минуту назад пришло указание от командования. Вам уже подключили общую сеть? Я бы показал наше место наземной дислокации.

– Пока не подключили, не успели.

– Могу пока предложить свое соединение, – предложил военный медик. – Пусть ваш техник настроится, доступ я открою.

– Спасибо, – поблагодарил Гарин и кивнул Тихомиру. Тот молча удалился искать среди ящиков отрядный коммутатор.

– Общественное вещание у вас, должно быть, тоже не работает? – поинтересовался аджай.

– Угадали.

– Я сейчас сброшу вам последний пакет данных.

– Не нужно, – отмахнулся Гарин. – Пока не до новостей.

– Все же я сброшу, – мягко настоял Си Илат. – Некоторые новости объяснят поведение десантников.

– Даже так? – заинтересованно поднял брови Гарин. – Хорошо, посмотрим на досуге, как разберем свои вещи. Где ваше расположение?

– Вон там, возле бухты «кальмаров».

– Практически соседи.

Приметные белоснежные контейнеры санитарного отряда действительно находились неподалеку, рядом с обширным парком висящих на высоких рамах головоногими роботами.

– Я к вам зайду примерно через полтора часа, – Гарин вновь посмотрел в черные с серебряным глазами лейтенанта. – Обсудим протокол совместной работы.

– Буду на месте, – пообещал Си Илат, козырнул и удалился.

– Хотите загадку? – натужно спросил Боб, задвигая оружейный ящик под стойку со скафандрами. – Что аджайка назовет «углой», а аджай скажет: «Нет».

– Чего? – Рэнт даже голову поднял.

– Не верно говоришь, – буркнул от ящиков Глебович. – Произносится не «нет», а «нэйт».

– Старая шутка, – криво улыбнулся темнокожий норвежец.

– Я не слышал, – нахмурился Юрий. – О чем речь?

– О члене! – выкрикнул Боб и громко расхохотался. – И «нэйт» и «угла» – это член по-аджайски!

Ему вторил хриплый, похожий на гортанное карканье смех Одучи.

Гарин терпеливо смотрел на веселящихся подчиненных, пытаясь понять над чем именно смеются товарищи.

– У расы аджай женский язык отличается от мужского, – пояснил Рэй.

– Это как? – удивился Юрий.

– А вот так. Как если бы мы общались без лингво, ты – по-русски, я – по-норвежски.

– Мужчины и женщины на планете Аджай разных видов, – внезапно подал голос Глебович. – Их ветви развивались параллельно, пока у одних эпидемия не забрала всех особей женского пола. Тогда оставшиеся без самок мужчины отняли женщин у другого вида.

– А что сделали с самцами? – простодушно спросил Юрий.

Глебович красноречиво провел большим пальцем по горлу.

Совсем другим взглядом Гарин посмотрел вслед маленькому, мягкотелому аджаю.

С обустройством временного расположения контракторы справились быстрее намеченного времени – сказывался опыт частых переездов. Прежде, чем идти к лейтенанту Си Илату, Гарин разрешил себе несколько минут отдыха. Тихомир как раз получил от местных связистов доступ к внутрикорабельной сети, раскрыл сброшенный командиром санитарного взвода информационный пакет и открыл доступ.

Юрий устроился у стены, прислонившись к прохладному пластику, положил на колено плоский «камень» вифона, жестом раскрыл виртуальный экран и настроился на новости. В этом он оставался старомодным, терпеть не мог, когда приходилось пользоваться для этих целей нейромодулятором – устройство подавало сигналы прямо в мозг и обманутые глаза видели вместо реальности объемную иллюзию. К примеру, тот же Рэнт жить не мог без подобных игрушек, порой казалось, что он вообще все приукрашивает посредством специальных программ. Тот же Глебович вовсе ложился с закрытыми глазами и смотрел сны-мыслеобразы.

Юрия, человека иной эпохи, расширенные подобным образом возможности заставляли нервничать и напрягаться, поэтому он предпочитал, чтобы между ним и экраном транслятора было пусть и небольшое, но все же расстояние.

Рядом плюхнулся на раскладной стул Рэй, с наслаждением вытянул ноги. Спросил, покосившись на Гарина:

– Новости хотел посмотреть?

– Угу.

– Отлично, – норвежец взъерошил свои рыжие кудри, склонил голову, готовясь к просмотру.

Юрий шевельнул пальцами, запуская запись.

Новостей было привычно много, все они были в разной степени отравлены метастазами войны. Алым приоритетом мигало несколько и Юрий начал с них.

Во время боя за систему Сэта-Ригель рейтарский отряд частной военной компании «НоваКорп» перешел на сторону противника. Попавшая в неожиданное окружение бригада имперских десантников понесла тяжелейшие потери, из котла смогли вырваться единицы.

– Вот черт, – с горечью проговорил Одегард. – Уроды.

Что ж, теперь ясно, откуда у десантников такая агрессия к контракторам. Нужно думать, рейтарам во всей Империи придется еще долго отмываться от клейма потенциальных предателей.

– И ведь знаешь что самое поганое? – по лицу Рэя было видно, что новость задела его до глубины души. – Самое поганое, что тут рхейцы даже не причем. Ладно бы они могли переселиться в кого захоти, как в этих дурацких фильмах...

– Для переселения нужен аппарат, – подтвердил Юрий.

У него перед глазами всплыли и пропали образы пережитых событий – обручи с лепестками, обхватывающие безвольную голову Элли, распластанное тело старухи-миллионерши на полу.

– Да, аппарат или имплантант-передатчик, – норвежец ткнул себя пальцем в висок. – Но тут-то дело совсем не в этом, не в этих рхейских штучках. Тут граждане Империи сами, по доброй воле, перешли на сторону врага. Вот как так, Юра? Какие должны быть причины? Да какие бы ни были, предательству нет оправданий!

Гарин мог бы возразить, что не все контракторы – граждане Империи, как и он сам, и что далеко не все любят Империю так же, как Рэй. Но в одном норвежец бесспорно прав – предательство сродни удару в спину.

По ссылкам из сообщения про контракторов-ренегатов Юрий перешел к другим военным новостям. По всем точкам соприкосновения с Содружеством шли бои с переменным успехом. Рхей ожесточенно грыз Империю и местами даже отхватывал целые системы. По какой-то причине Император не всегда открывал Арки контратакующим силам, и многочисленным, но рассредоточенным вдоль границы флотам приходилось метаться от сектора к сектору, сжигая двигатели на форсаже. Впрочем, армейское командование на конференциях демонстрировало сдержанный оптимизм, заявляя, что потерянные территории не имели стратегического значения.

Когда-то Гарин считал, что вся Империя заселена также густо, как Солнечная система, именуемая Мегаполисом. Изучая человеческую экспансию после открытия Императором Арок он видел тысячи звездолетов размером с его Родину, с его корабль поколения «Пилигрим-2», уносящих миллионы поселенцев к новым мирам. Однако, на деле все оказалось несколько иначе. Основная часть населения проживала в редких звездных системах с планетами земного типа, а также в комфортных космических станциях возле них и самого Мегаполиса, все остальные были разбросаны колониями по всему галактическому диску. Иной раз между ближайшими человеческими поселениями пролегали миллионы световых лет космической пустоты и единственным способом общения являлись Арки. Другими словами, структура Империи больше походила на редкую рыболовную сеть, чем на плотную материю.

Так что военное командование было отчасти право – потеря нескольких приграничных секторов, в которых, в лучшем случае, располагались маленькие научные станции, а то и вовсе сигнальные маяки, ничего не значило для остального государства. Конечно, если не считать, что с каждым сектором враги подбирались все ближе и ближе к обжитым мирам.

Или если не говорить, что иногда среди пустых секторов нет-нет, да и попадется планета с крупными роботизированными заводами на поверхности. Например Лилия Восемь, к которой теперь спешил крейсер «Грох».

Также сообщалось об активизации радиантов, аджайских сепаратистов, ратующих за независимость своей системы. Им ожидаемо дали отпор, загнав обратно в обширное астероидное облако, откуда они и вылезли.

Среди прочих, Юрия привлекла небольшая заметка из разряда «Происшествия», в которой сообщалось о гибели двух грузовых барж, прошедших через Арку и вместо нужной системы попавших в центр какой-то звезды. Жертв не было – баржи пилотировались автоматически, причиной инцидента названа ошибка в алгоритме построения маршрута. Но у Гарина возник вопрос о том, зачем вообще нужно ориентировать Арки в центр звезды.

– Действительно непонятно, – поддержал его Рэй. – Может, эта Арка осталась после какого-то научного эксперимента?

Поперек изображения выскочил объемный треугольник таймера. Юрий вздохнул, завозился на стуле.

– К лейтенанту пора идти? – догадался Рэй.

– Да, надо обсудить, что от нас требуется.

– Я тогда пока изучу сведения о планете, – поднялся Одегард. – Говорят, условия на Лилии непростые.

Юрий кивнул, протянул руку к мерцающему в воздухе экрану. Но вдруг остановился, задумчиво пошевелил пальцами. Поднял глаза на товарища.

Тот все понял без слов.

– Ладно, пойду я.

Когда норвежец удалился, Гарин ввел в поисковик имя «Элли». Система мгновенно выдала несколько результатов, но ни одного нужного. Самое обидное, что Юрий напрочь забыл новую фамилию девушки, не помнил он и имен старухи-миллионерши, чье место заняла Элли. Немного поразмыслив, попробовал найти информацию про Карла Йенсена, старого пройдоху, которому доверил заботу о девушке. Тщетно.

Гарин вздохнул – он понимал призрачность попыток узнать что-либо о судьбе Элли из локального информационного пакета, однако в последнее время память так настырно подсовывала воспоминания о ней, что просто проигнорировать их Юрий не мог. Эти воспоминания пусть и были теплыми, милыми, но оставляли после себя тревожное предчувствие. И Гарин, считавший, что их с Элли пути разошлись окончательно, вдруг ощутил потребность увидеть девушку, узнать все ли у нее в порядке.

Скорее всего, это скоро пройдет. Не хватало еще помимо насущных проблем переживать из-за выдуманных. Однако, откуда вообще пришли эти мысли?

Не желая заниматься доморощенным самоанализом, Юрий смахнул виртуальный экран, встал, одернул форму и твердым шагом направился к командиру санитарного взвода.

* * *

Модулятор, плотно прильнувший к затылку, тихо проигрывал ретро-песни из эпохи пионеров космоса. Строки про «пыль далеких планет» и «прекрасное далеко» кружили среди мыслей, отвлекая от предбоевой нервозности и всеобщего возбужденного гула.

Пару дней назад крейсер наконец пересек границу звездной системы и теперь стремительно приближался к Лилии Восемь. Командование приняло решение действовать быстро и агрессивно, штурмовать планету прямо с марша. По сообщениям разведки, космические силы врага состояли из десятка зависших на орбите фрегатов да трех строительных платформ, спешно возводящих на орбите укрепленный форпост. Основные силы рхейцев, десант и инженерные подразделения, упали на «грунт», захватив ключевые точки на планете.

Новость о скором штурме превратила жилую палубу крейсера в банку с разъяренными шершнями, только и ждущими когда же откроется крышка. Имперские десантники, которые со времени первой стычки больше не лезли в драку с контракторами, но при любой возможности всячески демонстрировали им свое презрение, разом позабыли о существовании рейтаров, радуясь предстоящему сражению.

– Ради такого они и были рождены, – с легкой завистью в голосе сказал Рэй, помогающий Одучи присоединить к ранцу овальный патронташ со снарядами для рельсового пулемета.

– Многие сегодня этим и ограничатся, – желчно заметил Хьюз, нервно щелкая застежками нагрудных бронепластин.

– Думаешь, они еще нигде не воевали? – спросил от своего шкафчика Рэнт.

– Да ничего я не думаю! Или ты считаешь, что мы где-то всерьез воевали? – зло ответил рейтар. – У них хотя бы шкура армированная...

– Чего ты так завелся, Боб? – решил вмешаться Юрий.

– Ничего, – буркнул Хьюз и отвернулся, занимаясь снаряжением. – Проехали.

Его пальцы заметно дрожали.

– Одучи тоже нервничает, – по-своему расценил ситуацию урсулит.

Ярвис ободряюще хлопнул его по спине широкой ладонью, отчего по расположению разлетелся звук гулкого удара.

По сравнению с ликующими десантниками контракторы облачались в свои старенькие боевые скафандры сдержанно, просто собираясь на работу. Исключение составлял лишь Хьюз, который, казалось, с каждой минутой все глубже и глубже погружался в какие-то невеселые мысли. Впрочем, на бывшего полицейского иной раз накатывало, особенно в последнее время.

Гарин несколько раз пытался обсудить с ним слухи о желании Боба уволиться, но Хьюз каждый раз переводил тему.

Юрий закончил настраивать скафандр, взглядом убрал сервисную панель, горящую над левым плечом. Тяжело попрыгал, поводил плечами, напоминая телу вес бронированного костюма. Принялся прикручивать к рукавам перчатки-краги.

– Износ кислородных фильтров в пределах нормы, – отпартовал модулятор, тестирующий системы. – Рекомендую сервисную продувку отводных дренажей.

– Знаю, – Гарин покрутил головой в разные стороны, разминая жесткий кевларовый воротник. – Проверь защитные слои на герметичность. Не хотелось бы, чтобы меня разорвало из-за какой-нибудь микроскопической дырки в броне.

– Трещина в наколенном гофре заделана при прошлом осмотре.

– Проверь все еще раз.

– Сделаю, – покладисто согласился модулятор. – Рассказать о свойствах организма при сверхвысоком давлении?

– Не мешай.

Нейромодуль, называющий себя сегодня Вигар, замолк.

Мимо протопал отряд десантников в штурмовом обмундировании. Тяжелые скафандры-хамелеоны превращали бойцов в массивных чудовищ, увешанных оружием. Непрозрачные шарообразные шлемы слепо смотрели по сторонам, разбирая все вокруг по спектрам, габаритам и параметрам. Один из десантников, идущий в последнем ряду, поднял над головой руку и показал рейтарам средний палец.

Юрий прикинул, мог бы он на своем «големе» раскидать уходящий в сторону ангара отряд. На миг он вспомнил приятные ощущения от нахождения в чреве огромной боевой машины, ту мощь, с которой двигался стальной гигант, повинаясь движениям человеческих рук. Вспомнил прыжки на реактивных двигателях, от которых захватывало дух, запах горячего оружейного масла, охлаждающего цепи скорострельного ракетомета.

Мимо прошел еще один отряд, слаженно, напористо.

Да, скорее всего, он бы смог дать неплохой бой отряду Имперского десанта. Но, скорее всего, только в космосе. И, скорее всего, недолго. Все же «големы», как и он сам, слишком устарели для ведения современной войны, прав «главный десантник» Шишкевич.

По внутренней связи пришло сообщение от Си Илата. Гарин прочитал скупую инструкцию, вышел ближе к центральному пролету и, вытянув голову, попытался разглядеть санитарный взвод. В общей кутерьме было видно лишь верх белых контейнеров полевого медпункта, которые синты-грузчики перемещали в сторону доков.

– Пора, – скомандовал своим Гарин. – Рэнт, не забудь сигнальные огни как в прошлый раз.

– Я же извинился, командир, – здоровяк смущенно зарделся. – Сейчас ничего не забуду.

– Хорошо. На вас с Одучи периметр.

– Одучи услышал, – с готовностью откликнулся урсулит.

– Тихомир, на тебе связь и мониторы, – продолжил отдавать указания Юрий. – Будь готов к сильным помехам.

Глебович что-то пробурчал, тряхнув давно нестриженными патлами.

– Боб..., – начал фразу Гарин, но Хьюз перебил его.

– Да-да, на мне медицина. Не пойму только зачем, если целый медблок под задницей будет.

Юрий внимательно посмотрел на Боба – тот за последний час как-то изменился, лицо посерело, а глаза наполнились какой-то серой отстраненностью.

Гарин не стал делать Хьюзу замечание за поведение, повернулся к Одегарду.

– На тебе разведка. До установки периметра далеко не уходи.

– Ура, – норвежец жестом показал, что все понял.

– Всем – еще раз проверьте все ли вы взяли. Читали рекомендации Рэя по планете? Сами видите, условия малоприветные. Неизвестно сколько затянется штурмовая операция, потому будем рассчитывать только на свои силы.

– Как на «грунт» попадем? – поднял руку Ярвис.

– «Градом», – Юрий процитировал данные из инструкции.

– Что? – вдруг взвился Боб. – «Грады»? Нихрена я не полезу в этот гроб! Пусть ищут шаттлы.

– Все шаттлы заняты штурмовыми группами, – терпеливо ответил Юрий, ощущая растущее раздражение. – Мы полетим «градами».

– Черта с два!

Контракторы переглянулись, непонимающе вполголоса.

– Рэй, – холодным тоном произнес Гарин, не сводя взгляда с пунцового лица Боба. – Веди команду к спусковым установкам. Мы с Хьюзом вас догоним.

Одегард махнул остальным. Рейтары подхватили оружие и, толкая перед собой платформу с амуницией, двинулись прочь из расположения. Гарин затылком чувствовал их взгляды, тревожные и изучающие.

Когда они остались одни, Хьюз внезапно обмяк, сделал неуверенный шаг к скамье за своей спиной и сел, опустив плечи.

– В чем дело? – твердо спросил Гарин.

Боб что-то пробормотал, глядя в сторону.

– У меня нет времени играть в шарады, Боб! – повысил голос Юрий. – Либо говори в чем дело, либо поднимайся и иди работать.

Хьюз резко вскочил, что было непривычно для его тучной фигуры, практически уперся в Гарина, выдохнул сквозь зубы:

– Зассал я, вот в чем дело! Ясно? Зассал!

– Не ори.

Хьюз глубоко вздохнул, словно ему не хватало воздуха, отвел глаза в сторону. Пробурчал:

– Все, хватит. Спекся Боб Хьюз.

– С чего вдруг?

– Да все с того... С той драки у Горизонта, – Боб вновь сел, устало откинулся на стену. – Что-то сломалось во мне, Юра. Раньше знать не знал что такое ночные кошмары, а тут... Перед каждым боем мандраж, аж ноги подкашиваются. А тут еще бывшая написала, что срок моего опекуинства истекает, что она сына на Дементру забрать хочет... Короче, как-то все разом навалилось, одно на другое.

– Почему молчал, ничего не говорил? Я же спрашивал.

– Чего говорить то? Да и не люблю я других своими проблемами грузить.

Хьюз расстегнул верхнее крепление грудных пластин, освободил вспотевшую шею. Было видно, что ему неловко перед Гариным, но он уже не мог остановиться.

– Тут как-то с другом по дальней связи общался, раньше вместе служили в полиции. Так и поговорить не о чем, представляешь? – горько ухмыльнулся Боб. – Он мне про какие-то свои проблемы, про кредиты, про отключения купола, да про дочь неуправляемую, а я сижу и понимаю, насколько я от всего этого далек. Вот мне ему о чем рассказывать? О том, как разрывной снаряд человека на куски вместе со скафандром разрывает? Про то, как от выстрела САО из ушей кипящая кровь льется? Или про то, как черная бездна звезды пожирает?

Юрий вздрогнул, украдкой посмотрел на Боба. Товарищ словно озвучивал его же тревожные сны.

Хьюз закрыл лицо мясистыми ладонями, принялся массировать лоб и виски. Его голос зазвучал глухо.

– В какой-то момент, еще на Ракуде, я вдруг ясно понял, что утопаю во всем этом. Утопаю в том, что мне совсем не нужно, к чему я совсем не готов... Я же не такой, как эти, потомки викингов и прочие «медведи войны». Не такой как ты, отмороженный однорукий пришелец из прошлого.

Юрий отозвался на попытку товарища пошутить понимающей улыбкой.

– Так что вот, – Хьюз слабо развел руками. – Думал, дождусь окончания контракта, несколько дней осталось. А тут этот штурм... Ты же знаешь, я никогда не пасовал! Но сейчас вот прямо кишками ощущаю – не переживу я его. А я жить хочу, мне нужно к сыну... И вас подвести не могу. Черт! Вторую ночь уже не сплю...

Боб смешался, махнул рукой.

Модулятор тактично пискнул – Гарина вызывал Одегард. Пора идти.

– Оставайся, – принял решение Юрий. – Ничего не думай, все нормально.

Хьюз протестующее замотал головой, потянулся к шлему, но Юрий опустил ему руку на плечо, заставил остаться на месте.

– Боб, все нормально. Все всё поймут – тут каждый порой с катушек слетает. А ты лучше выпишись как следует. По возвращении поговорим.

– А вы...

– Без тебя управимся, Боб. Там делов-то, медицинские боксы посторожить.

Хьюз сжал зубы и отвернулся. Но попыток подняться больше не делал.

– Все, давай, приходи в себя, – Гарин хлопнул товарищу по плечу. – Скоро увидимся.

Пока он шел к десантному доку, в голове играла песня со словами «в часы затмения ждем света и земные видим сны». Но на сей раз песня не смогла отвлечь от тяжелых мыслей.

В «Грады» контракторы грузились с мрачными шутками и ехидными комментариями. Тесные двухместные капсулы, предназначенные для экстренной эвакуации экипажа звездолета, мало кто любил, а некоторые, вроде Одучи, так вообще откровенно боялись. Гарину, который ни разу не десантировался внутри стальной веретенообразной «градины», приходилось прилагать усилия, чтобы не поддаваться общему настроению и не накручивать себя раньше времени.

– Опять проблююсь, – со вздохом заявил Ярвис. – Ненавижу «грады».

Урсулит мстительно захохотал, тыкая пальцем в товарища.

– Ты-то чего ржешь? – беззлобно спросил Рэнт. – Я хотя бы не рыдаю при входе в атмосферу, как некоторые.

– Одучи ранимый, – не согласился урсулит.

– Ранимый, ага, – усмехнулся здоровяк. – Ты когда плачешь, такую морду делаешь, словно сожрать хочешь. Я когда увидел впервые, чуть в космос не вышел от испуга.

– Одучи свиреп даже когда ранимый, – ощерился в улыбке урсулит.

– Часто прыгали в «градах»? – спросил Гарин.

– Трижды. Верно? – Ярвис посмотрел на Одучи, ожидая подтверждающего кивка лохматой головы. – Трижды.

– Один раз, – поднял палец Тихомир.

– Тоже разок пришлось, – сказал Рэй. – Не совсем в «граде», в гражданском аналоге.

Юрий вспомнил свой полет в отделяемом медицинском блоке. Похоже ли это на то, о чем говорят товарищи?

Он оценил скупую внутреннюю обстановку спускаемых капсул, подходящую больше для экстренной эвакуации, чем для десантирования – два жестких кресла с устройствами фиксации да узкий пульт корректировки полета. Хорошо еще, что кресла проектировались под военные скафандры, иначе влезть в них в боевой амуниции рейтаров было бы просто невозможно.

– Значит так, – принял решение Гарин. – Прыгать будем по одному, второе кресло и остальное пространство заполняем аппаратурой и оружием. Меня заверили, что до точки приземления нас будет вести луч с крейсера, но на всякий случай я вам перекинул координаты лагеря. Топографическим кретинизмом вроде бы никто не страдает, но все же следите за отклонением во время полета, в случае чего корректируйте падение...

– Хрен там чего скорректируешь, – покачал головой Рэнт. – Это как управлять падающей наковальней.

– И, тем не менее, – с нажимом утвердил Гарин. – Команда о спуске нам поступит после того, как стартует десант, но особенно прохладиться времени нет. Поэтому загружаемся, рассаживаемся и ждем.

– Новичков нет, командир, – похлопал по зачехленной винтовке Одегард. – Все сделаем как надо.

– Вот и хорошо. Давайте, мужики, время поработать.

В какой-то момент, когда Гарин и Рэй помогали Глебовичу крепить тяжелый конус полевого коммутатора, мимо мягкими тенями прошел небольшой отряд в черных облегающих скафандрах. Когда один из них повернул голову и скользнул взглядом по контракторам, Юрию показалось, что он попал в поле зрения холодной и расчетливой машины.

– Элита, – прокомментировал норвежец с уважением в голосе. – Отряд оперативного вмешательства, тактик-операторы.

– Тоже десантники? – спросил Юрий.

– Скажем так, они в составе десантных группировок, но подчиняются напрямую командованию флота.

Бойцы в черном были неуловимо похожи друг на друга, у всех ребристые вставки в области гортани, искусственные наросты за ушами и матовые блики в глазах-сканерах. Генетически улучшенные, аугментированные по последнему слову техники, накачанные нужными знаниями и, главное, прекрасно натренированные, эти солдаты Империи казались Юрию новым витком эволюции, где сам Гарин со своей природной естественностью оставался где-то на уровне дремучего средневековья. Даже дистанты-аджаи казались ближе и понятнее.

Тактик-операторы ушли, рейтары вернулись к своим делам. Через полчаса вся команда Гарина была готова к спуску, и потянулись томительные минуты ожидания.

Через четверть часа погасло все освещение, кроме дежурного, поступил сигнал о «красном» уровне готовности. По палубе забежали техники из obsługi ракетных башен, где-то над головой громко лязгнуло и по борту прошла мелкая вибрация. В десантном ангаре предупреждающе завывли сирены, с шипением открылись шлюзы и ушли вниз шаттлы. Спустя пару минут захлопнулись двери «градов» и импульсные двигатели швырнули капсулы с контракторами в холодную пустоту.

Под какофонию огня и стали Империя пошла на штурм.

Внезапно пропавшая сила тяжести заставила Юрия дернуться, сжимая кулаки. Он нервно сглотнул, унимая подскочившие к горлу внутренности, торопливо добавил в дыхательную смесь кислород.

– Желаете успокаивающие мотивы? – поинтересовался модулятор Вигар.

– Давай, – выдохнул Юрий.

Он скосил глаза в сторону небольшого круглого иллюминатора, где поднимался красно-оранжевый серп Лилии Восемь. Планету опоясывал тонкий пояс из ледяной пыли, сияющий в свете холодной голубой звезды, а в клубящейся атмосфере янтарными спиралями кружили гигантские циклоны.

Открывшийся вид настолько ошеломил Юрия, что он на какой-то миг потерял ощущение реальности. В себя его привел легкий имперский истребитель, пронесшийся настолько близко, что автоматика «града» истерично запищала и рванула капсулу в сторону, избегая столкнове-

ния. Прежде, чем спускаемый аппарат вновь лег на курс, Юрий успел увидеть отрывок космического боя.

Над ярко синим гало планеты чернел зубчатый октаэдр недостроенной военной станции, вокруг которого сновали светлячки рабочих роботов. Прямо перед ними рой гусар-истребителей разрывал на куски обессилено огрызающийся звездолет рхейцев – выпуклый диск в черно-синем камуфляже. Гибнущий фрегат, попытался сбежать от смертельных «москитов», но попал в поле притяжения Лилии Восемь, не смог вырваться, исступленно фонтанируя развороченными двигателями, и теперь, разваливаясь, падал вниз. Его судьба была предрешена.

На помощь гибнущему товарищу из-за ледяного пояса выдвинулись другие корабли Содружества, поливая огнем надвигающийся крейсер Империи. «Грох» разворачивал в их сторону главные калибры оружейных башен.

Капсула рывком сменила угол падения, уткнув иллюминатор в планету. Юрий разглядел на фоне гранатовых облаков жукообразные шаттлы, окруженные сферами силовых полей. А рядом...

Гарин взглядом увеличил картинку, и стекло шлема послушно выполнило приказ, превратив черные точки в человеческие фигуры.

В человеческие фигуры, вытянувшиеся в полете, словно хищные птицы, пикирующие на добычу. Только эти птицы атаковали врага, находящегося где-то под облаками, прямо из открытого космоса.

– Отряд оперативного вмешательства, – опознал модулятор голосом Одегарда. – Элита.

Мир резко встал на дыбы, закрутился волчком и оглушительно взревел. Капсула завибрировала, задергалась, словно припадочная, за потемневшим иллюминатором заплескали лоскуты пламени. Гарин с посеревшим лицом вцепился в подлокотники, благодаря всех отцов-духовников за крепкие страховочные ремни, не дающие ему вывалиться из кресла. Сработали звуковые регуляторы шлема и сквозь низкий гул рвущейся атмосферы Юрий наконец услышал, как автоматика отсчитывает расстояние до «грунта», изредка прерываясь на анализ происходящего за бортом.

– Не желаете послушать о случаях гибели пилотов спускаемых аппаратов? – оживился модулятор. – Имеется занимательная подборка материалов...

– Заткнись, – с трудом прошипел Гарин. – Следи за давлением.

Лилия Восемь жестко принимала непрощенных гостей. Юрий ощущал себя лягушонком, которого швырнули в коробке вниз по бесконечному склону горы. Капсула, пронзающая плотные слои атмосферы, несколько раз сходила с курса, словно испуганная ищейка металась из стороны в сторону, то ускоряя, то замедляя падение. Приспособленная к посадкам в самых экстремальных условиях, она на все сто отрабатывала свой хлеб, мало заботясь о комфорте пассажиров. Поэтому когда капсуле, наконец, удалось стабилизироваться и прекратить вращение, Гарин осторожно выдохнул, разжимая пальцы и мысленно пересчитывая кости.

Неприятный механический голос равнодушно предупредил о скорой посадке. Юрий попытался разглядеть сквозь закопченный иллюминатор надвигающийся ландшафт Лилии Восемь, за выщербленным стеклом металась плотная оранжевая вьюга.

– Доступна защищенная линия связи, – сообщил модулятор. – Отмечаю сильные помехи.

Это Юрий уже и сам понял, тщетно попробовав связаться с товарищами, но связь блокировали обшивка капсулы и радиоактивная песчаная метель за бортом.

– Контакт через 200, 180, 160..., – как показалось, особенно гнусным голосом оповестила автоматика, стремительно отсчитывая сокращающиеся метры.

– В целях безопасности рекомендую поместить голову между коленями и обхватить ее руками, – ожил модулятор.

Гарин бросил непонимающий взгляд на свой бронированный скафандр с крупными шарнирными сочлениями, на широкие ремни безопасности, крест на крест пересекающие грудь, на фигурные ложементы, в которых покоились ноги.

– Каким образом?

– Шутка, – откликнулся модулятор. – Юмор. Пытаюсь разрядить атмосферу...

– Зараза!

Капсула опрокинулась, заваливая Гарина на спину, по сторонам громко хлопнули тормозные двигатели и через несколько секунд спускаемый аппарат с ощутимым толчком сел на грунт Лилии Восемь.

– Пошло дело, – словно присказку пробормотал Юрий, прижал ладонь к груди, разблокировав крепления ремней.

Скафандр привычно отчитался о готовности работать, вывел на внутреннюю сторону шлема необходимые индикаторы. Гарин выбрался из кресла, вытащил из держателя автомат и опустил вниз ручку разблокировки замка.

Предупреждающе замигала лампа, отбрасывая тревожные блики. Система с шипением выровняла давление, люк дрогнул и отъехал в сторону.

Прежде, чем Юрий успел сделать шаг, ему на встречу ворвался порыв ветра, принес с собой целое облако мелкой, въедливой, цвета спелого апельсина пыли. Она вмиг покрыла тонким слоем ящики с оборудованием, кресла, пол, волнами легла на покатые стены. Благодаря отталкивающему покрытию, лицевая часть шлема осталась чистой, но плотная стена песчаной бури не позволяла увидеть ничего дальше нескольких метров. Гарин включил спектральное видение, способное пробиться сквозь бурю, но даже в серо-зеленом контрастном мире радиоактивные песчинки светились, будто белоснежные хлопья снега. Немного помучившись с фильтрами, Юрий вернулся к обычному зрению, раскидал вокруг горсть сигнальных «горосшин» и принялся торопливо выбрасывать из капсулы груз.

Сила тяжести на Лилии Восемь была заметно выше, чем привык Юрий, пришлось подключать элементы искусственного скелета скафандра, а с неприятной отечностью пришлось смириться. Сейчас было не до подобных мелочей – проклятая метель не только скрывала все в пределах нескольких метров, но и мешала связаться с командой. В наушниках свистели и щелкали помехи, сквозь которые изредка пробивались протяжные звуки, похожие на призрачные голоса, неразборчивые и бесполое. Модулятор перебирал частоты и потоки, но пока не мог опознать сигнальный луч штурмовой группы.

Юрий спрятался от порывов ветра под борт капсулы, которая медленно погружалась под оранжевый бархан, опустился на колено и раскрыл карту сектора. Если верить маркерам, от планируемого места приземления до точки сбора не более пары километров. Это с учетом, что он именно там, куда его планировали сбросить стратеги с «Гроха». Если нет, то все усложнялось настолько, насколько это вообще возможно – плутать вслепую по неизвестной планете даже хуже, чем лишиться последнего источника света в Изнанке.

Юрий оттащил ящики с деталями для защитного периметра подальше от капсулы, пригнул к заскорузлomu, похожему на торчащий кусок коры камню, прилепил сбоку маяк. Выбрал направление на лагерь и побрел сквозь плотную пелену кружащейся песчаной массы.

Где-то через километр пути справа выросла скалистая гряда, уходящая в невидимую высь. Бурая поверхность напоминала слюду, легко ломалась под армированными пальцами, обнажая идеально гладкий скол. Нечего и думать взобраться по ней, стена просто не выдержала бы веса человека в скафандре.

Гарин некоторое время шел вдоль отражающей удары ветра стене, потом открыл карту и попытался найти столь крупный ориентир. Навскидку нашлись три скальных объекта разной степени протяженности и изогнутости, но все на приличном удалении от точки приземления.

Юрий со вздохом закрыл карту, решил было вернуться, но передумал – имеет смысл пройти скалу полностью, чтобы понять ее профиль и протяженность. Эти данные помогут найти объект на карте.

А где-то над головой, на орбите, идет бой. Где-то в нескольких километрах на «ориентировочном Западе» десантники штурмуют укрепления противника. Возможно, даже контрактors собрались вместе и возводят защитный периметр вокруг полевого госпиталя.

И только Юрий Гарин, как слепой щенок, бродит по пустынной поверхности и измеряет скалы.

Через полчаса стало казаться, что каменная стена тянется через всю планету. Юрий уже начал жалеть о своем решении, когда наткнулся на торчащие из песка каменные обломки, а по поверхности стены зазмеились глубокие трещины. Еще через несколько шагов трещины превратились в густой узор, центром которого была глубокая каверна с острыми блестящими краями.

– Обнаружен слабый исходящий луч, – ожил модулятор. – Модуляция сигнала не входит в имперский стандарт.

– Я вижу почему, – напряженно ответил Юрий, поднимая автомат.

То, что он вначале принял за песчаную насыпь, оказалось уткнувшейся в грунт спасательной капсулой рхейцев. Сильно деформированная, с торчащими из-под развороченной серо-голубой обшивки внутренностями, она походила на отскочившую от твердой поверхности пулю. По сути, так оно и было, судя по дыре в скале.

Гарин вновь сменил спектры видения шлема, торопливо осмотрелся, поводя стволом оружия. Осторожно обошел находку по дуге, стараясь не спотыкаться об обломки. Если враги и были рядом, то они чертовски хорошо прятались. Еще нервировал темный провал в оголенном стекле скалы, в который вполне мог бы пролезть человек в легком скафандре.

– Сигнал изменился? – спросил Гарин у модулятора, облизнув пересохшие губы.

– Нет. Сигнал генерируется автоматом, – ответил висящий на затылке Вигар. – Могу предположить, что это информационные импульсы аварийного маяка.

Это, конечно, лучше, чем сеанс связи спасшегося солдата Содружества с орбитальной группировкой, но на луч маяка могут явиться другие рхейцы, чего Юрий допустить решительно не хотел. Не сейчас, не в то время, когда он один и без тяжелого вооружения.

Еще раз оглядевшись, Гарин начал приближаться к капсуле, рассматривая вражескую технику сквозь сетку активного прицела.

Аварийный модуль пострадал даже серьезнее, чем сначала показалось. Сланцевые скалы Лилии Восемь, подобно терке, срезали часть обшивки, а мощный удар разбил внутренний защитный слой. Должно быть, что-то не сработало в автоматике, раз мозг капсулы не успел вовремя изменить курс и затормозить. Возможно, ее «ошеломили» выстрелы нойз-пушки с имперского крейсера, вырубаящие всю технику в зоне поражения. Пилоту пришлось садиться вручную, но в таких условиях это сделать крайне непросто.

Юрий отодвинул ствол оружия болтающуюся жилу проводов, заглянул в дыру в корпусе.

Изнутри капсула напоминала внутренности разбитого яйца. Светлые, гладкие стены из мягкого пластика покрывали грязные разводы, на дне, сквозь темный песок, масляно поблескивала лужа технической жидкости. В стене, возле дуги ложементов управления, виднелось анатомическое кресло с хитрой системой ремней.

Оно было пустым.

Гарин отшатнулся, огляделся. С его позиции не было видно дыры в скале, но ему показалось, что оттуда в него уже целятся, играя пальцем на спусковом крючке. Выждав несколько секунд, нервно всматриваясь в песчаные рукава, носящиеся вокруг, Юрий заставил себя вернуться к капсуле. Нужно закончить начатое.

Спустя пару минут он понял, что не сможет выключить маяк вручную – тот находился возле кресла, и дотянуться до него не представлялось возможным. Единственное, что оставалось...

Движение песка у ног, слабое и неестественное.

Тяжелый ботинок опустился на что-то упругое, шевелящееся. Юрий так стремительно опустил автомат, что тот с глухим стуком уткнулся во что-то полупрозрачное, припорошенное оранжевыми песчинками.

Из под которых на Гарина смотрели затуманенные, но живые глаза.

Рхеец лежал на спине, забившись под капсулу. Его засыпало песком почти полностью, и он даже не предпринимал попыток вылезти наружу. Причина обнаружилась быстро – ему в бок вошел осколок обшивки, войдя глубоко под ребра. Ткань скафандра в месте пробоя затвердела, обволакивая изогнутый кусок стали и сохраняя герметичность, но сам костюм не был приспособлен к нахождению в атмосфере Лилии Восемь, не держал давление и, скорее всего, пропускал местную радиацию.

У рхейца не было оружия, он не был похож на солдата ни телосложением, ни амуницией. Скорее всего, специалист из obsługi сбитого фрегата.

Быстрый осмотр подтвердил предположение – полуживой противник был безоружен, одет в легкий скафандр, предназначенный для краткосрочных выходов в открытый космос, на голове у него был прозрачный пузырь-шлем из спасательного комплекта капсулы. На плече, на тонком оранжевом леере, болтался продолговатый маяк, мигающий алой лампой. Когда Юрий протянул ладонь, намереваясь раздавить или сорвать испускающий сигналы о помощи аппарат, рхеец слабо шевельнулся и безвольные, тонкие пальцы легли на запястье Гарина в тщетной попытке остановить. Но это был жест отчаяния – Гарин без труда довел задуманное до конца, стащив с леера маяк и раздавив его в кулаке.

Рхеец уронил руку и закрыл глаза.

Оставался еще маяк в самой капсуле, но Юрий рассчитывал справиться с этой проблемой посредством плазменной гранаты, все равно никто не услышит сквозь рокот и свист бури хлопок взрыва.

Он привычным движением снял с пояса граненую «банку» гранаты, положил большой палец на выступающий капсюль.

Перевел взгляд на неподвижную фигуру рхейца, зарастающую песчаным сугробом.

Судя по лицу, совсем молодой. Впрочем, в отношении Содружества с их пересадкой сознания этот факт вообще ничего не значил, в голове парня мог сидеть совсем другой человек, переживший собственное тело лет на сто. И, фактически, смерть для него была бы сущим избавлением, сознание просто переписишется в тело нового добровольца.

Юрий плохо понимал, как работает этот главный козырь Рхеи, позволяющий бесконечное число раз воскрешать своих павших воинов в новых телах, но, как ни странно, эта технология играла и на руку Империи. Она снимала с солдат моральную дилемму перед нажатием на спусковой крючок, позволяла не испытывать угрызения совести и прочие тяготы сомнений. Ведь легче убивать, когда нет никакого убийства. Все равно, что стрелять в управляемых тренировочным процессором синтов.

Это пока не выработается необходимая ненависть. Или равнодушие.

У Юрия не было ненависти к рхейцам. Ему нечего было защищать от чужого вторжения, кроме собственной памяти. Он сражался за Империю как за наследницу той Земли, с которой когда-то вылетел корабль поколений «Пилигрим-2», его малая Родина. Это было для него принципиально, но далеко от тех сильных чувств, которые можно было бы назвать ненавистью.

Равнодушным он тоже не успел стать, как не стремился. Он научился стрелять первым, бить без предупреждения и ломать под себя чужую волю. Но вот так, походя, убить беспо-

мощное существо, пусть и врага, до этого он пока еще не докатился. Возможно, скоро, но не сегодня.

– Акт милосердия, – с раздражением на себя вздохнул Юрий. – Глупый акт никому ненужного милосердия.

Он вернулся к капсуле, опустил на колено возле неподвижного тела. Несильно, но требовательно толкнул в плечо.

Веки дрогнули и рхеец открыл глаза. Юрию показалось, что он уловил во взгляде удивление.

– Ты будешь умирать долго, – через внешние динамики сказал Гарин, глядя в темные, совсем человеческие глаза. – Но все равно умрешь. На своих не надейся, им еще долго будет не до тебя.

Юрию было плевать, понимал его рхеец или нет. Скорее всего, понимал, на лингво говорили почти все расы в обитаемом космосе.

Гарин поднял обессиленную руку спеца Содружества, чтобы тот мог ее видеть, вложил в ладонь гранату. Сжал своими пальцами его пальцы. Когда отпустил, то граната осталась в кулаке раненого.

– Сам решишь, когда уйти, – сказал Юрий, вставая и пятясь назад. – Легкая смерть.

Рхеец опустил руку с гранатой на свою грудь, долго и странно смотрел вслед удаляющемуся контрактору.

Юрий оказался прав – звук взрыва остался незамечен, лишь вспышка за песчаной пеленой, яркая и быстрая.

Через пару километров модулятор радостно сообщил, что обнаружил пеленг сигнальной мачты рейтар. Гарин свернул по направлению луча и перешел на бег, оставляя за собой право никому не рассказывать о проявленной слабости.

* * *

Белоснежная санитарная «каракатица» с красным крестом на стреловидной спине легко преодолела силовой барьер и аккуратно положила на песок ящики, оставленные Гариным у капсулы. После чего, сложив широкие щупальца под животом, развернулась в воздухе и устремилась прочь, оставляя позади пыльный шлейф. Юрий проводил летающего робота взглядом, помог Глебовичу подключить очередной генератор. Через несколько минут над их головой раскрылся широкий силовой веер, потрескивая и вибрируя под порывами ветра.

Со стороны фронта раскатисто взревело, переросло в монотонный гул – звуки сражения тонули в плотном пологе бури. Там, на плато Рандеву, имперские десантники вгрызались в оборонительные укрепления рхейцев, выросшие вокруг громадного промышленного комплекса. Штурм проходил нервно, не по плану. Чертова буря глушила аппаратуру и влияла на электронные мозги роботов. Судя по сводкам, из-за непогоды некоторые челноки сели в стороне от заданных точек, с еще одним вовсе отсутствовала связь. Хорошо, хоть бойцы оперативного вмешательства сработали как надо, вовремя уничтожив системы противовоздушной обороны рхейцев.

На внутреннем экране шлема мигнула красным пиктограмма Ярвиса. Мигнула и тут же вновь залилась спокойным зеленым цветом, как и имена других членов группы. Со стороны позиции Рэнта запоздало долетел характерный лязгающий клекот рельсового пулемета. Следом ожил наушник, раздался смущенный голос контрактора:

– Отбой тревоги. Померещилось... Проклятый песок...

Ярвис и Одучи прикрывали периметр с разных сторон, оседлав вышки пулеметных турелей. Несмотря на то, что у них в распоряжении были довольно мощные сканеры местности,

рейтары то и дело открывали огонь по всему подозрительному, не полагаясь на показания техники. Юрий не возражал, лишь предостерег:

- Не сбейте наших «каракатиц». И не забывайте о докладах.
- Усек, – ответил Ярвис.
- Одучи услышал, – отозвался урсулит.

Пока Юрий и Тихомир завершали монтаж периметра, затягивая защитным полем последние пробелы в силовой полусфере, «каракатицы» несколько раз возвращались с передовой, бережно транспортируя раненых и мертвых десантников. Таковых было немного, но помимо лагеря лейтенанта Си Илата действовало еще два санитарных пункта, как дела обстояли там, Гарин не знал.

В какой-то момент забарахлила связь и Тихомир ушел ремонтировать антенну. Когда Гарин завершил свою работу, Глебович все еще пыхтел над раскрытым корпусом отрядного коммутатора. Во время спуска с орбиты тяжелый «монолит» устройства выскользнул из креплений и метался по капсуле, чудом не расплющив Тихомира.

- Что-то критичное? – осведомился Гарин.
- Погруженный в работу Глебович раздраженно замычал, ответил, словно выплюнул:
- Жить будет.

И добавил:

- Укатали сивку крутые горки.

Фразу Юрий не понял, но от товарища отстал. Тот и так хорошо потрудился – в тактическом режиме Гарин видел сеть сигнальных ловушек вокруг лагеря, напрямую связанную с замаскированными автоматическими турелями.

В наушнике щелкнуло, в уши ворвался напряженный шепот Одегарда:

- ...не слышу вас. Повторяю...
- Все хорошо, Рэй. Сбой связи, – успокоил товарища Гарин.
- Одегард беззлобно выругался по-норвежски, потом произнес уже на лингво:
- Тебе тоже постоянно отлить хочется?

Юрий давно ощутил эту особенность нахождения на планете с повышенной гравитацией. Мышечные усилители скафандра позволяли работать практически без ограничений, но весь остальной организм напоминал налитую каплю, стремящуюся к поверхности. И если с тягостным ощущением набитого песком живота еще можно было мириться, то постоянно требующий внимания мочевого пузыря действительно раздражал. Хвала инженерам, позаботившихся встроить в скафандр систему обслуживания естественной физиологии.

– Есть такое, – признался Юрий. – Возвращайся, мы поставили периметр. Все равно ты там из своей засады не видишь ничего.

И торопливо добавил:

- На ловушки Тихомира не попадись. Он их с твоей стороны густо накидал.

Рей утвердительно угукнул и отключился.

Юрий машинально посмотрел на часы, засекая время – норвежец должен появиться в лагере примерно через полчаса. Как раз хватит времени, чтобы еще раз обойти периметр и проверить, не забыли ли чего.

Но прежде он направился к шестигранному медицинскому боксу, возведенному «каракатицами» за пару минут из вороха надувных модулей. Перевесив автомат за спину, Юрий шагнул в один из шлюзовых рукавов, достаточно широкий, чтобы через него могли проходить роботы. Его на миг обволокло облако септика, маслянисто оседая тонкой пленкой на скафандре, с силой выстрелила направленная продувка. Минута ушла на выравнивание давления, потом с потолка мигнуло голубым, и разъехавшиеся двери наконец пропустили Гарина во внутренние покои.

Первое, что бросилось в глаза, это три полосатых вакуумных мешка с очертаниями человеческих тел внутри. Гарин уже давно привык к мертвецам, но вид черно-оранжевых коконов на белоснежном полу заставил его отвернуться. Пусть он и не боялся ликов смерти, но смотреть на еще недавно пышущие молодостью и силой тела, превратившиеся в куски холодного мяса, не хотел.

– Вы что-то хотели, рэй-сержант? – раздался деловой голос лейтенанта Си Илата.

Аджай стоял над одним из раненых, наблюдая через виртуальный планшет за работой наноботов, суесящихся на теле десантника. Доктор был без шлема, над черными с серебристыми звездочками глазами протянулась глубокая морщина.

– Охранный периметр завершен, место для шаттла готово, – Юрий разблокировал забрало и поднял тяжелое стекло, с облегчением вдохнув ионизированный воздух. – Контракторы на позициях.

– Это хорошо, – было непонятно, удовлетворен ли лейтенант докладом, или просто ответил дежурной фразой, погруженный в свои мысли.

На всякий случай Гарин спросил:

– Вам еще как-нибудь помочь?

Доктор быстрым движением тонкого пальца перелистнул на планшете страницу, широким шагом оказался у противоперегрузочной койки следующего раненого, у которого правую сторону тела покрывала противоожоговая пена. Запоздало обернувшись к Юрию, раздраженно переспросил:

– Что вы сказали?

– Ничего, – качнул головой Юрий. – Мне нужно обновить сводку.

Си-Илат, махнул рукой, мол, делай что хочешь, только не отвлекай.

Гарин пересек зал, вышел из санитарной зоны и остановился возле маленького подковообразного коммуникатора, висящего на стене. Устройство еще издали опознало его, раскрыв полупрозрачный служебный экран. Юрий выбрал строку с базой данных и взглядом приказал начать передачу данных на свой шлем.

Штатный коммутатор контракторов, с которым сейчас воевал Глебович, вполне справлялся со своими задачами: обеспечивал связь, координировал членов группы, анализировал поступающую с многочисленных датчиков периметра информацию и управлял автоматическими средствами обороны. Однако, при прочих достоинствах, минусов тоже хватало – коммутатор весил, словно набитый под завязку оружейный ящик, на дух не переносил любое вмешательство в свои протоколы, а также порой странно синхронизировался с более современными устройствами. Вот и сейчас, он быстро соединил лагерь рейтаров со штабом вторжения, но наотрез отказывался получать боевую сводку. Чтобы хоть как-то оставаться в курсе дел, Юрию приходилось периодически использовать коммутатор Си Илата.

Чаще всего, сводка представляла собой сухую подборку статистических данных, изредка попадались визуальные материалы. Юрий плохо разбирался в цифрах и графиках, из которых штабные офицеры формировали объемные аналитические полотна, но общий ход событий вполне читал между строк.

Автоматизированный завод на плато Рандеву напоминал настоящий город, утопленный в скалистую поверхность Лилии Восемь. Будь это любой другой объект, его бы просто разбомбили с орбиты, но завод имел стратегическое для Империи значение, а значит, артподготовка перед штурмом была минимальной.

Десантная группировка атаковала с трех направлений, планируя стремительным рывком расколоть оборону противника, проникнуть вглубь и уже там добить раздробленные отряды рхейцев. Незадолго до основных сил на завод прыгнули малые разведывательно-диверсионные группы, призванные сеять панику и подрывать позиции врага изнутри.

Несмотря на ряд сложностей, штурм все же начался довольно успешно. Десантники на своих приземистых броневиках сумели подобраться близко к плато Рандеву, под запоздалым орудийным огнем пронесли по похожей на ржавое блюдо равнине и прогрызли себе путь сквозь защитный периметр. Здесь имперцы понесли первые потери – две оставшиеся без роботов-саперов машины влетели в минное заграждение, десанникам пришлось эвакуироваться под перекрестным огнем крупнокалиберных пулеметов. Несмотря на это, в течение часа был захвачен первый плацдарм – широкое поле транспортной площадки с пирамидами полупустых складов.

Рхейцы довольно быстро пришли в себя, стряхнули вцепившийся в холку десант и отступили вглубь завода. Стремительный штурм превратился в сложный, вязкий «городской» бой, линия вторжения рассыпалась локальными очагами. Имперцам приходилось драться за каждую «улицу», выковыривая противника из коллекторов, боксов и генераторных. Рхейцы, как и положено «бессмертным», традиционно не поддавались панике, огрызались холодно и расчетливо.

Словно резюмируя затянувшуюся схватку, зашипели двери шлюза, всплыла белая «карактица», аккуратно прижимая к брюху закопченное тело в боевом скафандре.

– Приближается катер, – ожил модулятор. – Поступил запрос от пилота.

– Принял, – Юрий жестом закрыл меня коммутатора, быстрым шагом направился к выходу. – Пусть Глебович готовит площадку.

Десантный катер, похожий на вытянувшего вперед крылья грифа, быстро, но аккуратно заходил на посадку. Выкрашенный в сине-черный камуфляж, с коротким бортовым номером и эмблемой Имперских Космических сил, он еще недавно высаживал солдат для штурма, теперь готовился исполнять роль санитарного челнока, доставляя тех же самых бойцов на крейсер.

Катер гулко выстрелил из маневровых дюз, выравниваясь, под широкой кормой блеснули пустые полозья для крепления бронетранспортера. Предупреждающе замигали габаритные огни на крыльях, когда тяжелая машина опустилась на светящуюся бледно-синим площадку. Не успел осесть песок, а роботы уже разматывали гофрированный коридор от медблока до приемного люка катера.

– Движение с северо-запада, – озвучил информацию от сигнальной системы модулятор. – Одиночный объект с пометкой «свой», сигнатура Одегарда Рэйквона.

И тут же вспыхнула на лицевом экране шлема пиктограмма тревоги, с позиции Ярвиса донеслись короткие, скупые пулеметные очереди.

Гарин побежал в направлении периметра, безостановочно вызывая Рэнта. В эфире уже басил Одучи, жарко призывая показать, куда именно нужно стрелять.

– Рэнт! – рявкнул Юрий, огибая высокий, похожий на палец камень. – Там Рэй!

– Там не Рэй, – откликнулся Ярвис, но стрельбу прекратил.

– Там не Рэй, – вторил ему усталый голос Одегарда. – Рэй тут.

Норвежец сидел на земле, привалившись к песчаному брустверу периметра, с взведенным автоматом на коленях. Его левая нога от ботинка до колена была выкрашена чем-то синим.

Юрий опустился рядом с другом на колено, сделал стекло шлема прозрачным. Одегард слабо помахал ему раскрытой ладонью.

– В порядке? – спросил Гарин.

– В порядке.

Стрельба не повторялась, всплывшая схема обороны показала, что никто в ее сети не попался.

– Рэнт! – требовательно позвал подчиненного Юрий. – В кого ты стрелял? Опять показалось?

– Я четко видел кого-то, – голос здоровяка звучал виновато. – Или что-то... Вроде бы.

– Автоматика тоже сработала?

– Нет, не сработала, – удрученно ответил Ярвис.

– Системы отметили легкий всплеск помех, – сухо доложил со своего места Тихомир. – Возможно, электронное эхо от бури.

Юрий покачал головой. Вот как воевать в таких условиях?

– За мной, кажется, кто-то шел по пятам, – вдруг подал голос Одегард. – Несколько раз видел какие-то фигуры среди скал, но не смог рассмотреть, они быстро исчезали.

– Рхейцы?

– Не уверен. Фигуры какие-то странные были. Такие длинные, худые.

– Во-во, – оживился Ярвис. – Я по ним и стрелял.

– Но если не рхейцы, то кто? – спросил Одегард. – Планета необитаемая.

– Какие-нибудь новые синты Содружества? – предположил Рэнт.

– Давайте оставим догадки на потом, – поставил точку Юрий. – В округе действительно могут крутиться рхейские разведчики, потому держим ухо востро. Рэй, сменишь Тихомира на мониторах. Тихомир!

– На приеме.

– Техника без тебя не развалится?

– Нет.

– Он ее, поди, опять монтажной лентой обмотал, – вставил остроту Ярвис.

– Значит, Рэй – на мониторы, – повторил Юрий. – Там и дух переведешь. Тихомир, мы с тобой меняем Одучи и Рэнта.

– Одучи не устал, – сообщил урсулит.

– Меняемся на турелях каждые полтора часа, – пропустил реплику товарища Гарин. – Иначе глаза замылятся, начнет всякое мерещиться. Всем все ясно?

Контракторы нестройно ответили утвердительно, вопросов не возникло.

Началась привычная, местами даже рутинная работа. Придерживаясь графика, рейтары меняли друг друга на постах, не забывая перекидываться скупыми, беззлобными шутками. Когда наступала очередь Гарина дежурить в защищенной сфере пулеметной турели, он тщетно всматривался в бурю метель, силясь разглядеть странные фигуры, о которых говорили Рэнт и Ярвис. Он лишь раз почти что надавил на гашетку, когда ветер протащил мимо кусок серебряной тряпицы. Впрочем, он вполне понимал товарищей – причудливые танцы песка, взмывающего вверх, закручивающегося спиралями и разлетающиеся сплошным покрывалом замораживали, будоражили фантазию. В багровом полумраке действительно могло привидеться всякое.

Время шло. Улетали и прилетали «каракатицы», принося еще живых и уже мертвых сынов Империи. Трижды совершали рейды десантные катера, с каждым разом ожидание их возвращения становилось более продолжительным – крейсер пострадал в космическом сражении и ему пришлось отдалиться от Лилии Восемь.

Когда Юрий в очередной раз вошел в медблок обновить сводку, лейтенант Си Илат сидел в кресле, устало сложив худые руки на коленях. Услышав звук открывающегося шлюза, аджай порывался встать, но увидев Гарина, опустил обратно.

– Рэй-сержант? – с чуть заметным облегчением произнес офицер. – Это вы... Как обстановка?

– Все под контролем. Как у вас дела?

Лейтенант сделал легкое движение длинными пальцами, молча указывая на санитарную зону.

В санитарной зоне, внутри рекреационных пузырей, находилось двое раненых, один в реанимационном шлеме. Рядом валялись вскрытые скафандры, окровавленные, обгорелые. Соседние койки, сдутые до размеров полупрозрачных матрасов, чистили от остатков биологических материалов небольшие паукообразные боты-санитары.

А еще с прошлым катером вывезли все мешки с трупами, отчего сразу стало просторнее и менее напряженно.

– Известно, когда будет следующий челнок? – спросил Юрий.

– Пока сообщений не было, – Си Илат подался вперед одним плавным, нечеловеческим движением поднялся. – Думаю, не стоит ждать раньше, чем через три часа.

Он дежурным движением раскрыл планшет, сверился с показаниями, так же быстро и заученно свернул виртуальный экран. Вытащил из набедренной сумки пластиковую бутылку с энергетиком, засунул поилку в свой безгубый рот и сделал несколько глотков.

Гарин наблюдал за ним вполглаза, перебрасывая к себе очередную сводку.

– Вы знали, что единственный имперский десантник-аджай погиб при выгрузке оружейных ящиков? – вдруг спросил дистант.

– Нет, не знал.

– Такая глупая смерть. Единственный представитель целой расы, сдавший все экзамены и получивший выпел, стал жертвой ящика с реактивными ракетами.

Юрий бросил взгляд на Си Илата, тот стоял над одним из раненых, сложил гибкие руки за спиной.

– Смерть и есть смерть, – нехотя поддержал разговор Гарин. – Мертвецам уже все равно.

– Философски. Но разве пасть в бою ради высшей цели и стать жертвой слепого случая – это одно и то же?

Гарин смахнул последний файл, приказал модулятору сделать анализ информации и закрыл сервисный пульт коммутатора.

– Не одно и то же. Для живых, – он не торопясь пошел в направлении аджая. – Мертвецам все равно.

Лейтенант оглянулся.

– Вы странно рассуждаете для солдата, – Си Илат посмотрел в глаза Гарина. – Будь я штатным психологом, то отправил вас на курсы повышения мотивации.

– Вы не штатный психолог. И сами завели разговор про мертвецов.

И добавил, склонив голову на бок:

– И не забывайте. Я – контрактор. Моя мотивация отличается от солдатской.

Аджай моргнул, отчего серебристые звездочки в его глазах сбились в новый узор, отвернулся в сторону раненого десантника.

– Извините, если обидел, – сухо произнес он. – Заработался. Я иногда имею неосторожную привычку озвучивать вслух свои мысли. Издержки работы, поговорить-то особенно не с кем.

Юрий не считал себя задетым, но решил разрядить обстановку.

– У каждого свои странности, – с улыбкой произнес он. – Знавал я как-то другого корабельного доктора, кстати, тоже из ваших, из аджаев. Так он был буквально повернут на торговле органами. Если не предлагал купить, то просил что-нибудь продать. Многие из матросов его откровенно побаивались. Даже после обычных медосмотров просили товарищей осмотреть их на предмет наличия новых шрамов от лазерного скальпеля. А то вдруг док незаметно вырезал чего.

Уголки губ лейтенанта поползли вверх, растягиваясь в слабой улыбке.

– Seriously? Как звали этого замечательного эскулапа?

– Тэ Иревиа.

– Нет, не слышал... Мда, видимо мы, врачи-аджай, все немного не в себе.

На поясе лейтенанта коротко пискнуло, он раскрыл планшет и легкими движениями перекинул несколько хитрых иероглифов из одной таблицы в другую. Тело десантника в лечебном шлеме дернулось как от разряда тока, на плече, под кожей, загорелся сиреневый индикатор.

– Я тоже когда-то мечтал стать десантником, – не отвлекаясь от экрана произнес Си Илат. – Покорять миры, стрелять из автоматов и ракетометов, штурмовать неприступные базы. Забавно, верно? Аджай-штурмовик.

Он тихо рассмеялся себе под нос.

– Правда, что аджаи не приемлют аугментации? – спросил Юрий.

– Для нас это крайне болезненно и опасно, наши тела очень сопротивляются искусственным имплантатам, – лейтенант чуть кивнул. – Особенности физиологии. Но не поэтому из меня не вышло десантника, если вы об этом. Конечно, нам сложно тягаться в крепости тела с людьми или с теми же урсулитами, в открытом бою мы всегда будем в проигрыше.

Он свернул экран, пододвинул к себе стул и с явным наслаждением опустился в него.

– Но я не стал десантником по другой причине, – в руке Си Илата появилась полупустая бутылка с энергетиком. – Просто я трус. Я очень боюсь смерти.

– Но вы же доктор, – удивился Гарин.

– Нас манит то, что пугает, – виновато развел руками лейтенант. – В этом мы мало отличаемся от вас. Наверное, потому аджаи и люди такие хорошие союзники.

– Из-за отношения к смерти?

– Конечно. Мы все нуждаемся в веской причине чтобы умереть. Мы пестуем свой уход, фантазируем о нем. А в итоге нас убивает упавшим ящиком. Разве есть в этом справедливость?

Юрий посмотрел на пустое место возле шлюза, где раньше лежали мешки с телами погибших десантников. Разве справедливо, что они перестали существовать навсегда, а личности убитых ими солдат Содружества просто перенеслись в другие тела, чтобы продолжить жить?

– Мне бы не хотелось продолжать этот разговор, – честно признался Гарин. – У меня нет для вас ответов.

– Ничего, – всплеснул руками аджай. – И на том спасибо. Вы и так долго держались. Обычно солдаты не любят говорить о чем-то подобном, особенно во время боев. Считают дурным знаком. Еще раз извините, что нагрузил вас.

– Ерунда.

Шлюз зашипел, раскрылся. В помещение залетела сильно помятая «каракатица». Ее некогда белоснежный корпус был покрыт черно-синими разводами ожогов, сквозь рваные царапины просматривались элементы внутренней обшивки. В еще функционирующих манипуляторах робот сжимал, словно драгоценность, дымящееся тело в скафандре.

– Перерыв окончен, – Си Илат встряхнулся, словно сбрасывая усталость, раскрыл планшет. Боты-санитары уже разворачивали очередную койку-кокон.

Юрий не стал мешать. Молча нацепил шлем и вышел наружу.

* * *

Красная полупрозрачная клякса рывками двигалась по схематической карте, то появляясь, то пропадая. Вот она в очередной раз исчезла возле скальной гряды В-1288, но через пару секунд мелькнула у синего пятна метеоритного кратера.

– Танк или тяжелый вездеход, – уверенно заключил Глебович, разглядывая картинку с радара.

– Почему он мерцает? – указал на вновь пропавшую кляксу Юрий.

– Маскировка барахлит, – тоном, словно он мог знать это наверняка, сказал Тихомир.

Но секунду помолчав, добавил:

– Или наш радар плохой.

– Очень воодушевляет, – саркастически выдохнул Гарин. – Башни!

Рэнт и Одучи откликнулись одновременно.

– Будьте внимательны, – приказал им Юрий. – Со стороны Рандеву что-то приближается, возможно, техника рхейцев.

– Много? – спросил Ярвис.

– Вроде, одна единица.

– Одучи мял ее сестру, – бравурно заявил урсулит.

Гарин не отреагировал на шутку, сказал:

– Внимание на мониторы.

– Юра, – окликнул его Одегард. – На минуту.

Рэй шел со стороны медблока, положив руки на прицепленный к груди автомат. Его массивная фигура с головы до макушки была покрыта тонким налетом вездесущей бордовой пыли. Казалось, что она проникла даже через тройной слой внутренней обшивки и мерзко скрипела на зубах.

При мысли о том, сколько времени придется вычищать этот мелкий песок из сочленений и пазов, становилось не по себе.

– Юра, – Рэй перешел на личный канал, отключив от беседы остальных. – Си Илат сказал, что не может связаться с орбитальной группировкой.

– Проблемы со связью?

– Возможно.

– У нас тоже через раз работает, – Юрий указал на ящик коммутатора, возле которого Глебович пытался найти вновь пропавшую сигнатуру неизвестного вездехода. – Погода, радиация... Тихомир лучше объяснит.

– Лейтенант говорит, что связи не было с момента отлета последнего катера, – по голосу было件нятно, что Рэй пребывает в легкой растерянности. – И сводки последние странные.

– Странные? – напрягся Гарин. – Эй, как там тебя...

Он обращался к модулятору, который должен был проанализировать присланный из штаба пакет данных, но ответ электронного помощника потонул в возгласе Глебовича:

– Прорыв!

Песчаная завеса с северной стороны озарилась яркой вспышкой, запоздало долетел звук взрыва. Заклекотал пулемет Ярвиса, выпуская в темноту тяжелые магнитные заряды. Белыми шарами расцвели еще два взрыва, все ближе и ближе к лагерю. Сработали маркировочные пашки, разлетевшаяся флуоресцентная жидкость проявила в темноте нечто высокое, скособоенное, угловатое.

Тихомир оказался прав, это был бронированный вездеход Содружества. Ревущая и грохочущая машина стремительно теряла скорость, продираясь сквозь минные заграждения. Слепленная вспышками, с двумя рваными пробоинами в корпусе, она запоздало попыталась свернуть в сторону, но хрипло лающие автоматические пулеметы в ключья разорвали большие дутые колеса.

Когда под корпусом разорвалась очередная мина, вездеход раненым слоном осел на землю, заваливаясь на бок. С хлопком распахнулись люки, в сизом облаке дыма наружу полезли люди в военных скафандрах. Их тут же окружили взлетевшие сигнальные дроны, настырно высвечивающие мечущиеся фигуры. Взлетели и тут же осыпались мертвыми жучками – кто-то из рхейцев активировал направленный электромагнитный импульс. Злой малиновый плевок плазмы по дуге пересек поле и упал в нескольких метрах от Гарина с Одегардом, прожигая силовое поле периметра и выплавляя в песке стеклянный кратер.

Автомат в руках Юрия оправдывал свое неформальное название, «свистел» тонко и зло, выплевывая с потрясающей скоростью похожие на шипы пули. Перед глазами метался маркер активного прицела, вычленяя цели среди вспышек, свечений и песчаной пелены. Оставалось лишь поддеть красный кружок мушкой, чтобы зафиксировать стрельбу на ком-то конкретном.

Но, несмотря на то, что солдаты Содружества оказались под перекрестным огнем, быстро умирать они не спешили. Их броня неплохо держала обычные пули, а среди навесного оборудования скафандров нашлись и противогранатные ловушки, и легкие ракетные установки. Те из рхейцев, кого не настигли заряды рельсовых пулеметов, кого не разорвало минами, смогли перегруппироваться за корпусом вездехода и, огрызаясь из всех стволов, попытались отступить.

Гарину не улыбалась перспектива обзавестись мстительными соседями, поэтому он подхватил автомат и побежал вдоль поля боя, приказав Рэю и Тихомиру двигаться следом.

– Ярвис! – крикнул Юрий на бегу. – Не дай им выбраться с твоей стороны.

– У меня коробка на исходе, осталась сотня! Придется перезаряжаться!

– Тогда клади реже, но точнее. Мы попробуем зайти к ним в тыл.

– Одучи может достать! – азартно проревел урсулит.

Гарин представил, как мохнатый контрактор палит через весь лагерь по далеким целям, ответил:

– Одучи, мы будем с ними на одной траектории. Огонь открывай, если они прямо на лагерь попрут, не раньше.

– Одучи меткий.

– Этого и боюсь, можешь прямо по нам приложить.

Они выскочили из-под защитного купола, нарвавшись на сильный порыв ветра, и, утопая в песке, заторопились вниз по склону. Модулятор непрерывно информировал Юрия о расстоянии до противника, отмечал на полупрозрачной карте, висящей перед глазами, оптимальный путь обходного маневра.

– Полста до смены, – тревожно оповестил Рэнт.

– Мы почти на месте.

Сейчас тяга Тихомира к хитроумным оборонным схемам играла против контракторов – в тактическом режиме местность под ногами пестрила триггерами ловушек и зонами поражения мин. Хорошо еще, что система распознавания «свой-чужой» не давала сбоев, иначе Юрий и компания повторили бы участь рхейцев.

Они успели как раз к тому моменту, как у Ярвиса закончились боеприпасы в пулемете и он взялся за автомат. Товарищу редкими выстрелами аккомпанировал урсулит, прошивая тяжелыми зарядами и без того разбитый вездеход.

Бойцы Содружества оказались примерно там, где и предполагал Юрий – почти на краю минного пояса, готовые вот-вот скрыться в скалах. Гарин насчитал пятерых солдат, потом заметил еще двоих, лежащих ближе к периметру и прикрывающих отход остальных. Неподалеку скреб песок манипуляторами сбитый санитарный робот.

Незамеченными контракторы рассыпались за черными валунами, заняли позиции. Гарин дал приказ атаковать.

В рхейцев полетели подствольные гранаты, разделяясь в воздухе на несколько боеголов. Засвистели, разгоняясь старенькие УМАСы, легко вибрируя в руках. Поднявшись на колено, Тихомир выстрелил из ручного ракетомета.

У них получилось застать врага врасплох. Солдаты потонули в серии взрывов, в стороны полетели части обмундирования и брони. Из пылевого облака вырвался рхеец с разбитым шлемом, из которого ледяными кристаллами вылетал кислород. Он успел пройти два неуверенных шага, потом его срезала очередь Одегарда. Запоздало защелкали автоматы выживших, но нецельно и истерично.

– Уходит, сволочь! – рывкнул Рэй, указывая рукой на пригнувшуюся фигуру, зигзагами несущуюся прочь.

– Мой, – определил Юрий, вскакивая. – Займитесь оставшимися!

Рхеец бежал так, словно не был в громоздком скафандре, словно на него не действовало притяжение планеты. Его широкая спина мелькала впереди, ныряя в песчаные рукава метели. Гарин сделал несколько выстрелов вдогонку, но рхеец лишь запнулся, и припустил пуще прежнего.

В какой-то момент наперерез бегущим людям взвился багровый песчаный полог, подгоняемый сильным ветром, и Юрий потерял солдата Содружества из виду. Гарин сделал по инерции еще несколько шагов, поводя автоматом из стороны в сторону. Остановился, пытаясь разглядеть среди скользящей поземки следы, переключил режимы на визоре. Тщетно, рхеец словно под землю провалился.

Где-то в глубинах сознания, где еще осталась частица того, старого Гарина, защитника и разведчика, мелькнуло чуть заметное облегчение. Юрий не испытывал ненависти к пытающемуся убежать солдату, не горел желанием убивать.

Только понимал, он и то, что даже один отчаявшийся враг может наломать дров. Особенно, если ему нечего терять. А значит, его нужно найти и уничтожить. Без вариантов.

Он снова, как ищейка, принялся кружить по местности, вглядываясь в неутихающую свистопляску песка вокруг. Дал модулятору указание фиксировать маршрут движения – не хватало еще заблудиться в километре от лагеря. Почему-то вспомнил свой «голем» – человекоподобный боевой костюм, громадный и до зубов вооруженный, на котором воевал в свою бытность на «Полыни». Его импульсные двигатели и прыгучесть сейчас бы ой как пригодились.

След он обнаружил случайно, наступив на присыпанный обрывок ремня от снаряжения. Разглядел исчезающие лунки от ног, пошел по ним, прижав автомат к плечу.

В наушнике прошелестели помехи, разбавленные обрывками слов. Юрий узнал голос Глебовича. Ответил напряженно:

– Все в порядке. Преследую.

В ответ получил еще один поток треска и щелчков.

– На всех частотах «белый шум», – сообщил модулятор. – Продолжать поиск сигнала?

– Пока не надо, мешает. Просто включи маяк в дежурный режим.

– Готов анализ штабной сводки. Имеются сведения значительной важности.

– Не сейчас!

Один из песчаных рукавов опустился к земле, и Юрий увидел рхейца. Тот стоял спиной, с мощным армейским пистолетом в опущенной руке. В его позе, в чуть согнутых в коленях ногах, руке с оружием на отлете от тела, читались настороженность и страх. Гарин сначала не понял в чем причина такого поведения, разглядывая спину противника через прицел. Потом понял и сам замер, не веря своим глазам.

Рхеец был не один. В нескольких шагах от него стоял человек с распростертыми в стороны руками. Его было сложно рассмотреть, фигура будто ускользала от прямого взгляда. Но даже так, по контуру тела, Юрий не заметил на незнакомце каких-либо признаков скафандра. В замешательстве, он дернул автоматом, переводя на странную фигуру виртуальный прицел.

И обомлел, когда в оптическом окошке разглядел лицо Боба Хьюза.

Рхеец словно очнулся от оцепенения, попятился. Потом каким-то шестым чувством ощутил за спиной Гарина, резко обернулся. Призрачно засветились три ряда сенсорных «глаз» на шлеме, короткий миг оценивая контрактора. Что-то проскрипели внешние динамики, рхеец дернул рукой с пистолетом.

Юрий был быстрее, он открыл огонь чуть раньше, чем солдат Содружества приставил пистолет к своему шлему. Уже опрокидываясь на спину, рхеец все же нажал спусковой крючок, прострелив себе голову.

Боб Хьюз, или кто бы то ни был, неожиданно дернулся и взмыл вверх, словно его рванули невидимые нити. В вышине, за буревым занавесом, тяжело задвигалось что-то темное и громадное.

Гарин бежал так, как не бегал уже давно. Он то и дело бросал взгляд на всплывающий экранчик, транслирующий ландшафт за спиной, но периодически, словно сам себе не веря, оглядывался, постукивая пальцем по спусковому крючку автомата.

За ним никто не гнался, не шевелились чернотой небеса. Но Юрий был уверен, что ему не привиделось. И он не желал останавливаться, не желал, чтобы нечто, принявшее облик Боба Хьюза, неожиданно потянулось к нему.

Потому что подобное он уже видел. Видел странные фигуры и живую черноту, глотающую звезды.

Видел возле Горизонта, когда дрался с пиратами. Видел в стеклянных глазах существа с «Каукета», когда тот шагал по технической палубе «Полыни».

Видит в кошмарах, от которых задыхается во сне.

Поэтому Гарин бежал, прижимая к груди оружие и поминутно оглядываясь. Бежал без паники, не теряя рассудок, а как учили в Школе разведчиков на пропавшем среди звезд Ковчеге: размеренно и легко, насколько это позволял боевой скафандр.

Но все же, сердце колотилось значительно чаще и сбивчивее, чем обычно. Юрий старался не придавать этому значения, ничего поделаться со своими эмоциями он пока все равно не мог.

– Есть сигнал базового коммутатора, – сообщил модулятор.

– Включай, – выдохнул Гарин, наблюдая за своим передвижением по виртуальной карте.

Шлем тут же наполнился легким статическим шумом, сквозь который раздался четкий и тревожный голос Рэя.

– Юрий, ответь. Если не можешь, усиль пеленг. Юрий, Юрий, ответь...

– Слышу, Рэй. Почти добрался до лагеря.

– Наконец-то! – облегченно воскликнул норвежец. – Мы уже тебя искать собрались. Все в порядке?

– В порядке. У нас все живы?

– Все. У тебя точно все в порядке? – должно быть, Одегард почувствовал что-то в голосе командира.

– Скоро буду, – Юрий не хотел вдаваться в объяснения на ходу, тем более что вышел на финишную прямую.

– Я понял, – не стал настаивать Одегард, хорошо зная характер Гарина. – Ждем. У нас тут тоже есть что рассказать.

К лагерю Юрий вышел со стороны разбитого вездехода Содружества. Машину уже прилично засыпало песком, но еще можно было разглядеть конструкцию и характерные особенности, отличающие гражданский транспорт от армейского. Этот вездеход не был боевой машиной, обычный всепланетный «мул», адаптированный под условия Лилии Восемь. Скорее всего те рхейцы, так неудачно влетевшие в оборонительную систему лагеря, обычные дезертиры, покинувшие позиции на плато Рандеву.

Только теперь Гарин не был уверен, что причиной такого панического бегства был только лишь десант Империи.

Под молчаливое сопровождение автоматических пулеметов он дошел до периметра, с неудовольствием заметив, что на турели никого нет. Перешагнул направляющие силового поля.

Контракторы столпились возле коммутатора, словно голодные возле синтезатора пищи. Возле пустых оружейных ящиков лежала санитарная «каракатица», на которую кто-то накинул петлю из автоматного ремня. На песке виднелись незнакомые следы двупалых ног.

– В чем дело? – громко спросил Юрий, приближаясь к подчиненным. – Кто снял посты?

Контракторы обернулись. Массивный Одучи сделал шаг в сторону, открывая вид на коммутатор.

Над которым стоял человек в черном облегающем скафандре и что-то настраивал на виртуальной панели.

Тактик-оператор!

Рядом покорно стоял Глебович, не противясь чужому вмешательству в свою вотчину.

Тактик-оператор в толпе контракторов походил на дорогой снайперский патрон, затесавшийся в коробку к стандартным пулеметным боеприпасам. Его черная броня, безусловно, обладала активной маскировкой, а тонкое, изящное оружие за спиной должно было стоить как отряд контракторов вместе взятых. Но все же, он один, вдали от поля боя, со следами армейского герметика на плече и шее, с вмятинами на груди и шлеме – этот элитный солдат не походил на празднующего победителя.

– Особые условия, Юра, – Одегард встретил подходящего Гарина. – Наша группировка разбита.

– Что значит «разбита»? – не понял Юрий.

– Ну... Разбита, – Рэй развел руками. – Уничтожена.

– Я предлагал прослушать соответствующий анализ, – напомнил модулятор.

– Рэй-сержант, – раздался на внутренней частоте спокойный мужской голос. – Необходимо срочная перегруппировка сил. Пройдите на инструктаж к лейтенанту Си Илату. О готовности работать доложите после.

Это говорил тактик-оператор, хотя ни телом, ни движением головы он себя никак не выдавал, все также колдуя над коммутатором. Он, безусловно, был старше по званию, чем Гарин. Даже, скорее всего, старше лейтенанта-аджая. Что при прочих условиях не стало бы для Гарина препятствием, чтобы послать этого спеца куда подальше со всеми его указаниями – в рамках задания контракторы подчинялись исключительно штабу и Си Илату.

Однако, сейчас было не время мериться полномочиями. Если все то, что Юрий услышал и уже успел себе домыслить – правда, то профессиональный военный уровня тактик-оператора сможет лучше справиться с ситуацией, чем контракторы или офицер-медик.

Впрочем, полностью доверять незнакомцу Гарин не собирался.

– Хорошо, я понял, – ответил он.

Махнул рукой Одегарду, переключившись на личный канал:

– Рэй, пройдемся. Доложи по ситуации.

Норвежец хлопнул себя по плечу, поправляя съехавший наплечник, зашагал рядом с командиром.

– Ну, ты убежал за этим... Догнал, к слову?

– Догнал. Продолжай.

– Мы как раз тут заканчивали. Хотели одного в плен взять, но он на гранату лег. Рэнт предложил вездеход оттащить, чтобы сектор не перекрывал, а тут Тихомир крикнул, что одна из «каракатиц» с сильным перегрузом идет.

Юрий вспомнил санитарного робота с ременной петлей.

– На ней этот приехал? – кивнул головой в сторону коммутатора.

– Эти, – уточнил Рэй. – Десантник и двое спецов.

– Втроем? – удивился Гарин.

– «Каракатица» десантника тащила, один спец верхом сидел, второй рядом бежал.

– Как бежал?

– Ну, так. За ремень держался и бежал.

Гарин хмыкнул, впрочем, без особенного удивления. Думается, что при желании эти тактик-операторы могли каждый бежать с «каракатицами» на руках. Им, прыгающим с орбиты в одних скафандрах, такое, думается, вполне под силу.

– Ясно, – они остановились перед шлюзом медблока. – Они прибыли, и что дальше?

– Парень, десантник, без сознания был, в «плаценту» завернут. Один тактик с ним пошел, заодно с нашим лейтенантом поговорить. А второй, – Рэй махнул себе за спину. – Сам видишь, пытается через наш коммутатор с главным связаться.

Норвежец помолчал, наклонился к Гарину, их шлемы почти соприкоснулись.

– Юра, как так может быть, чтобы вся группировка разом погибла?

– Я еще не слушал сводку, – напомнил Гарин. – Откуда у вас вообще эта информация?

– От этих, – Рэй повторил свой жест, указав на тактик-оператора. – Они только внутрь периметра въехали, как уже стали про экстренную эвакуацию говорить. А какая тут эвакуация, если связи нет ни с кем?

– Ладно, разберемся, – Юрий положил руку на замок шлюза. – Я сейчас все выясню, а ты выстави народ на турели. Никого к лагерю не подпускайте, ясно?

– Вообще никого? Даже своих.

– Никого, – Юрий не знал, как объяснить другу парой фраз то, что он увидел среди песков. – Я выйду, разберемся, кто там свой, а кто нет.

Рэй нервно кашлянул, но согласно поднял большой палец вверх и удалился, вызывая товарищей.

Гарин перевел оружие в походное состояние и вошел в шлюз медблока. Пока система проводила дезинфекцию, приказал модулятору Вигару доложить краткую выжимку из последней штабной сводки.

– Группировка атакована третьей силой, – отчеканил голос в голове. – Невосполнимые потери. На флагман отправлен запрос об эвакуации.

– Информация о третьей силе есть?

– Информация отсутствует.

Дезинфекция закончилась, начало выравниваться давление.

– Ты можешь сделать анализ видеообраза, полученного около часа назад? – у Гарина появилась идея.

– Возможно конкретнее?

– Мы встретили в песках... нечто, похожее на Боба Хьюза. Когда преследовали рхейца. Ты ведь вел запись?

– Вел согласно протоколу. Однако идентификацию провести не могу, слишком мало исходных данных.

– Но ты тоже его видел?

– Ну, как бы у меня глаз нет...

– Ты понял, о чем я!

– Основываясь на зрительных импульсах, полученных мной из вашего мозга, могу предположить, что я что-то «видел». Что-то бесформенное, не имеющее тепловых или иных биологических показателей. И, как уже говорил, исходя из этого никаких выводов сделать не могу. Если хотите, могу включить анализ данных по схеме «угадай на что еще похоже это пятно».

– Я понял, – мысленно отмахнулся Юрий. – Собирай информацию дальше.

Прямо на выходе из шлюза валялся десантный рюкзак с разломанными креплениями. Чуть дальше, на полу, лежал шлем с погасшими внутренними экранами. Еще дальше – скрюченная, словнодохлый паук, перчатка от скафандра.

– Рэй-сержант, – окликнул Юрия Си Илат. – Проходите к нам.

Лейтенант, сгорбившись, сидел на высоком передвижном стуле, задумчиво постукивая пальцем по корпусу походного биосканера с закрытым колпаком. Рядом, на полу между коробками из-под медицинской аппаратуры и пластиковым «бочонком» воздухогенератора, поджав к груди ноги и вцепившись в штурмовую винтовку, сидел молодой десантник. Юрий с трудом узнал в нем задиру с «Гроха» – осунувшееся лицо, потухшие, смотрящие в пустоту глаза.

Подойдя ближе, Гарин увидел внутри биосканера обнаженного по пояс тактик-оператора, над которым порхали «мухи»-диагносты.

За время своей новой жизни за пределами «Пилигрима» Юрий успел достаточно насмотреться на различные виды аугментаций. Далеко ходить не приходилось, тот же Ярвис, с его разноцветными протезами и выставленными напоказ имплантатами больше напоминал робота-синтетика, чем человека.

Повидал Гарин и генетически измененных людей, комбинантов, выращенных под чутким оком медицинских инженеров. То были либо дети колонистов с планет, на которых царили экстремальные условия жизни, либо специалисты, чья деятельность напрямую зависела от скорости реакции и способности оперировать массивами данных.

Юрию редко встречались аугментированные комбинанты. Все же, человеческий организм имел свои границы дозволенных изменений, попытка обойти их могла закончиться плачевно.

В случае с тактик-операторами, судя по всему, некоторые правила все же удалось обойти. Элитный солдат, лежащий под прозрачным колпаком сканера, казался собранным из разных модулей, плотно прилегающих друг к другу. На грудных мышцах, на кубиках пресса, на ребрах и мышцах рук – на всем были нанесены короткие номера, всюду имелись точки гнезд для заправки обновлений. Эдакая персонифицированная фраза «Собственность вооруженных сил Империи». Особое впечатление производили лицо и голова – удлиненный к затылку череп, гладкая поверхность на месте глаз, крупные скулы, маленький нос, тяжелая челюсть и мембранные наросты вместо ушей.

Юрий невольно сжал челюсти. Тактик-оператор напомнил ему мьюта, одно из чудовищ, с которыми ему приходилось драться на «Пилигриме». Чудовище, рожденное для одной цели – убивать.

- Прибыл на инструктаж, – сухо отрапортовал Гарин, ни к кому конкретно не обращаясь.
- Секунду, – аджай поднял вверх тонкий палец, призывая к терпению.

Он смахнул ладонью ряд таблиц и графиков над биосканером, распрямился и жестом убрал колпак. Сказал поднявшему голову солдату:

- С вами все в порядке. Ни вирусов, ни нанитов, ни следов вмешательства в прошивку.
- Спасибо, доктор. Это необходимо было проверить.

Голос военного чуть троился, словно звук исходил не только изо рта, но и сквозь ребристые имплантаты на шее.

– Рей-сержант, – слепое лицо тактик-оператора безошибочно повернулось в сторону Гарина. – У вас отсутствует модуль ментальной связи? Не могу найти сеть.

- У меня нет инбы, – Юрий указал себе на затылок. – Медицинский модулятор.
- Принял. Я – майор Мельников.

Тактик-оператор легким движением выбрался из биосканера, принялся одеваться, набрасывая на тело полоски черной ткани, которые тут же расплзались, превращаясь в единое полотно, твердея в нужных местах и принимая необходимую форму. Майор то и дело прикладывал к груди и бокам плоские коробочки, которые тут же поглощались тканью, превращаясь во встроенные карманы. Не прошло и нескольких минут, как Мельников оказался в плотном комбинезоне, на который осталось нацепить элементы скафандра.

- Включайте форсированную реанимацию бойцов, лейтенант, – командовал он.

И прежде, чем Си Илат попробовал возразить, майор обратился к Юрию:

– Рэй-сержант, максимально усильте оборону лагеря. Огонь открывайте по всему, что приблизится на дистанцию выстрела.

– Будем ждать эвакуацию? – спросил Гарин, глядя на то, как военврач нерешительно топчется возле спящих в «коконах» десантников.

– Будем ждать, – Мельников на мгновение замолчал, будто слушая внутренний голос. – Вопросы имеются?

– Что конкретно случилось на плато Рандеву?

– Господин майор, экспресс-активация может повредить раненым, – наконец не выдержал Си Илат, так и не отдавший команду системе на «оживление» пациентов. – У ефрейтора повреждение тканей мозга.

– Он сможет функционировать?

– Если переключить ряд функций на инбу, то сможет, – доктор покачал головой. – Но малейшее замыкание может его убить.

– Реанимируйте, – настоял Мельников. – Если придется уходить быстро, то другой возможности не будет.

Дистант недовольно прошипел сквозь губы, с излишней резкостью швырнул перед собой виртуальный пульт и принялся за работу. Ожилились боты-санитары, выползая из своих гнезд.

– Что случилось на плато, майор? – повторил свой вопрос Юрий.

– Мне нужен доступ к твоему модулятору, – Мельников сделал к нему шаг. – Важно сохранить полученные сведения на случай, если я или мой товарищ не спасутся. Важно сохранить и передать в штаб.

Гарин недоверчиво отшатнулся.

– Ты хотел знать, что произошло? – сделал еще шаг майор и его голос стал ниже. – Ты все увидишь сам.

И добавил.

– Это приказ, рейтар.

Он мог это не говорить, Юрий и так понимал, что офицер прав. К тому же, его съедало любопытство, настырное и нервное.

Он опасался увидеть то, о чем подозревал. Опасался и хотел.

Гарин запустил руку за жесткий воротник скафандра, намереваясь отцепить модулятор, но Мельников качнул головой.

– Не нужно.

И положил Юрию на затылок ладонь, сухую и горячую.

– Запрос прямого доступа, – тревожно встрепенулся Вигар.

– Разрешаю, – беззвучно прошептал Юрий.

В ушах зазвенело, пропало чувство реальности, а перед мысленным взором развернулись яркие картинки. Теперь Гарин смотрел на мир глазами майора.

Бой шел в большом карьере, под высоким армированным куполом. Мелькали стены, высокий потолок с толстыми стропилами, переплетение спрятанных в серую обмотку труб. Взрывы коверкали застывшую строительную технику, распухающие пузыри вакуумных гранат выворачивали наизнанку защитную решетку ограждений, закручивались спиралями длинные языки оборванных конвейерных лент.

Среди всего этого хаоса кружил Мельников, стремительный и смертоносный. Его электронный взгляд вырывал из дыма и пыли прячущихся рхейцев, за доли секунды просчитывал маршруты и траектории. Нечеловеческие рефлексы помогали тактик-оператору избегать смерти с кажущейся легкостью, словно замедляя само время. Вот Мельников играючи ушел от длинного плевка плазмы, ворвался на вражеские позиции, расстреливая мечущиеся фигуры. Вот вместе с напарником разнес пулеметные точки, подавляющие наступающих десантников.

В сравнении с контракторами, тактик-операторы казались настоящими сверхлюдьми. На них будто не действовали сила тяжести и вязкая атмосфера Лилии Восемь, они словно предугадывали все действия врага и были просто неуязвимы в бою. Но Гарин понимал – все это результат изнуряющей подготовки и колоссальный боевой опыт. Тот же Мельников и ему подобные также страдали от чудовищных перегрузок, их могло сразить шальной пулей или разорвать

щупальца боевых «кальмаров». Да слишком дорогим инструментом они являлись, слишком штучным, не то, что обычное «пушечное мясо».

Поэтому в мясорубке боя десятками перемалывало обычных десантников. За сменой картинок, такой быстрой, что становилось дурно, Гарин успел разглядеть ревушие и плюющие огнем имперские бронетранспортеры с рваными дырами в бортах, безликие фигуры десантников в одинаковых пятнистых скафандрах, сражающиеся среди камней, среди искореженной заводской техники и среди изувеченных мертвецов. И как бы Мельников не старался, он не мог поспеть всюду.

Серую, размытую запятую, упавшую сверху, Юрий заметил сразу, в отличие от майора, который словно игнорировал поднимающуюся с земли человекоподобную фигуру. Он припал к стене, охлаждая оружие, прямо сквозь стену просканировал местность. Выскочил на открытую местность, готовый стрелять.

И словно споткнулся, торопливо фиксируя увиденное.

Повсюду были полупрозрачные фигуры разных форм и размеров, их было много и они нападали на всех без разбора. Солдат раздирали словно игрушечных, некоторых будто стирали из реальности, смахивая за раз по куску. Откуда-то из низких туч высывались гибкие жгуты, хватали ничего не понимающих бойцов и утаскивали вверх.

Враждующие стороны не сразу сообразили что происходит. Когда сообразили, было уже поздно. Они попытались дать отпор, но электронные мозги автоматов почему-то не различали призрачные силуэты, а «умные» системы наведения не помечали серых чудовищ разноцветными маркерами. Кто-то пытался стрелять по старинке «на глазок», но это уже мало помогало.

Через несколько минут, когда чудом выживший Мельников вылез из-под груды мертвецов, таща за собой истерично орущего десантника, со всеми остальными было покончено.

После короткого плутания по опустевшим цехам завода, они повстречали еще одного тактик-оператора. Поймали растерянно блуждающую среди трупов «каракатицу», впихнули в манипуляторы потерявшего чувство десантника и помчались прочь.

Дальнейшее Гарин знал.

Он потряс головой, загоня чужое воспоминание в архив, нервно провел рукой по ершику волос.

– Мне сложно взять в толк, – размышлял тем временем Си Илат, раскрывая один из рекреационных пузырей, в котором дроиды запаивали рану на груди бесчувственного солдата. – Если планета признана необитаемой, то откуда здесь такое... явление? Или это новое оружие Содружества? Но рхейцы тоже погибли.

– Аномалия, – уверенно заявил майор. – Агрессивная криптоорганика.

– Вы считаете, что это незарегистрированная колония местной мошкеры? – лейтенант даже не повернулся, но саркастическое удивление хорошо слышалось в голосе. – Бросьте, майор. Здесь много лет работал завод, ничего подобного не замечалось.

– Аномалия, – повторил Мельников, словно это слово все объясняло. – Забота ученых, не моя. Мне важнее организовать связь с крейсером и донести информацию до командования.

– Я видел одну из этих..., – Юрий все еще не определился с наименованием. – Пару часов назад, недалеко от лагеря. Оно выглядело как человек.

Аджай разогнулся, словно ветка, уставился на Гарина. Перевел взгляд на тактик-оператора.

– Форсируйте реабилитацию, – жестко указал ему Мельников. – Судя по всему, у нас мало времени.

Он повернул голову к Юрию:

– Рэй-сержант, если со мной что-то случится, прошу вас доставить переданный нейро-файл в штаб. Думаю, не нужно говорить, что случится, если вы захотите предать его публичной огласке?

– Не нужно меня пугать, господин майор, – спокойно ответил Гарин. – Только вы действительно думаете, что эта информация настолько уникальна? Что подобное происходит только на Лилии Восемь?

– Сейчас не до ваших версий, – отрезал Мельников, поводя плечами. – Вы меня услышали, рэй-сержант. А теперь прошу вас вернуться к своим людям и попытаться обеспечить максимальную безопасность лагеря.

– Это не версия, майор. Я боюсь, что уже сталкивался с подобным явлением, – не двинулся с места Юрий. – Если я прав, то от нашей обороны будет мало проку, лучше всего убраться отсюда подальше.

– Чтобы убраться, нужна связь, – заметил Си Илат.

– Я имею в виду, убраться с этого места, – Юрий ткнул пальцем себе под ноги. – Тогда, возможно, у нас появится шанс выжить и связаться с крейсером. Если конечно, есть еще с кем связываться.

– О чем именно вы говорите, рэй-сержант? – громким голосом майор привлек к себе внимание. – Откуда подобные выводы?

– Я видел гибель «Глизе-33» возле Горизонта.

По каменному лицу тактик-оператора было сложно что-либо определить, но всплывшие вдруг желваки дали понять, что тот в курсе дел.

– Что случилось с «Глизе-33»? – напряженно спросил военврач.

Прежде, чем Юрий ответил, Мельников сделал шаг вперед:

– Ни я, ни вы не знаем, связан ли как-то тот инцидент с нашей ситуацией, – с нажимом сказал он. – Поэтому я требую соблюдать озвученный мной протокол, усилить охрану лагеря и ждать дальнейших распоряжений. Все решится в ближайший час. Если не удастся наладить связь с «Грохом», то будем искать иной выход из ситуации.

– Сигнальные костры являются хорошим средством коммуникации с отдаленными объектами, – прошелестел в голове Юрия модулятор.

Гарин велел ему заткнуться и пошел к шлюзу, на ходу нахлобучивая шлем.

На Лилию Восемь окончательно опустилась ночь. Темнота словно придавила бурю, ветер ослаб, и вместо непроглядной песчаной пелены в воздухе кружилась призрачная взвесь. Напрягшись, Юрий смог разглядеть темную башню пулеметной турели по ту сторону силового купола.

Контракторов видно не было, кроме Тихомира, застывшего рядом с тумбой коммуникатора. Там же возился и второй тактик-оператор, привалившись бедром к тяжелому аппарату.

Гарин глотнул из поилки энергетик с лимонным привкусом, прополоскал рот. Включил тактическую карту и нашел сигнатуры остальных рейтаров – Рэй и Ярвис сидели на пулеметах, Одучи находился в «яме отдыха», как ее назвал Одегард.

– Рэй-сержант, – раздался в наушниках голос тактик-оператора. – Подойдите ко мне.

От обилия начальников Гарин начал тихо закипать, но все же подчинился.

– Меня зовут капитан До Ганг. Ваш подчиненный, – короткий кивок в сторону Тихомира. – Показал мне систему безопасности. Однако я бы хотел, чтобы вы и ваши люди больше полагались на свои глаза, а не на показания автоматики.

– Сложности с идентификацией? – Юрий надеялся, что капитан поймет о чем он.

Тот понял.

– Тепловизоры и датчики излучений эту аномалию не видят. Активные прицелы срабатывают, но через раз. Мне помог режим очистки визуальных шумов, стали заметны контуры. В ваших скафандрах должна быть такая функция.

– Такая функция есть, – Юрий машинально проверил инструментарий визора. – Но разве никто не видел четких фигур?

– Что вы имеете в виду?

– Фигуры людей, например. Или других существ.

Короткое молчание капитана казалось недоуменным.

– Нет, только размытые образы.

– Я понял. Связь удалось наладить?

– Пока нет. Если будет что-то важное, рэй-сержант, я сообщу.

Гарин прочистил горло, развернулся на каблуках, и быстрым шагом пошел к импровизированному блиндажу. По внутренней связи вызвал Глебовича.

– Да, командир, – ответил контрактор.

– У него получилось связаться хоть с кем-нибудь на орбите?

Глебович понял о ком идет речь, ответил коротко:

– Нет. Космос молчит.

– Помехи?

– Просто молчит.

– А кроме космоса?

– Поймали лишь два сигнала, коротких.

– Тихомир, ты можешь доклады строить больше, чем из одного предложения?

– Поймали два входящих – наших и Содружества. Наши кричали, умоляли, вызывали помощь. Капитан дал пеленг лагеря, но сигнал пропал. Рхейцы молились, недолго. Потом пустота в эфире.

– Это все очень, очень нехорошо, – подал голос Рэнт.

– Внимание всем! – громко оповестил Юрий. – Ситуация сложная, но нам не привыкать. Сидим в обороне, отстреливаемся от всего подозрительного. На технику не полагайтесь, верьте только своим глазам.

– Мы, типа, в осаде? – спросил все тот же Рэнт.

– Типа того. Но к этому мы и готовились, так что ресурсов хватит.

– Что-то с трудом верится, судя по последним сводкам.

– Рэнт, отставить панику!

– Да я не паникую. Так, обращаю внимание.

– Одучи паникует, – раздался глухой голос урсулита.

– Заткнитесь и слушайте, – осек подчиненных Юрий. – Ситуация сложная, но не безвыходная. Никто подвигов от нас не требует, просто делаем свою работу. Будем делать как надо – все выберемся отсюда. Это ясно?

В наушниках угукнули.

– Вот и хорошо, – оптимистично подытожил Юрий. – Смотрите в оба. Буря, кажется, уходит. Так что видимость должна улучшиться.

Конечно, он врал – он понятия не имел что делать. Но что еще можно было сказать? Что все они обречены? Что столкнулись с чем-то необъяснимым, способным уничтожить не только маленький лагерь, но и целую планету? Что в прошлый раз удалось спастись лишь благодаря чуду и выгорающим двигателям корвета «Полынь»?

Но что, если он ошибался? Почему он вдруг решил, что у всепожирающей тьмы, вырывающейся из-за края Вселенной, и тем, что происходит здесь, одна природа?

Возможно, развеять сомнения мог бы Одегард, тоже очевидец событий в Полости Глизе, но ведь он не видел «Боба Хьюза». И никто не видел, кроме Юрия и того рхейца, который застрелился.

Кстати, а рхеец видел то же, что и Юрий?

Отправив Одучи к южной позиции, Гарин устроился на северной стороне лагеря. Вновь поползло время, вяло переваливаясь по монотонному ландшафту планеты. Буря действительно сдвигалась дальше, оголяя мерцающий купол силового щита, кажущийся маленьким на фоне бритвенно острых клыков скал.

Чтобы не «залипнуть» в монохромном пейзаже ночной Лилии Восемь, Юрий позволил модулятору включить одну из записей по истории Империи, которые во множестве скопировал из библиотеки «Ракуды». Красивый женский голос продолжил рассказ с момента, как Землю сотрясала «Эпоха Ящера», страшными десятилетиями отмечая последние дни колыбели человечества. Юрий плохо понимал что такое «техногенная катастрофа», «ресурсодефицит» и «пандемия», но общий смысл улавливал верно, хорошо представляя гнетущую атмосферу умирающего мира. Он ведь и сам когда-то жил в подобном.

Рушились государства с незнакомыми названиями, исчезали неизвестные Юрию народы. Страшные болезни пожирали континенты, толпы беженцев пытались спастись в перенаселенных лунных поселениях. Именно в это время миссия «Пилигримов» еще казалась перспективной.

Но в Солнечную систему уже возвращался Суратов, будущий властитель Империи Млечного Пути. Его приобретенная в глубоком космосе способность создавать Арки спасет цивилизацию, но навсегда обесценит, а потом и похоронит память о ковчегах.

Движение внутри шлейфа уходящей бури Юрий заметил не сразу. А заметив, некоторое время всматривался, пытаясь понять, что же именно он видит.

Существа выныривали из песка и вновь скрывались под дюнами, закручиваясь веретеном. Иногда в воздухе мелькали черные хлысты, свивающиеся кольцами, бугрились покрытые шевелящейся бахромой спины. Юрий насчитал около двадцати существ, но их могло быть и больше.

– Ты это фиксируешь? – быстро спросил у модулятора Гарин, набрасывая активный прицел на лицевое стекло шлема.

– Фиксирую, – ответил Вигар. – Не могу идентифицировать.

Активный прицел моргнул и завис в центре маски, никак не реагируя на приближающихся тварей. В любом случае, для «свистуна» дистанция была великовата.

– Наблюдаю неопознанных существ, – сообщил в эфир Юрий. – Направление полета, северо-восток. Возможно, атака.

Он внимательно следил за тем, как черные росчерки приближались к охранному периметру. В тактическом режиме он видел алые полусферы секторов контроля автоматических пулеметов, первые ныряющие в песок создания должны вот-вот войти в зону их поражения.

– Цель не вижу, – растерянно отрапортовал Рэй, развернувшись вместе с турелью в указанную Гариным сторону. – Какое-то движение, но не пойму...

Черное «веретено» выпрыгнуло прямо внутри алой зоны, буром ушло вниз.

Автоматический пулемет, торчащий из-за рукотворного бархана, лишь дернулся в ее сторону, но огонь не открыл.

Зато сработала одна из сигнальных ракет, выплеснувшись над землей сияющей кляксой. Следом раздался взрыв мины, один, второй, третий. В фонтанах взметнувшегося песка мелькали черные клочки плоти, извивающиеся обрывки «хлыстов».

Пусть и запоздало, но подключился Рэйквон, поливая крупным калибром клубы пыли.

– Помощь нужна? – азартно спросил Рэй со своего наблюдательного поста.

– Оставайтесь на позициях! – Гарин пытался понять, захлебнулась атака на лагерь или нет. – Продолжайте смотреть в оба.

Рядом опустилась фигура в черном облегающем скафандре. Тактик-оператор припал к насыпи, вглядываясь сквозь непроницаемую поверхность лицевой брони в подсвеченный ракетой участок.

Среди оплавленных воронок и выкорчеванных камней можно было засечь какое-то движение, но угасающее, конвульсивное. Вскоре и оно пропало.

– Сектор чист, – прокомментировал модулятор, и в его голосе Юрию впервые послышалось сомнение.

– Рэй-сержант, – раздался в наушниках голос тактик-оператора. – Отправьте человека восстановить минное заграждение...

– Атака! – проревел Одучи.

С его стороны послышались пулеметные выстрелы.

– Направление? – Юрий уже вскочил, как смог быстро, и теперь тяжело бежал через лагерь. – Сколько их?

Его легко обошел тактик-оператор, на ходу бросая далеко вперед небольшой «бумеранг» дрона-разведчика.

– Две сотни, юг, – дал направление урсулит. – Много. Одучи таких еще не видел.

И вновь взрывы, вспышки сигнальных ракет. На сей раз тварям удалось пробраться дальше, продавив зону почти до середины.

– Тупые, – предположил Одучи, прекращая стрельбу. – Дохнут быстро – хорошо.

– Почему автоматические пулеметы не работают? – Юрий обернулся в сторону Тихомира, торопливо выгружающего из ящиков похожие на блины мины.

– Должны работать, – не отвлекаясь, буркнул контрактор.

– А если подумать?

Глебович замер на секунду, ответил:

– Не запрограммированы стрелять в такое.

Гарин еще раз бросил взгляд на вспученный рубец вспаханной взрывами земли, на неподвижные тела существ. Оставил на позиции тактик-оператора, внимательно изучающего местность через объектив летающего в темноте дрона, принялся помогать Тихомиру. Вдвоем они быстро погрузили мины в «сеялки» – короткие толстые трубы с ручками по бокам – под прикрытием товарищей выдвинулись сначала на южный фланг лагеря, потом на северо-восточный. «Сеялки» коротко щелкали, выстреливая плоские мины под верхний слой песка, и контракторы довольно быстро восстановили целостность обороны.

– Тихомир! – обратился к товарищу Юрий, когда они перебрались через насыпь лагеря. – Задай пулеметам алгоритм стрельбы на движение.

– На любое? – с сомнением переспросил Глебович, бросая на песок «сеялку». – Затратно.

– Так они нас перестреляют, – вмешался в разговор Рэй. – Вон, прямо подо мной один стоит.

– Электроника почему-то не желает реагировать на этих существ, – продолжил Юрий. – Их не отмечают ни «умные» прицелы, ни цифровые глазные имплантаты. Значит, нужно сделать так, чтобы автоматика реагировала на любое движение.

– У пулеметов очень чуткая оптика, – заметил Тихомир. – Будут стрелять по движущимся песчинкам.

– Значит, сделай поправку на продолжительность движения. Или на объем движущегося объекта. Или на скорость.

– Я понял.

– Ветер почти стих, так что ложных срабатываний, думаю, будет немного, – добавил Гарин.

Под слепым стеклом шлема не было видно лица Тихомира, но по его позе Юрий понял, что товарищ уже размышлял, как лучше все сделать.

– Эй! – вновь подал голос Рэнт. – Напоминаю – подо мной тоже стоит один...

– Настрою угол обстрела как надо, – буркнул в ответ Глебович. – Главное, перед стволом не бегай.

Они успели как раз вовремя – не прошло и получаса, как на мины налетела очередная стая безмолвных тварей. На сей раз, благодаря автоматическим пулеметам, все закончилось куда быстрее.

– Даже выстрелить не успел, – с поддельным разочарованием выдал Ярвис.

Мрачный Тихомир посоветовал ему «не каркать».

Связи по-прежнему не было. Даже тактик-оператор До Ганг, до этого буквально приклеенный к модулю коммуникатора, оставил свой пост и ушел копать в мертвой «каракатице». Вместо него поисками помощи занялась методичная электроника.

Ураган утащил за собой ветер и песочную метель, на короткое время открыв горизонт и небо. И если в зубастой линии скал далеко впереди не было ничего примечательного, то черный купол с зависшей у края зеленоватой луной притягивал взгляд.

Гарин убрал фильтры, чтобы увидеть все своими глазами, попытался понять, где может находиться Земля. Но не смог, небо было абсолютно чужим, а редкие звезды мерцали бледно и незнакомо.

– Вижу их, – прервал размышления Юрия Одегард. – Много.

Тварей действительно было много. Казалось, вся пустыня шевелится, стягиваясь к небольшому лагерю на небольшом холме. Некоторые выросли тонкими венчиками, словно высматривая для остальных дорогу, тут же ныряли обратно в песок.

– Ох, черт! – выругался с противоположной стороны Рэнт. – У меня тоже.

– Занять круговую оборону! – скомандовал тактик-оператор Мельников. – Беречь боеприпасы.

– Из личного оружия огонь не открывать пока не преодолеют вторую линию, – Гарин быстро сделал на тактическом экране необходимые пометки. – Тихомир, на «мортиру».

Он думал, что майор что-то возразит или добавит, но тот лишь проводил быстрым взглядом удаляющегося к отрядному миномету Глебовича, перехватил оружие и сказал:

– Открываю доступ к картинке дрона.

И добавил, обращаясь к Юрию:

– Берегите коммуникатор, рэй-сержант. Сейчас он дороже людей.

– Мертвые не способны к коммуникации, – прошелестел в голове модулятор.

Прежде, чем Гарин успел ответить, суетливо застучали автоматические пулеметы.

В воздухе повисло сразу несколько сигнальных ракет, освещая минное поле фосфорно-белым светом. Метались длинные черные тени, разлетались осколки камней, крутились в воздухе извивающиеся обрывки. Сквозь пламя и пыль на лагерь неслись новые существа, вытягиваясь в струну, подкидывая себя гибкими хвостами и ныряя в перепаханную землю. По ним безжалостно лупили пулеметы, отбрасывая чудовищ назад.

– Они в моей зоне, – напряженно отрапортовал Рэнт. – Открываю огонь.

Юрий выругался, схватил «свистуна» и побежал к позициям Ярвиса. Там уже находился До Ганг, вооруженный толстоствольным штурмовым карабином. Капитан казался спокойным и даже расслабленным, хотя, не отрываясь смотрел на атакующую орду.

Бросив быстрый взгляд поверх бруствера, Юрий устроился на песке у края периметра. Снял и выложил рядом несколько плазменных гранат, зарядил в подствольник автомата вакуумные заряды.

– Они прорвутся, – бесстрастно сообщил стоящий рядом тактик-оператор.

Гарин ничего не ответил, взглядом растянул внутри шлема изображение и словно воспарил, оглядывая лагерь с высоты кружащего дрона.

Положение было хуже, чем он думал. Сверху отчетливо виднелись темные полосы в минном поле, протянувшиеся почти до середины охраняемой зоны. Извивающиеся безликие твари не жалели себя, расчищая сородичам путь к центру. Кинжальный огонь пулеметов и турелей пока не давал существам прорваться дальше, но как надолго хватит боеприпасов? Волны атакующих казались нескончаемыми, и тактика выжидания не виделась Юрию разумной. Но что делать? Куда бежать?

Он перешел в тактический режим и отметил точками места скопления врагов. Скомандовал:

– Тихомир! Огонь по направлениям.

В центре лагеря блеснуло, минометные заряды взмыли вверх, разделились и обрушились вниз, расплескиваясь алыми кляксами.

Юрий отметил новые цели, потом еще. Глебович стрелял метко, укладывая смертоносные «посылки» ровно туда, куда нужно.

Гарин позволил себе чуть отвлечься, попытался разглядеть, откуда именно прут чудовища, но обзор дрона не позволил ему это сделать.

Несколько черных тел стяжками пронзили оборону прямо напротив входа в лагерь и, чудом минуя мины и сигнальные ловушки, прорвались прямо к силовому куполу.

Гарин рывком очистил обзор, поднимаясь на ноги.

– Прорыв! – гаркнул он, вскидывая автомат. – Направление зеро.

Тварь легко преодолела полупрозрачную преграду и впрыгнула внутрь лагеря. Она встала на упругий хвост, поднявшись выше человеческого роста, раскрылась хищным цветком, разворачивая лоснящиеся хлысты-лепестки. Гарину пришлось на ум сходство с хищной гидрой из передачи про подводный мир Земли.

Тварь прыгнула с места. Юрий и До Ганг выстрелили одновременно. Автомат Гарина «засвистел», прошивая существо поперек, карабин тактик-оператор хлопнул лишь раз, картечь оторвала несколько трепещущих «лепестков».

Тварь ухнула вниз, к самой земле, скрутилась спиралью, разбрызгивая черную маслянистую жидкость. Пружиной распрямилась, заскользила вперед, сокращая дистанцию. Заряды «свистуна» вырывали из ее тела липкие ошметки, Юрий буквально слышал чавканье попадающего в плоть металла. Вновь выстрелил До Ганг, спокойно и размеренно. Тварь разорвало пополам.

– Прорыв! – заорал Рэнт.

Сквозь купол перевалилось еще два существа, одно еле ползло, исходя едким паром. К ним стремительно рванул тактик-оператор, оставив Гарина расстреливать останки первой твари.

– Помощь нужна? – поинтересовался Одегард.

– Нет! Держите направление!

– Они специально бросаются на мины, – заметил Рэй.

– Откуда они вообще лезут? – зло спросил Ярвис. – Сволочи, им конца не видно.

– Спокойно, – раздался голос Мельникова. – С ними можно сражаться, а значит все хорошо.

Майор появился из шлюза медблока и легким шагом направлялся к коммуникатору, что-то подстраивая на своем длинноствольном оружии. За ним, нерешительно шагал десантник, нервно оглядываясь. Сквозь забрало шлема лица было не разглядеть, но Гарин отчего-то сразу понял, что это их старый знакомый по кубрику.

Небо над лагерем горело от зависших сигнальных ракет. Между шипящими огнями скользил дрон-разведчик, транслируя картину развернувшегося боя.

Твари лезли со всех сторон будто голодная стая на парное мясо. Основную их массу пока получалось срезать огнем автоматических пулеметов и крупнокалиберных турелей, но некоторым удавалось просочиться во внутренний периметр. Тут их встречали Юрий, Глебович, тактик-операторы и десантник. Последний, впрочем, совсем не проявлял активности, его приходилось буквально понукать, указывая куда бежать и в кого стрелять. Бой на плато что-то надломил в молодом парне.

Все происходящее действительно походило на какой-то кошмар. Юрий, как ни пытался в минуты коротких передышек рассмотреть, откуда именно появляются существа и как много их осталось, но так и не смог ничего понять. Поэтому приходилось лишь скупно менять в ска-

фандре молекулярные фильтры для кислорода, считать опустевшие ячейки в подсумках, и вновь возвращаться в драку.

Минных полей больше не существовало, вокруг лагеря все было усеяно мертвыми и чуть подергивающимися телами. По ним ползли и прыгали новые твари, ничуть не меняя тактику. Готовясь к наземной операции, контракторы не предполагали такого развития событий. И боеприпасов брали хоть и чуть больше, чем было положено по штатной норме, но никак не на такую длительную осаду. Теперь Гарин с растущим беспокойством отмечал мигающие красным батареи пулеметов, да чернеющие пустоты в ящике с минометными кассетами.

– Майор! – меняя магазин в автомате, Юрий нашел глазами фигуру Мельникова. – Нужно уходить. Не удержим лагерь.

Тактик-оператор точным выстрелом из винтовки срезал сразу двух тварей, ответил даже не повернувшись к Гарину.

– Отставить! Ждем наших.

Юрий раздосадовано прокашлялся, запросил частный диалог. Мельников открыл канал внутренней связи.

– Майор, – как можно увереннее начал Юрий. – И вы, и я знаем, что связи с орбитой уже не будет. Как и помощи. Нужно убираться с открытого места, мы здесь как окорок на блюде. Эти твари, кем бы они ни были, не успокоятся.

– Рэй-сержант, есть ли хоть малейший смысл в том, чтобы уходить из пусть и плохо, но все же укрепленного лагеря в пустыню?

– Не в пустыню, – возразил Гарин. – В скальный грот. Он недалеко. Там будет проще обороняться и появится шанс дожидаться хоть кого-то.

– С нами раненые, – чуть помедлив, возразил Мельников. – Они не дойдут.

– Здесь мы им тоже ничем не поможем, когда закончатся боеприпасы. Вы же видите, на круговую оборону уходит слишком много сил и средств.

И добавил, понимая смысловую окраску фразы:

– Не дойдут они – дойдете вы. И тогда информация из вашей головы попадет-таки в штаб. В крайнем случае, завалим вход, и до наших тел не доберутся, не растащат по кускам. Тогда специалисты потом смогут вытащить все, что нужно.

На сей раз майор даже опустил ружье, повернул голову к Гарину, словно впервые его видел. Юрий мог предполагать любую реакцию от тактик-оператора, вплоть до обвинений в трусости. Но тот ответил с долей удивления в голосе:

– Я вас недооценивал, рэй-сержант Гарин.

– Меня многие недооценивали. Я привык.

– Что ж, выйдите из боя и набросайте маршрут. Я прикрою ваш сектор...

– Твою мать! – резанул слух вопль Ярвиса. – Падаю!

Юрий, отложивший было автомат, подхватился, рывком развернулся в сторону турели Рэнта.

Песок под невысокой башней вспучился, растопыренная конструкция опасно кренилась вперед. Что-то лезло из-под земли, что-то большое, полупрозрачное.

– Прыгай! – приказал Ярвису Юрий.

Мимо него пробежал Тихомир, сжимая в кулаке связку гранат.

– Что-то есть под землей! – раздалось со стороны Рэя. – Одучи, уходи оттуда!

Башня наклонилась еще больше и тяжелый контрактор, не удержавшись, вывалился из «люльки» прямо перед ползущими чудовищами.

– Доктор! Выводи раненых! Быстрее! – закричал Гарин, с горечью понимая, что время потеряно.

Земля под ногами пошла волной и он, не удержавшись, упал на бок, покатился. Где-то грохнула серия взрывов, яростно заорал в наушниках Ярвис.

- Прорыв! – Юрий с трудом узнал голос Одегарда.
- Рэнт! Они жрут Рэнта! – это уже Тихомир.
- Отцы-духовники, – в сердцах прошипел Гарин, поднимаясь.
- Сгруппироваться возле медблока! – резким голосом приказал Мельников.

Охранного периметра больше не существовало. С южной стороны еще стучали автоматические пулеметы, изредка ухали взрывы мин, с севера в куполе зияла огромная дыра, торчали телескопические опоры перевернутой турели, да слышались лишь выстрелы автоматов контракторов.

Краем глаза Юрий увидел, что возле медблока суетится лейтенант Си Илат, поддерживая ссутулившуюся, еле передвигающуюся фигуру в дежурном белом скафандре. Рядом, в таком же скафандре, стоял еще один человек, он стрелял из короткоствольного пистолета-пулемета куда-то в сторону. К ним спешил кто-то из тактик-операторов, судя по карабину, До Синг.

Все контракторы, игнорируя приказ майора, дрались с тварями возле места падения Рэнта. Их сбивали с ног, пытались утащить в шевелящуюся мглу, но они отбивались, упорно продираясь к дергающейся куче черных тел, в которой мелькали руки и шлем их товарища.

Гарин с ходу вступил в бой, переключив «свистуна» на картечь. Мелькнуло что-то черное, его сильно дернуло за плечо. Чуть не упав, Юрий выстрелил в сторону вакуумным зарядом. Взметнулся песок, хватка пропала.

В наушниках что-то орал Мельников, но его слова перекрывали хрип и ругань контракторов. Они палили во все стороны, яростно и зло. В руках Одегарда ухал снятый с турели пулемет. Над самой кучей, где твари сжимали и душили Ярвиса, возвышался Одучи. Урсулит истоптанно рвал черную плоть чудовищ похожими на стальные ковши лапами.

- Рэй-сержант! Назад! Это приказ! – доносилось из лагеря.
- Рэнт! Не молчи!
- Тихомир! Сбоку, смотри!

Одучи победно зарычал, отбрасывая оторванный кусок с «лепестками». Запустил лапы в склизкую кучу, с усилием вытащил полуживого Ярвиса. У того был смят шлем, отсутствовала левая рука и неестественно подгибались ноги. В оставшейся руке Рэнт по-прежнему сжимал длинный зазубренный нож, покрытый серой слизью.

Урсулит взвалил товарища на загривок и прыжками понесся обратно в лагерь. За ним потянулись и остальные контракторы, прикрывая отход.

Гарин выпустил из виду тот момент, когда рядом появился До Синг. Тактик-оператор кружил вокруг топающего и пыхтящего отряда контракторов, разносил тварей из карабина и рубил их тонкими лезвиями, появляющимися из рукавов скафандра. Земля под ним заходила ходуном, разошлась в стороны, открывая глубокий зев неведомого подземного чудовища. До Синг отпрыгнул, а Гарин с Тихомиром не упустили момент, забросив внутрь по последней гранате.

Возле медблока их встретил Си Илат, бесцеремонно растолкал контракторов и залил культю Рэнта быстросохнущим медицинским гелем. Раненого контрактора положили возле покосившегося коммуникатора, над которым словно часовой застыл Мельников. Он больше не ругался на Гарина, просто медленно осматривался, опустив ствол винтовки.

- Эх, так и не попробовал мандарины, – тихо произнес Глебович. – Жалко.

От защиты лагеря ничего не осталось. У всего тяжелого оружия кончился боезапас, счетчики зарядов в автоматах тревожно перевалились за желтый сектор. А твари, пусть уже и не так рьяно, но ползут, ползут по телам мертвых сородичей.

- Похоже, все, – выдохнул Рэй. – Конец истории.
- Одучи был рад воевать рядом, – урсулит выпрямился во весь свой немалый рост, сжимая кулаки.

Глебович похлопал товарища по спине.

Жалко парней. Но все действительно закончится здесь. И закончится быстро.

– Включить соответствующую моменту лирическую композицию? – поинтересовался модулятор.

– Черта с два!

Юрий совсем не чувствовал, что все кончено. Наверное, это самообман, нежелание принимать данность – но он просто напросто отказывался считать себя приговоренным. Он словно боялся, что с принятием неизбежности скорой смерти, та действительно настигнет его.

Нет, его слишком часто загоняли в угол. И единственное, что он знал наверняка, так это то, что в такие моменты нужно биться до последнего. Биться и верить, что в живых останешься именно ты, а не твой враг.

– А ну собрались! – рявкнул он, прохаживаясь перед командой. – Приказа умирать не было! Выдвигаемся к гроту! Приготовиться к рукопашной!

– Рэй-сержант...

– Да, майор! – с вызовом откликнулся Гарин, чувствуя, что подкатившаяся ярость выплескивается наружу.

– Жаль, что мы не познакомились раньше, – Мельников кивнул. – Я пойду первым, держитесь за мной.

– Раненых нужно...

Лейтенанту Си Илату не дали договорить, его перебил истошный вопль контуженного десантника, переходящий в истеричный вой. Солдат в грязном скафандре бросил оружие и, обхватив голову руками, бросился бежать прочь.

Все, и Гарин в том числе, оглянулись.

Через пустыню, медленно переставляя слоновьи ноги, к ним двигалось огромное, закрывающее половину неба существо. Под ним, словно верные собачки, бежали странной, изломанной походкой человеческие фигурки.

Фигурки в боевых скафандрах Империи и Содружества.

– Господи, да что это вообще такое? – окаменевшим голосом выдавил Одегард.

– Теперь музыка будет уместна? – словно издеваясь, спросил модулятор.

Неожиданно атакующие людей твари взорвались шумными огненными букетами. Сверху, разгоняя в стороны пыль и мусор, рухнуло что-то угловатое, разгоняя тьму двумя мощными прожекторами. Из распахнутого зева транспортного люка выступила тонкая фигура в летном скафандре, в наушниках изумленных бойцов прозвучало:

– Мы за вами! Быстрее, сюда!

И добавил:

– Добро пожаловать на борт катера корвета «Полынь».

Глава 2. Женя

Девушка больше не пыталась брыкаться и кричать, лишь судорожно всхлипывала, втягивая воздух сквозь онемевшую гортань. Даже когда он залез к ней под юбку, подцепил пальцем шелковистые трусики и с силой потянул вниз, лишь мелко задрожала, заскулила точно испуганный щенок. Без труда разомкнув ее слабо сопротивляющиеся колени, Ирби навалился на девушку сверху и принялся за дело.

– Нужно было соглашаться по-хорошему, – жарко выдохнул он.

Звуковой модулятор услужливо заменил его голос голосом Джерома Доланго, кандидата в сенаторы от объединенных колоний Полости Глизе и двойной туманности Атласа.

Девушку звали Уви Юхани и когда Ирби ввел в нее имитатор человеческого полового члена она лишь беззвучно, обреченно разрыдалась.

Джером Доланго, в чьем облике Ирби насиловал девушку, был грубоватым и заносчивым уроженцем далекой промышленной колонии, бесцеремонно ворвавшимся в мир политической элиты Империи. Прямолинейный, словно старательский бур, простой и эмоциональный, Доланго легко нашел общий язык с работягами и аграриями. И быть ему сенатором, если бы не одно «но» – на это же место претендовал и Валентин Аладьев. Доланго предложили взять самоотвод. Получили насмешливый, издевательский отказ. Тогда в игру вступил Ирби.

– Ты запомнишь, как отказывать Джерому Доланго, – прошипел в лицо девушки Ирби, слыша разносящийся по маленькой кабине лифта голос политика.

Как профессионал, Ирби всегда старался избегать радикальных способов решения проблем. Но, как профессионал, он знал когда и как эти способы нужно применять.

«Мягкие» меры воздействия должного эффекта не принесли. Не помогли ни уговоры, ни подкуп, ни угрозы. На всё Доланго отвечал в свойственной ему жесткой и заносчивой манере, превращая любые переговоры в театр одного актера.

И именно поэтому сейчас человек, похожий на Джерома Доланго, насиловал единственную дочь заместителя Министра планетарной обороны.

Аймо Юхани бесконечно любил свою дочь, девушку славную и добрую. К своим двадцати трем годам Уви не превратилась в избалованного отпрыска влиятельного родителя, отличалась самостоятельностью и рассудительностью. Сама выучилась на пространственного архитектора, сама устроилась в контору по производству орбитальных теплиц. Была частым гостем на всевозможных благотворительных акциях, собирала средства для помощи нуждающимся колониям.

Именно на одном из благотворительных вечеров Ирби и устроил знакомство Уви и Доланго.

Ирби прекрасно умел читать людей. Он сразу понял, что Уви – «желанный образ» для Джерома. Девушка внешне напоминала мать Доланго, движениями и манерами походила на женщин, с которыми тот предпочитал проводить время, и была в том возрасте, в котором у Джерома случилась самая бурная романтическая история. Эта информация стоила недели плотной работы с биографией кандидата в сенаторы, хороших взносов нужным людям, а также умений Ирби по выявлению тончайших психологических маркеров. Сложная задача для обычного оперативного агента.

Но Ирби Юст Кааб был не просто агентом, он был одним из лучших в своем деле.

Когда пришла пора действовать, Ирби сделал все как надо. Несколько капель нужных феромонов на платье Уви, «случайная» встреча возле столика для фуршета, вовремя подкинутая фраза для общего разговора – за свою почти столетнюю практику Ирби хорошо поднаторел в подобных вещах. Закономерный результат его влияния – Доланго заметил Уви, заинтересовался, у него возникло влечение, переросшее во вполне конкретное желание.

Уви повела себя ожидаемо – тактично отвергла все знаки внимания со стороны Джерома. На что Доланго лишь усмехнулся, он не привык сдаваться.

Все это Ирби специально провернул в общественном месте, при свидетелях – публичность была важна для второго этапа плана.

Именно Ирби подкинул Доланго виртуальные контакты девушки. Джером не заставил себя долго ждать, тем же вечером послал Уви сообщение. Как только он это сделал, на канал связи тут же подцепился почтовый бот Ирби. И он начал свою тонкую игру на чувствах обоих участников общения.

Доланго без зазрения сыпал однозначными предложениями и обещаниями. Ирби превращал их в романтические послания застенчивого мужчины. Уви отвечала сухо и официально, Ирби окрашивал ее сообщения в уклончивый флирт. В какой-то момент вообще перехватил инициативу и от лица Доланго предложил девушке встретиться, чтобы «он смог объясниться, а там будь что будет».

Дочь замминистра думала долгих четыре минуты, но Ирби не беспокоился, он редко ошибался в людях. И Уви, честная, открытая и откровенная, согласилась раз и навсегда поставить точку в этой истории.

Только вместо Доланго в уютном домике на окраине тихого марсианского предместья девушку поджидал Ирби.

Девушка под Ирби задержалась, тогда он, перехватив пальцами продолговатый имитатор, поднажал, проник глубже и выдавил содержимое. Уви выгнулась, из ее горла донесся сиплый клеткот, а потом она разом обмякла, потеряв сознание.

Ирби еще несколько раз подвигал рукой туда-сюда, извлек инструмент и поднялся. Окинул взглядом расprostертое тело девушки, убрал имитатор в пакет.

Генетический материал политика Ирби заполучил банально, взяв образцы слюны с одного из бокалов. Клонирование семенной жидкости поручил одному подпольному генетику, не задающему вопросов. Работа велась, конечно, не в самых лучших условиях, но зато на аппаратуре, не оставляющей на конечном продукте идентификационные номера.

Зато теперь на теле и одежде дочери замминистра было достаточно технически «чистых» сперматозоидов, чья генетическая конфигурация указывала на Джерома Доланго. Вкупе со свидетельскими показаниями Уви Юхани эти «улики» превратятся в могильный камень для карьеры политика.

Ирби, тяжело выдохнул, откинувшись на стенку лифта, ухватил себя за бок похожими на сардельки пальцами и потряс толстой складкой.

«Оболочка», в которой он сейчас находился, была немного ниже Доланго и грузнее в бедрах, спутать их можно было только в темноте. Но он – это лучшее, что Ирби нашел за короткий срок. Он пообещал этому мужчине по имени Нэйл, чье сознание сейчас блокировал встроенный шунт, большое вознаграждение, но знал бы сейчас этот Нэйл чем именно сейчас занимается его тело.

Ирби невольно крикнул, нагибаясь, просунул ладонь под волосы девушки и вытащил диск полицейского нейрошокера. Напрягся, готовясь ударить ожившую Уви, но та не шелохнулась, лишь грудь мерно вздымалась от дыхания.

Из дома Ирби вышел через парадный подъезд, мелькнув несколько раз в поле зрения камер патрульных дронов. Свернул на типичную для Марса бордовую глиняную дорожку, тянущуюся сквозь ажурный коридор алого винограда. Оказавшись на стоянке, забрался в дешевую, взятую напрокат по поддельным документам машину, завел двигатель и полетел из города в сторону далеких скал.

Уви скоро придет в себя, активирует вырубленную шокером инбу и позвонит отцу. Дальнейшее разверзнет над Доланго чан с дерьмом, от которого ему придется долго и мучительно отмываться – обвинение в изнасиловании никому не прибавило рейтинг перед выборами. Да,

Доланго попытается сделать хорошую мину при плохой игре, он прекрасно поймет, кто и зачем его подставил. Он бросится объявлять о своем алиби на всех информационных площадках, он покажет, что совсем не похож на того человека, чье изображение с камер так неудачно искажено странными помехами, он даже пройдет унижительную процедуру сравнения генетического материала. Да, он будет сражаться.

Но только Джером не учел одного – под гниющей поверхностью столичного истеблишмента его давно уже ждут голодные аллигаторы. Они разорвут его словно неосторожного оленя на водопое.

А Доланго был неосторожен. Он слишком нагло и быстро взлетел, открыто проявлял презрение к оппонентам и не желал следовать негласным правилам, тем самым нажив себе много влиятельных врагов. Поэтому теперь никто не станет с ним церемониться и играть по правилам, тем более если сезон охоты на Доланго откроет разъяренный замминистра. Вцепятся в глотку и утащат на дно. И даже если Джером сумеет как-то пережить ситуацию, в обойму он вернется очень не скоро.

Существовала, конечно, небольшая вероятность, что Уви не будет предавать огласке факт изнасилования. Истинная дочь своего отца, она, быть может, предпочтет сама разобраться с обидчиком. К примеру, застрелит его на каком-нибудь приеме. Что ж, Ирби устраивал и такой вариант развития событий.

Когда высокие марсианские горы поднялись до половины неба, рхейский агент свернул на широкую, накатанную карьерной техникой дорогу. В темноте проплыли предупреждающие знаки о ведущихся горных работах, об опасности камнепада.

Через пару километров дорога сделала кольцо перед покрытым пылью корпусом перерабатывающего поста. Оставив машину за камнями, Ирби прошелся пешком, зябко дергая плечами от опустившейся прохлады, толкнув незапертую дверь, вошел в темный короб цеха.

Ночные работы по переработке породы были запрещены, чтобы не создавать дискомфорт жителям близлежащего городка. Единственное, что работало в недрах чугунной коробки, это несколько мелких камнедробилок, сквозь которые безликие рабочие синты пропускали мягкую слюду и окаменевшие комья глины. За ними из маленькой будки под потолком должен был наблюдать дежурный оператор, но сейчас виднелся лишь сопящий на кресле силуэт. Действительно, зачем паяться на монотонный процесс, если синты и так знают, что делать, и уж точно не создадут аварийную ситуацию?

Ее создал Ирби. Он бесцеремонно оттер одного синта от пульта управления камнедробилкой, сорвал пломбу и отключил предохранитель. Поднялся наверх конструкции, поднял защитный кожух. Перелез через перила и забалансировал над лязгающими жерновами, по которым прыгали мелкие камушки. Примерившись, прыгнул вниз, вырвав из затылка шунт.

Его сознание стремительно покинуло тело, уносясь прочь. Сознание Нэйла пробившей плотину водой заполнила освободившееся место. Возможно, Нэйл даже успел придти в себя, прежде чем его тело упало на барабаны камнедробилки и превратилось в фарш.

В нескольких километрах от места трагической гибели «оболочки», на кровати гостиничного номера космопорта «Гавань Уэллса», открыл глаза худощавый молодой человек с неприятным лицом. Отбросив одеяло, скатился на пол, где его стошнило в заранее подготовленный таз.

Ирби давно хотел разобраться с этой новой особенностью переноса. Но все откладывал, потому пока что приходилось мириться с этой «ментальной интоксикацией».

Что ж, дело сделано. Через несколько месяцев Демид Аладьев станет сенатором. А это значит, что еще на один шаг ближе к цели станет Ирби Юст Кааб, самый успешный агент-нелегал разведки Содружества Рхеи.

* * *

Лицо в зеркале взирало на Ирби угрюмо и устало. Он попытался улыбнуться, и губы зеркального двойника резиново растянулись, собирая складки морщин.

Но вот только глаза, они остались такими же холодными и безучастными.

Ирби стер улыбку и опустил голову, устало смежив веки.

Он совсем не помнил цвет своих глаз. Как не помнил голос и смех. Память подсовывала череду образов, но то, скорее всего, были облики «оболочек», сквозь которые прошло его сознание.

Ирби не видел в этом большой проблемы. Агентов учили не привязываться к индивидуальности, не привязывать себя к «оболочке».

Даже если «оболочка» – твое собственное тело.

Десятки лиц, десятки рук, десятки всевозможных тел – Ирби всего лишь подрядчик, берущий их напрокат. В чьи-то «оболочки» он переписывался полностью, стирая личность бывшего владельца, в чьи-то входил по договоренности, на время блокируя сознание носителя. Но никогда не ассоциировал себя с ними, всегда удерживал барьер между собственным «я» и тем обликом, в который перекинулся.

Судя по всему, барьер дал течь. И теперь по ночам что-то будило Ирби, заставляя подолгу пялиться в чужой потолок чужими глазами.

Проклятое подсознание, наполненное слабостями и детскими страхами. Словно сошедший с ума часовой, поднимающий тревогу по поводу и без.

Ирби расправил плечи, встал с кровати и прошлепал босыми ногами к панорамному окну, за которым медленно проплывал серебристый диск Оберона.¹

¹ Оберон – спутник Урана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.